

ФАРРА ТЕЙЛОР

BOOK IN FASHION

Любовь и юмор в
незабываемом сладком романе

- Энни Ситон, автор.
"Tangling with the CEO"

Любовь всей его жизни

Рок звезда
Наня.

Любовь, которая может
перевернуть весь их мир

Автор:

Фарра Тейлор

Книга: Любовь всей его жизни

Оригинальное название: Love Songs for the Road

Серия: Вне серий

Переводчик: Inna_Zulu

Редактор: Виктория Кузина

Вычитка: Ms.Lucifer

Художественное оформление: Ms.Lucifer

Рок-звезда. Няня. Любовь, которая может потрясти их мир.

Единственное, что рок-звезда Маркус Трой любит больше, чем музыку — это его дети. Поэтому, найти самую лучшую няню, чтобы взять ее в турне с ними, очень важно — это докажет его бывшей, что он заслуживает совместную опеку. Влюбиться в свою работницу — не просто стать мишенью для папарацци, — это может испортить все.

К несчастью, идеальной няней оказывается красивая, яркая Райан Эванс. Райан никогда раньше не покидала свой маленький городок в Монтане, поэтому она не упускает шанс посмотреть страну. И так же, как и неожиданная известность не сочетается с робкой Райан, так выглядят и ее отношения со своенравным, горячим, шокирующе положительным папочкой-боссом. Маркус совсем не такой, каким она ожидала его увидеть. Но когда весь мир следит за ними, станет ли жизнь в центре внимания слишком напряженной, чтобы справиться?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Женщина из плоти и крови

Она всегда ладила с детьми. Все неприятности Райан доставляли только взрослые, эти противные взрослые с их запутанными, сложными проблемами. Для нее потребности детей всегда были предельно ясны:

1) Накорми меня.

2) Обними меня.

3) Люби меня.

Ох, и не забывай:

4) Никогда, никогда не оставляй меня.

Райан, одной рукой управляющая своим пикапом Форд, усмехнулась про себя, желая, чтобы все мужчины в ее жизни могли быть такими же непосредственными.

Она думала о том, как сильно дети отличаются от взрослых. Дети могли быть грязными, бегая на улице в грязных подгузниках, со слезами, текущими по измазанному в шоколаде лицам, но чистые внутри. Их желания были просты, и их потребности были предсказуемы. Но в то время взрослые в жизни Райан (*за исключением одного, достойного сожаления, парня в Университете штата Монтана, который думал, что, принимая душ только два раза в неделю, он увеличивал свой животный магнетизм*), всегда вытирали остатки пищи с их лиц и, вообще, были круглыми отличниками в вопросах гигиены, внутри они были грязнее, чем игровая комната малышей: кругом разбросаны игры, куклы и игрушки разодраны в приступе ярости, словно здесь только что пронесся ураган.

Взрослые, в отличие от детей, — с ними Райан придерживалась строгого графика не потому, что ей нравилось быть властной няней, но потому, что детям нравилась стабильность, — они были совершенно непредсказуемы. Дети могли не устраивать истерики бесконечное число раз в день или начинать кидаться едой, но они (*кхм, ее сестра, Фиби*) говорили одно, а потом делали другое. Или они (*ее последний босс, миссис Рэндалл*) молча осуждали тебя, накапливая свое раздражение в течение нескольких месяцев, прежде чем неожиданно взрывались в гневе. Или они (*мистер Рэндалл*) делали вид, что проявляют интерес к твоему учебному курсу развития ребенка, в то время как на самом деле пытаются заглянуть исподтишка в твое декольте, как только их жены спускаются в холл. Или, что хуже всего, они (*ее бывший парень Ник*) патологически ввалили прямо тебе в лицо, скрывая от тебя семь месяцев, что они спали на стороне с твоей будущей-экс-подругой Натали, пока ты не перехватила текст с описанием сексуальных поз, о которых даже не знала, что такие существуют...

Взрослые были сумасшедшими, а с детьми было легко и просто.

Зазвонил телефон Райан. Это была Эмили, одна из ее старых подруг, и — это слишком запутанно — дочь садовника Маркуса Троя, богатого до неприличия, рок-звезды, выпустившего не-сосчитать-сколько-альбомов, который отчаянно нуждался в няне 24/7 для своего предстоящего американского тура.

— Привет тебе, — сказала Райан, крутя руль, чтобы повернуть направо на шоссе № 35. Она вела машину так, будто ездила по этой дороге и сворачивала сюда уже тысячу раз. — Почти на месте. Я должна добраться до Бигфорка через пятнадцать или двадцать минут. Не

волнуйся, я буду вовремя.

— Конечно, — сказала Эмили. — Ты же Райан Эванс. Ты не опаздывала с третьего класса.

— Когда это я опаздывала в третьем классе? — спросила Райан.

— Очень смешно. Что на тебе надето?

Райан осмотрела свой практичный наряд: в обтяжку, но не слишком, джинсы, очень миленький свитер, который позволяет предположить, что у нее есть все нужные изгибы, но, фактически, не выставляя их на обозрение, и низкие конверсы — тот тип одежды, который она носила почти каждый день, когда на самом деле, у нее была работа — и сказала:

— Маленькое черное платье, шестидюймовые шпильки на платформе и диадема.

— Очень смешно, Мисс Прагматичность, — засмеялась Эм. — Что на тебе на самом деле? Я надеюсь, что-то хоть немного привлекательное? Пожалуйста, скажи мне, что ты не надела тот дурацкий свитер, который твоя мама подарила на день рождения.

— Этот свитер милый. Он нормально смотрится. Я выгляжу круто.

— Как ты выглядишь? — вздохнула Эм. — Как умирающая бабушка?

— Не-а, — проговорила Райан. А после глубоким голосом, будто из трейлера к боевику, произнесла. — Няня из Монтаны¹... она будет заботиться о ваших детях, но не будет терпеть ваше дерьмо!

— О, мой Боже, Райан. Тебе нужна эта работа или нет?

— Почему я должна наряжаться? Я собираюсь быть няней его детей, а не его девушкой.

— Так вот, не в этом дело. Во-первых, даже если бы у тебя просто было собеседование с еще одним неудачником, таким, как мистер Рэндалл...

— Фу, пожалуйста, не будем говорить о нем, — Райан вздрогнула. Даже, если это означало, что теперь она была безработной и понятия не имела, как она собиралась покрывать свои расходы на обучение в Мичиганском университете этой осенью, она была в восторге, когда Рэндаллы неожиданно собрали вещи и переехали. — Я скучаю по Даниэле, такой сладкой малышке, но не хочу впустую тратить даже одной мысли о ее маме и папе.

— Райан, тебе двадцать пять. Даже если ты идешь на собеседование в обычную семью, ты не должна надевать свитер с изображением желудка. Но ты идешь к Маркусу Трою, рок-звезде. Самому известному человеку во всем....

— Самому известному человеку во всем великом штате Монтана! — Райан выкрикнула это своим голосом из ролика к фильму, желая, чтобы вместо работы этим летом она могла отдохнуть, сплавляясь вниз по реке Суон², и, валяя дурака с Эм и их друзьями, вместо того, чтобы зарабатывать кучу денег для обучения в магистратуре. — Я знаю, знаю, ты мне говорила это уже миллион раз.

— Про-ос-сти-и-и, — сказала немного обиженно Эм. — Мне не следовало рекомендовать тебя на эту работу?

— Нет, я хочу ее! — сказала Райан. — Действительно, и, поверь мне, я ценю, что ты присматриваешь за мной.

Райан сумела прикусить язычок — не простая для нее задача — и не добавила, что даже если ей и нужна эта работа, она, конечно, не собиралась ни перед кем лебезить, чтобы получить ее, даже перед рок-звездой.

Проехав вверх по длинной, извилистой дороге, она увидела дом. Это вообще не то, что она себе представляла. Она думала, что рок-звезда живет в одном из этих гигантских, бездушных макособняков, в которых такие люди, как он, предпочитали жить летом. Но этот

дом, просторный бревенчатый дом, выглядел обжитым и уютным. Позади него беззаботно протекала река, и виднелись горы Флатхед, снег все еще держался на их вершинах, блестя на солнце. Райан выросла далеко от реки, с видом всего лишь на кучку деревьев. Она убила бы, чтобы жить в таком доме, как этот.

Девушка поднялась вверх по ступенькам. Входная дверь была приоткрыта, — жители Монтаны никогда не запирали свои двери, особенно летом — и только дверь с сеткой отделяла ее от дома. Впервые она нервничала, хотя для этого не было никаких причин. Маркус Трой был просто тридцатичетырехлетний отец-одиночка, который нуждался в помощи со своими двумя детьми; Райан окажет эту помощь. Тот факт, что Маркус был известным, невероятно красивым и часто с голым торсом, по крайней мере, на фотографиях, которые Райан погуглила прошлой ночью, ни на йоту не повлияло на ее чувство профессионализма.

Понимая, что она стояла перед дверью, как идиотка, Райан собиралась уже нажать на дверной звонок, когда дверь быстро распахнулась.

— Вы няня? — спросила молодая женщина. Она носила очки, юбку-карандаш и бледно-желтый невероятно тонкий свитер из роскошной ткани. Было очевидно, что эта стильная девушка не из этих мест, но она была довольно дружелюбной.

Прежде, чем Райан успела ответить, девушка сказала:

— Я Серена, помощница Маркуса. Следуйте за мной. Маркус ждет.

Внутри все выглядело красиво и просто идеально, будто все создано для этого дома, а совсем не для кинозвезды-сноба. Если бы Райан была здесь одна, девушка бы плюхнулась на кожаный диван, закинула кроссовки на один из пуфиков из коровьей кожи, или пробежалась бы рукой вдоль длинного, гладкого гранитного обеденного стола, который, казалось, весил примерно столько же, сколько Форд F-150, на котором она сюда приехала.

Серена дошла до закрытой двери, приложила к ней ухо и робко постучала. Никакого ответа не последовало, поэтому она снова постучала. Ответа все не было. Наконец, чуть съезжившись, Серена открыла дверь. Кажется, это было дурным знаком. Какой же он жуткий тип, если сотрудница его боялась?

Серена вошла внутрь, говоря: «Привет?» — и Райан последовала за ней в большую, скудно меблированную комнату. Мужчина, который, как Райан и предположила, и был Маркусом Троем, неподвижно лежал в центре с завязанными глазами и крепко связанный по рукам и ногам. На нем были только черные боксеры и расшнурованные, выглядевшие грубыми рабочие ботинки — это все.

— Боже мой, — сказала Серена, прикрывая глаза рукой. — Мне так жаль, Маркус!

— Вау, — проговорила Райан себе под нос. Она никогда не видела такого красивого мужского тела. Кожа Маркуса была идеально загорелая, его обнаженная грудь совершенной формы. Мужские плечи были широкими, как у пловца, а руки покрыты сексуальными, замысловатыми татуировками. Каштановые волосы слегка вились. Понятное дело, она не могла видеть его глаз, хотя обратила внимание на высокие скулы и твердый подбородок. Она не могла найти никаких изъянов в его чертах лица. Но у него был такой накачанный пресс, что заставило Райан почувствовать легкое головокружение, и она осмотрелась в поисках ближайшего места, куда можно присесть. Несмотря на то, что Маркус спокойно лежал, его невероятно рельефные мышцы брюшного пресса, казалось, переливались, поймав солнечный свет, проникающий через окно.

Но как бы она не наслаждалась этим видом, Райан была немного напугана, очень

напугана. Что здесь происходило? Подруга Маркуса связала его и оставила здесь после извращенных секс-забав? Группи³ преследовала его и осуществила какие-то жуткие фантазии из мести? Она прикрыла глаза рукой, но потом стала подглядывать сквозь пальцы. Это казалось неправильным, но она просто не могла удержаться.

Легкая улыбка скользнула по губам Маркуса, но он все еще ничего не говорил. Он, казалось, чего-то ждал, слегка ворочая шеей, как будто хотел лучше слышать. Повернув голову в сторону Райан и Серены, он поднес указательный палец к губам. *Почему он просил помолчать?*

Вдруг, дверь шкафа в другом конце комнаты распахнулась, и двое детей, крича, побежали к Маркусу — мальчик четырех или пяти лет, несший пластиковый топор и девочка в футбольном шлеме, выглядевшая примерно на десять и державшая в руках огромную биту Nerf⁴. Их боевые крики были настолько пронзительными, что Серена заткнула пальцами уши, в то время как дети начали вышибать мозги из их отца, который тщетно пытался защититься от карающих ударов.

— Ты сдаешься, пленник? — спросила девчушка. Она сохраняла на лице грозное выражение. Кажется, играла роль кого-то свирепого.

Хоть мальчик и хихикал, но повторил слова своей сестры.

— Сдавайся! Сдавайся!

— Я сдаюсь! Хватит уже, — умолял Маркус, страх и ужас в его голосе звучали достаточно правдиво. — Только не трогайте меня больше. Я не могу терпеть боль!

Дети разразились смехом и повалились на отца. Конечно, не каждый день Райан проходила собеседование с таким великолепным пленником, но она была так удивлена родительскими навыками сексуального узника. Судя по всему, Маркус был фантастическим папой, мягким и ласковым со своими детьми, не тем, кто оставил бы их на воспитание профессионалам, когда писал свои занимательные верхушки хит-парадов синглы и укладывал в койку сумасшедших фанаток.

Он снял повязку и повернулся к Райан и Серене, все еще борясь с веревками, которые связывали его щиколотки и запястья.

— Привет, это ты няня? — сказал он возбужденно.

— Да, — ответила Райан как можно спокойнее, хотя сердце дьявольски грохотало в ее голове. — Райан Эванс, к вашим услугам.

Она мгновенно пожалела, что использовала банальное выражение, но тот факт, что она смогла произнести связное предложение перед этим мужчиной, само по себе было чудом. Его кобальтово-синие глаза сверкали и были настолько ясными и яркими, что казались почти нереальными. Как будто его тела было недостаточно, эти глаза лишили ее дара речи.

— Я Маркус, — сказал он, ухмыляясь, прекрасно осознавая, какое разрушительное воздействие он оказывает на любую женщину из плоти и крови. — Я бы пожал тебе руку, но в данный момент я все еще связан.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бесстыжий

Раньше Маркуса Троя называли бесстыжим, и он ни разу не отверг эти обвинения. Вместо этого, он полностью согласился с ними, назвав свой второй альбом «Бесстыжий», который стал в итоге трижды платиновым.

Он совсем не думал, что было что-то постыдное в том, что его, одетого только в Тимберленды⁵ и плотно облегающие боксеры, увидят его новая помощница и девушка, пришедшая на собеседование, чтобы работать няней на время турне. Речь шла о людях, которым щедро заплатили или заплатят, чтобы практически круглосуточно помогать ему и детям. Маркус не стеснялся своего тела, чувствовал себя комфортно, легко и просто, и он не собирался сдерживать себя из-за кого бы то ни было. Это был не последний раз, когда они смогут увидеть его в нижнем белье, так что пора к этому привыкать.

— Ладно, Шарлотта, а сейчас пора освободить своего пленника, — сказал Маркус. Когда через некоторое время она даже не шелохнулась, он добавил, подлизываясь. — Ну, пожалуйста?

После чего его дочь улыбнулась и опустилась на колени, чтобы ослабить тряпки, которые она использовала, для столь эффективного связывания его конечностей.

Освободившись, Маркус потряс руками и ногами, разминая шею, прежде чем протянул руку потенциальной няне, которая была удивительно сексуальной, даже если и надела самый отвратительный праздничный свитер, который он когда-либо видел.

— Маркус Трой, — представился он, улыбаясь своей лучшей улыбкой в сто мегаватт. — Приятно познакомиться.

— Мне тоже, — ответила она с вежливой полуулыбкой, но большей частью выглядела так, будто только что проглотила что-то кислое. Маркус на мгновение задержался на ее глазах, а затем мельком оглядел всю. У нее были волнистые каштановые кудри до плеч и подтянутое, спортивное тело, которое, тем не менее, было вполне соблазнительным в нужных местах. Но что было лучшим в ней — это пронзительные зеленые глаза, которые вызвали у него шок. Казалось, они засверкали ярче, когда она опустилась на одно колено и спросила дружелюбным голосом:

— А кто эти двое?

— Эти двое, — сказал он, положив руки на головы детей, — любовь всей моей жизни, Майлз и Шарлотта.

— Привет, любовь всей его жизни, — Райан пожала руки детям с наигранной формальностью.

— Хи-хи, — ответили они в унисон, хихикая. Шарлотта просияла с абсолютной уверенностью, в то время как Майлз, в приступе застенчивости, спрятался за ногу Маркуса.

— Ты будешь нашей няней? — спросила Шарлотта. — У нас была няня, но папа заставлял ее слишком много работать, она разозлилась и ушла!

Райан рассмеялась и встала. Это было хорошо; возможно, она не была так напряжена, как ей казалось. Маркусу нужна няня, которая задержится больше, чем на пару месяцев, и которая, в отличие от миссис Янссен, готова работать в неурочное время, как того требуют гастролирующий музыкант и его семья.

— Ну, я не знаю о других нянях, — сказала она всем троим, — но я никогда не боялась работы.

— Вот это музыка для моих ушей, — затем Маркус хлопнул в ладоши и сказал. — Хорошо, ребята, я хотел бы поговорить с Райан здесь наедине несколько минут. Серена, приглядишь за ними?

Взгляд Серены, застывшей в нерешительности, говорил: *«Вот дерьмо, только не я»*. Вчера утром, в очень неудачное время, миссис Янссен написала заявление об увольнении, и Маркус с тех пор находился все время с детьми. Было странно признавать это, но даже при том, что собеседование фактически было работой, он все утро был один на один в компании с детьми и не мог дожидаться кого-нибудь из взрослых.

— Это всего на десять минут, Серена, — сказал Маркус голосом, в котором звучало, что он попросил только из вежливости.

— Конечно... без проблем, — Серена сказала это с чересчур большим энтузиазмом. Маркус проигнорировал небольшую заминку и поблагодарил ее, когда она увлекла детей за дверь.

— Итак, Райан, присаживайся на диван. Ты чего-нибудь хочешь... воды, газировки или еще чего-нибудь?

— Нет, все хорошо, спасибо, — она заняла предложенное место, но уставилась на него с забавным выражением, когда он пнул ногой журнальный столик и лениво закинул руку на спинку дивана.

— Ну, могу сказать, что ты хорошо ладишь с детьми, — сказал Маркус. — Ты им сразу понравилась. Почему бы тебе не рассказать мне о себе? Мой садовник заполнил некоторые пробелы. Ты подруга его дочери, и ты работала в семье около озера Эхо⁶, верно?

— Да, у Рэндаллов. Я проработала у них почти... Извиняюсь», — сказала она. — Но вы действительно собираетесь провести это собеседование в нижнем белье?

Маркус посмотрел вниз на свое тело, а затем, выгнув бровь, одарил Райан бесшабашным взглядом, из-за которого большинство женщин, которых он встречал, тут же заглохли бы наживку. Потом сказал:

— О, это проблема?

— Хорошо, мистер Трой, да, это проблема. Во-первых, это отвлекает. Во-вторых, это непрофессионально. Я здесь, чтобы позаботиться о Шарлотте и Майлзе, а не тусоваться с парнем, которому даже не хватает приличия, чтобы надеть штаны.

Маркус рассмеялся, он просто не смог удержаться. И это не потому, что он не воспринимал Райан серьезно, просто его никогда не отчитывали женщины, никто, после его бывшей жены, и он был настолько потрясен, что смех был единственной реакцией, которая пришла ему в голову.

— Я имею в виду, — продолжила Райан, — Как бы вам понравилось, если бы я принимала вас на работу, которая вам действительно нужна, и даже не потрудились бы надеть хоть какую-нибудь одежду?

Маркус обдумывал это с минуту, не пытаясь стереть ухмылку со своего лица. Все это было слишком забавно.

— Ты хочешь сказать, если бы я был одет в свитер с желудем, а ты была бы в нижнем белье и лабутенах? — Он осмотрел ее сверху вниз, будто бы она действительно была одета, как сладкая штучка в восхитительных вещичках Виктории Секрет⁷. — Ну почему же, Райан, я думаю, мне бы понравилось. Мне бы очень понравилось.

Райан нахмурилась и встала. Она покачала головой, как учительница ругает безнадежно плохого мальчика из ее садика, и сказала:

— Послушайте, я не знаю, что такое «лабутены», но понимаю, когда надо мной смеются, и не нахожу это очаровательным. Мне плевать, рок-звезда вы или мусорщик — я не собираюсь это терпеть.

И с этими словами она повернулась и вышла из комнаты.

В течение тридцати секунд Маркус, оставшийся в детской в одиночестве, смеялся, закинув назад голову. Он хохотал до колик в животе. Спарринг с Райан был самым веселым, что у него было, по крайней мере, с другим взрослым за долгое время.

Но как только он отдышался, то подумал о трех нянях и пяти личных помощниках, что были у него в течение четырех лет с тех пор, как Бьянка ушла от него без какого-либо предупреждения. Его сердце заколотилось, и на лбу выступил пот. Такая реакция была совершенно ему неизвестна, даже несмотря на трудности, которые он испытал в своей жизни после развода. Это называлось паникой. Он подумал, что это был абсолютный рекорд. *«Я все разрушил прежде, чем даже началось! Почему я продолжаю так делать это с собой и с детьми?»*

Он знал, что должен взять себя в руки, и сделать это быстро. Его самый большой тур за три года начинается с завтрашнего дня, а кадровый резерв нянь в северо-западной Монтане был отнюдь не гигантским. Несмотря на свою беспечность, он понимал, что если он не найдет кого-нибудь, кто будет заботиться о его детях, кого-то с хорошей репутацией, в то время как он будет выступать на сцене, встречаться со своим тур-менеджером, репетировать и давать пресс-конференции, то серьезно облажается. И что еще более важно, он подставил бы Шарлотту и Майлза. Не круто, особенно когда Бьянка следила за каждым его шагом, только и ждала, чтобы он все испортил.

Маркус слетел с дивана и бросился в свою спальню, набросил на себя джинсы и легкую рубашку с короткими рукавами на пуговицах. Его сердце бешено колотилось, он побежал босиком, чуть не сбив испуганную Серену, пока не уперся ладонью о входную дверь.

— Пока, вернусь через минуту, — сказал он, а она смотрела на него, будто он какой-то псих, обратившийся к ней с просьбой позаботиться о его двух прекрасно воспитанных детях еще несколько минут.

К счастью, ключи были уже в замке зажигания его золотого кадиллака Эльдорадо 1973 года, находящегося в идеальном состоянии — Маркусу нравилось, что в Монтане никто не запирает двери, и что сама идея угона автомобиля было немислимой — так что все, что ему нужно было сделать — это прибавить обороты, переключить рычаг в положение «драйв», нажать на газ, и он в деле. Он только надеялся, что Райан уехала не слишком далеко, и найти ее будет не трудно, и что сорокалетняя машина, которая больше привыкла к неторопливым поездкам в провинциальных городках, чем к высокоскоростной погоне, справится.

Затем, поняв, что даже не представлял, что должен преследовать, он крикнул в окно, чтобы Серена, которая все еще продолжала ошеломленно смотреть, стоя на крыльце, сказала, какая у Райан машина.

— Я не знаю, — ответила Серена. — Какой-то грузовик.

— Пикап? Какой?

— Я не уверена, не догадалась посмотреть.

— Ладно, ты можешь хотя бы сказать какого он цвета?

— Красный! Он ярко-красный! Ты скоро вернешься, да? — окликнула его Серена. Он

ничего не ответил.

Не говоря ни слова, Маркус умчался.

По дороге все еще клубилась пыль от поспешного отъезда Райан, и то, что пыль еще не совсем осела, Маркус воспринял как хороший знак. Она не могла уехать слишком далеко. Стоило ему рвануть по асфальту проселочной дороги, как он вспомнил, что его садовник говорил, что Райан была из Калиспелла. И он знал, что есть только два способа добраться в Калиспелл из Бигфорка: можно поехать по 82 до 93 или просто бабахнуть прямо по трассе 35 и ехать по ней до города⁸. Как и всегда в его жизни до настоящего времени, он собирался рискнуть и надеяться, что он выбрал наилучший план. Это была трасса 35.

Он заметил патрульного и, понимая, что не позволял слишком многого, поскольку приехал месяцем раньше, он утопил педаль газа в пол. Быстрая езда и практически пустые дороги были не единственным, что ценил Маркус, разъезжая по Бигфорку. Легендарные виды Биг Скай⁹ тоже дали ему шанс подумать, действительно задуматься о своей жизни, что ему никогда не удавалось в хаосе Л.А. Шарлотте и Майлзу тоже очень нравилось здесь. Если бы не договор опеки с Бьянкой, он предпочел бы жить здесь круглый год, и он был уверен, что дети чувствовали то же.

Но полная опека над детьми была несбыточной мечтой. Реальность была такова, что, несмотря на то, что Бьянка едва обращала внимание на Шарлотту и Майлза, когда они жили с ней, она бы никогда не отказалась от них обоих просто назло Маркусу. Куда хуже то, что она всем говорила, что он едва ли способен быть им родителем, даже для совместной опеки, так как «слишком незрел», чтобы справиться с обязанностями, и что его образ жизни вообще не позволит ему их воспитывать. Конечно же, это была наглая ложь, и у Маркуса недавно была долгая беседа с адвокатом, специализирующимся на случаях установления опеки над детьми, просто чтобы убедиться, что у него есть к кому обратиться в том случае, если Бьянка когда-нибудь попытается вовсе увезти детей подальше от него.

Маркус проверил зеркало заднего вида. Может быть, Бьянка была права. Был ли он достаточно зрелым, проводя собеседование в боксерах? Был ли он достаточно зрелым, чтобы сорвать важное турне, отпугивая потенциальную няню, за которую лично поручился работник, которому он доверял? *«Ты взрослый, Маркус Трой?»* — думал он. — *«Или ты действительно никуда не годишься, как постоянно говорит твоя бывшая жена?»*.

Маркус снова проверил дорогу. Не было никаких признаков красного грузовика. Он был почти у шоссе 206, ведущего в Национальный парк Глейшер. Он проехал почти 25 километров со скоростью сто сорок километров в час, и если он до сих пор не догнал Райан, то, вероятно, уже и не догонит. Все-таки, она, должно быть, поехала по шоссе 82. Инстинкты, на которые он опирался всю свою жизнь, подвели, и теперь его дети во время турне останутся без няни.

Сразу после поворота на дорогу 206, он свернул на заправку «У Вуди» с магазином, где продавалось все: от камуфляжной бейсболки с надписью «Кугуар на прокат» до живой наживки для рыбалки, и до алкогольных энергетических напитков, запрещенных в Калифорнии год назад. Боже, как он любил этот штат.

Маркус планировал развернуться у заправки, но что-то, или, скорее, кто-то, привлек его внимание в зеркале заднего вида: длинноногая женщина, идущая в его сторону в кроссовках и узких джинсах, которые не скрывали ее сильные ноги. Во-первых, Маркус — это Маркус, он не способен оторвать глаз от внезапно появившейся горячей девушки. Но потом он увидел, что эта была конкретная горячая девушка, одетая в свитер с огромным уродливым

желудом прямо посередине.

Он вылез из машины, захлопнул дверцу и побежал к ней.

— Райан? — произнес он.

— Мистер Трой? — она не выглядела довольной. — Что вы здесь делаете?

— Где твой красный грузовик?

Она указала позади себя.

— Я оставила его там, потому что мне нужно было в уборную. Какое вам дело? Вы... следили за мной?

— Слушай, ты, возможно, заметила, что сейчас на мне полный комплект одежды.

— Да, заметила, — она не улыбалась, но также и не кричала с пеной у рта. Возможно, у Маркуса был шанс.

— Мы можем снова попробовать? На этот раз по-настоящему?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Улетный Автобус

Райан стояла на широкой террасе дома Маркуса. Вообще-то, она должна была бы восхищаться великолепным видом на горы, только вот было шесть тридцать утра, и она отвечала за безопасность и благополучие двух детей, которых она знала меньше двадцати четырех часов. Поэтому она не могла расслабиться, только не после того, как Маркус предложил ей зарплату вдвое больше чем та, что она получала у Рэндаллов, и бонус по итогам завершения турне. Это была лучшая работа, которую Райан когда-либо имела.

— Майлз, — окликнула она мальчугана, который висел на перилах террасы.

— Да? — улыбнулся он. Мальчик даже не посмотрел на Райан, когда она говорила с ним, но, определенно, был полон сил.

Она попыталась успокоиться и сказала себе, что все будет хорошо. С Майлзом все будет хорошо.

— Давай, мы вытащим тебя отсюда?

— Ладно, — сказал он с невинным видом, а потом вдруг перестал держаться и упал вниз на травянистый холм.

— Боже мой! — закричала Райан, подбежав к краю террасы и даже не пытаясь держать себя в руках. Шарлотта, не такая уж и обеспокоенная, как должна была быть, последовала за ней.

Майлз по-прежнему лежал, свернувшись в клубочек. Райан, думая о том, что она здесь только пять минут, но, о, Боже, уже убила одного из них, бросилась вниз, устремляясь к мальчику. Шарлотта спокойно стояла рядом с ней.

— Ты в порядке? — Райан потрясла Майлза за плечо. Мальчик не открывал глаза, но начал ворочаться уж слишком театрально.

— Эй, это не смешно, — сказала Райан.

Майлз открыл глаза и начал смеяться. Сначала это было просто хихиканье, но вскоре он уже хватался за бока.

— Смешно, — сказал он, сверкая яркими, голубыми и озорными глазами, такими же, как у отца.

— Нет, не так, — сказала Шарлотта. — Это раздражает.

Майлз не имел никакого желания задерживаться из-за реакции Райан. Он встал, презрительно фыркнул сестре и устремился к дороге.

— Я слышу Смитти! — закричал он. Райан посмотрела и увидела огромный серебристый автобус, подъезжающий к дому.

— Я думала, он стесняется, — сказала Райан.

— Иногда, — ответила Шарлотта. — Когда не носится повсюду, он застенчивый.

— Ты ведь не такая застенчивая, правда? — спросила Райан.

Вместо ответа, Шарлотта заявила:

— Как долго ты собираешься присматривать за нами?

— Похоже, все лето, — сказала Райан. — Нормально?

— Хорошо, — Шарлотта улыбнулась, и сердце Райан растаяло. — Ты милая.

— Ну, вы с братом, кажется, тоже ничего.

— Нашей няней быть трудно. Все так говорят, — Райан было интересно, что это значит. Эти двое выглядели, как обычные дети, не ходячие кошмары. Что может означать только то, что их отец был слишком требовательным. Ой-ой.

— Ой, да ладно, неужели это так сложно? Все будет просто замечательно.

Гигантский автобус съехал на прилегающую грунтовую дорогу, поднимая мерзкую бурю пыли. Дверь открылась, и вышел высокий, худой, длинноволосый мужчина. Он был с бородой и улыбался. В потрепанных ковбойских сапогах и грязных джинсах, он показался Райан меньше похожим на того, кто поднялся ни свет, ни заря, чем на того, кто решил не ложиться спать вообще.

— Смитти! — закричала Шарлотта, кидаясь в объятия этого жуткого мужчины, который, не считая ковбойских шмоток, выглядел как актер массовки из «Игры престолов». На самом деле, он выглядел именно таким, каким, предполагала Райан, должен выглядеть технический менеджер гастролирующей рок-группы.

Смитти поднял ее и перевернул вниз головой одним ловким движением руки. Судя по всему, раньше он проделывал это много раз.

— Как там моя девочка? — спросил он.

Вдруг хлопнула дверь.

— Как ты, Смитс? — поинтересовался Маркус, выглядевший более активным и бодрым, чем, по мнению Райан, должна выглядеть рок-звезда раньше семи часов утра. В узких джинсах и футболке, которые выставляли на обозрение все эти сексуальные татуировки, он был выше ростом, чем она запомнила, минимум 1,83 м. И, похоже, только что вышел из душа: маленькие капельки воды облепили его загорелые, мускулистые руки. Маркус пронесся (*действительно, «пронесся» было единственным словом; он напомнил Райан супергероя*) к Смитти, и двое мужчин обменялись крепкими объятиями. Майлз присоединился к ним, повиснув и обхватив их ногами.

— Эй, малыш, — сказал Смитти, опускаясь на одно колено, и дал пять Майлзу, хлопая по его маленькой ладошке. Потом посмотрел в сторону Райан, выгнул бровь, и произнес: «И каво это к нам занесло?» Вопрос поставлен безграмотно, но безобидно — больше комично, чем низкопробно. Когда Смитти усмехнулся, он стал меньше походить на средневекового горца и больше на чудаковатого дядьку.

— Я Райан, — представилась она, подойдя, чтобы пожать руку Смитти, и заметила, что это была не рука, а большая волосатая лапа.

Смитти бросил на Маркуса быстрый косой взгляд, который Райан не смогла разгадать. Маркус безо всякого выражения пожал плечами, и тогда Смитти сказал:

— Очень рад с тобой познакомиться, дорогая. Готов поспорить, ты полюбишь этих детей. Хотел бы я сказать то же самое об их отце, — затем он приблизился немного поближе и театральным шепотом произнес. — Он создает одни неприятности, обращайся с этим ко мне.

— Очень смешно, — сказал Маркус. — Райан, спасибо, что пришла вовремя. Впереди у нас долгая дорога, так что я очень благодарен, что ты так оперативно приступила к работе, несмотря на столь раннее время.

— Без проблем, — сказала Райан, удивляясь, насколько лучше ведет себя ее работодатель сегодня, и тайно надеясь, что она напугала его. — Я могу работать рано.

Прежде чем она успела мысленно пнуть себя за то, что произнесла такие глупости, как «я могу работать рано», она встретила взглядом с Маркусом и почувствовала прилив

адреналина, когда задержала на нем взгляд на секунду дольше, чем ей следовало бы. Осознавая, что она делала именно то, что только что говорила себе не делать, она опустила взгляд на землю и, пытаясь снять напряжение, захихикала, как какая-то дурища-старшеклассница. Но она никогда раньше не видела таких глаз, как у Маркуса; они, казалось, каждую минуту меняли цвет и пронзали ее насквозь.

Маркус растрепал волосы Майлза и сказал:

— Ладно, кролики, поскакали.

— Папа, — закатила глаза Шарлотта. — Не будь смешным.

Маркус повернулся к Райан и сообщил:

— Ей раньше нравилось, когда я называл ее «кроликом», — затем он изобразил грустное лицо для Шарлотты. — И она не называла меня смешным.

— Ну, раньше она была маленьким ребенком, но теперь выросла, — объяснила Райан. Это была откровенная попытка завоевать Шарлотту, и это сработало. Шарлотта была явно довольна, и когда она побежала вверх по ступенькам в автобус, то казалась счастливее, чем была все утро.

— Красиво сделано, — заявил Маркус, снимая перед Райан невидимую шляпу.

— Спасибо, босс, — подмигнула Райан, пытаясь спрятаться за шутливым тоном, и на этот раз, лишь слегка отводя взгляд, так что особые силы Маркусовых глаз супергероя на ней не сработали.

Все пятеро сели в автобус, который, по мнению Райан, больше походил на номер-люкс в роскошном отеле, чем на средство передвижения. Он был навороченный: с кинозалом, шикарной кухней, полным баром и даже с, как ни странно, мини-библиотекой с парой сотен книг.

— Это поразительно, — недоверчиво произнесла Райан, проводя рукой по книжным переплетам и думая: *«Рок-звезда, которая читает? Исключено»*.

Смитти, сидя за рулем и газуя, сказал:

— Добро пожаловать в Улетный Автобус, Райан.

* * *

Маркус был хорош в той части каждого турне, которая называлась «начало». Вообще, он был мастером начала. Конец, и еще хуже — долгая, затянувшаяся средняя часть повседневной жизни, это то, с чем он неустанно боролся.

Но даже сейчас, когда он стал отцом, и сегодняшняя жизнь полностью отличалась от сумасшедших первых дней, где были только Смитти, он и басист в разбитом Эконолайне¹⁰ с двумя баками и скрученным пробегом на одометре, все-таки первый день гастролей давал ему такое неограниченное, оптимистичное ощущение, что всякое может случиться. На самом деле, сейчас он чувствовал себя лучше, чем в старые времена, потому что Шарлотта и Майлз были вместе с ним.

Смитти думал, что это была сумасшедшая идея: отправиться в Сиэтл на машине вместо того, чтобы лететь, но Маркус настоял на этом. Он хотел облегчить детям гастрольную жизнь, а не окунуть их сразу в омут с головой. Это был первый раз после развода, когда Шарлотта и Майлз отправились вместе с ним в поездку, что означало, что это действительно было их первое турне — они были слишком молоды, чтобы помнить прежние времена. Он хотел прочувствовать весь маршрут их глазами, чтобы поделиться с ними своей любовью к

путешествиям и приключениям, и надеялся наверстать все, что он пропустил, не живя с ними все время.

В пятидесяти милях к востоку от города Спокан, он наклонился к Шарлотте, которая занималась чем-то таинственным и непонятным на своем телефоне — Маркус не владел такими познаниями, предпочитая вместо этого одалживать телефоны у своего персонала, когда ему нужно было позвонить или принять вызов — и сказал:

— Разве это не потрясающе? — она только посмотрела на него, и он понял, что ему нужно быть более конкретным. — Здесь только мы и дорога, — объяснил он. — А мы как пираты.

— Папа, пираты путешествуют на кораблях, — сказала она. — А не в Улетном Автобусе.

— Прости, тебе десять? — спросил он ее. — Или ты уже родилась подростком?

Она закатила глаза. Его дочери было всего десять лет, и она уже закатывала глаза.

Через час Маркус незаметно подошел к Майлзу, который сидел с Райан. Они вдвоем играли в пальцевые войны уже почти десять минут, которые длились как вечность для ребенка возраста Майлза. Маркус даже предложил поиграть в пиратов — тихо, так, чтобы Шарлотта не слышала, и не посмеялась над ним — и это отлично сработало, когда мальчуган завопил, как уменьшенная копия Джонни Деппа: «Йо-хо-хо, дружище».

Маркус смотрел на своего сына, так комфортно чувствующего себя с няней, хотя только накануне он был болезненно застенчив. Эта девушка, казалось, по-настоящему была одарена способностью ладить с детьми. И, Боже, она была милой. На самом деле, милая — это не то слово, которым он стал бы описывать Райан. Она была переполнена естественной, сексуальной красотой, и Маркус полностью осознал, что он нарушил «правило знаменитостей номер 237», нанимая того, кто так откровенно привлекателен. Она не была одной из тех лосанджелесских высоченных моделек, жаждущих известности и рассекающих на шпильках — в ней-то и было, может, 170 см — но ее ноги длинные и стройные, талия тонкая и гибкая, и сама она излучала некую изысканность даже без намека на макияж. И, Боже, у нее такое лицо: эти зеленые глаза, эти полные, сочные красные губы. «*Остановись, Трой,*» — подумал он. — «*Возьми себя в руки*».

Он не был дураком. То, что любые его отношения с Райан, кроме сугубо профессиональных, были под запретом, Маркус понял даже раньше, чем Смитти бросил на него этот взгляд сегодня утром, говорящий: смотри, мол, чувак, ты просто напрашиваешься на неприятности, нанимая такую сексуальную девушку. Это было бы глупо в любой ситуации, но Бьянка попыталась его припугнуть в тот день, когда он забирал детей. По договоренности с его бывшей, Маркус был в менее выгодном положении — как правило, дети оставались у него в Монтане только восемь недель в году — и Бьянка согласилась немного увеличить этот срок, чтобы они могли быть с ним все десять недель гастролей. Но предупредила, в недвусмысленных выражениях, что, если он облажается, то она подаст на него в суд на лишение родительских прав и выиграет.

Возможно ли это? Она оставила Маркуса ради другого мужчины, и даже до этого никогда не была кандидатом на звание «Мать года». Ее отношения со Скоттом Трейнором, льстивым актером, с которым она изменяла Маркусу, уже сошли на «нет», и у нее была привычка переезжать в новую квартиру каждые шесть или восемь месяцев. Но даже если аргументы Бьянки, возможно, не были так сильны, как ей хотелось бы думать, Маркус устал с ней бороться. Он хотел мира — для себя, конечно, но, больше всего, для своих двух

любимых детей. Так что ему просто придется забыть бесконечные ноги Райан, изящные изгибы, и теплые, манящие глаза. Ставки были слишком высоки; у него нет другого выбора.

Вдруг, Маркусу пришла в голову смешная мысль: каждый раз, когда он смотрит на Райан, ему нужно представлять пухлую, похожую на старуху, миссис Янссен. Все существо этой хмурой женщины, казалось, было сформировано суровой Монтаной, ее бесконечными зимами — она была далеко не соблазнительна. Если бы она была немного ласковей с детьми или немного менее сварливой, когда ее просили поработать после пяти вечера, миссис Янссен была бы идеальной, т. е. непривлекательной няней для отца-одиночки. Маркус чуть не рассмеялся вслух, представляя ее вместо Райан. Да, он смог бы отключить свое сексуальное влечение. Все, что ему нужно было — это использовать свое воображение.

* * *

После Спокана, и около дюжины умопомрачительных бургеров из «Туда-сюда»¹¹, Майлз заснул на груди у Маркуса.

— Ты, правда, очень хорошо ладишь с ними, — сказала Райан. Глаза ее сверкали, но вместо ярких изумрудов, он видел унылые, слезливые глаза миссис Янссен. И там, где узкие джинсы Райан плотно обхватывали ее упругие бедра, он представлял мешковатое клетчатое платье, что носила плотная престарелая шведка. Это сработало — он вообще не испытывал никакого влечения.

— Это так удивительно? — спросил он. — Что из меня получился более-менее приличный отец?

— Нет, просто... — ответила Райан. — Там, где я выросла, люди, которые нанимали нянь... ну, они, кажется, совсем забыли, как общаться со своими детьми.

— Ну, — признался он, — наверное, легче быть прекрасным отцом восемь недель в году, чем все время.

— Конечно, воспитывать постоянно — это совсем другое дело, — сказала она. — Но я видела много плохих родителей, — родителей, которые приходят домой после долгого рабочего дня и просто не хотят заниматься с детьми. Через некоторое время они вообще забывали, как это делается. Ты не похож на одного из них.

— Ты шутишь? Эти двое — самое лучшее, что у меня есть. Даже когда я едва могу держать глаза открытыми, я провожу все время с ними, поверь мне.

— Это мило.

— Это правда, — он чуть было не рассказал ей об угрозе Бьянки, или о своих надеждах склонить однажды чашу весов в свою пользу и по меньшей мере получить возможность проводить с детьми половину времени. Но он предостерег себя от своей обычной излишней откровенности. Вместо этого он сказал:

— Что действительно сложно, что даже когда они со мной, я не могу проводить с ними столько времени, сколько хотелось бы. Мой образ жизни классный во многих отношениях, но он далек от нормального. Все усложняется в спешке.

Райан осмотрелась вокруг.

— Выглядит довольно круто — пока, во всяком случае. Ты с детьми и твоими напарниками, и твоим персоналом, кажешься действительно классным и непринужденным. Есть какие-нибудь сложности?

Миссис Янссен перед ним исчезла, обнажив потрясающе великолепную и отзывчивую

Райан. Маркус попытался снова вызвать в воображении образ старухи, но на этот раз не сработало. Зрительный контакт с Райан заставил его чувствовать себя подростком.

— Увидишь, — сказал Маркус, кивая в сторону горизонта. — Вот увидишь.

В передней части автобуса раздался шум, и Райан вытянула шею, чтобы посмотреть, что там происходило.

— Мне, вероятно, следует проверить Шарлотту, — сказала она, вставая.

— Конечно, делай свое дело.

Шарлотта была в порядке. Маркус хотел, чтобы Райан осталась с ним подольше. Прошло долгое время с тех пор, как он разговаривал с другим взрослым о чем-то, кроме своей карьеры. И ему нравилось рассказывать о детях тому, кто был ему небезразличен. Лучше всего он чувствовал себя, когда все было под контролем. Он не был излишне назойлив, и он не флиртовал. Закрыв глаза, Маркус надеялся, что няня вернется, когда он снова откроет их, и они смогут продолжать этот дружеский, приятный, но все-таки уместный разговор.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Выход Рок-звезды

Беззаботная обстановка первого дня пути кардинально изменилась в ту секунду, когда Райан мельком увидела очертания Сиэтла. На самом деле, все изменилось прежде, чем они даже добрались до города. Райан спала вместе с Майлзом, устроившимся головой на ее коленях, в то время как сидящая через несколько рядов от них Шарлотта играла с Маркусом в «Рыбалку»¹². Около девяти вечера, как только они проехали поворот на Ратлснейк Маунтин¹³, все телефоны (кроме телефона Райан) начали одновременно звонить. Сначала у Серены, потом у Смитти, а потом даже у Шарлотты (это была ее мама, но тем не менее), с разницей в тридцать секунд. И вскоре Серена уже говорила по двум телефонам сразу и расхаживала по проходу, как маниакальная стюардесса. Потрясенное выражение ее лица заставило Райан пожалеть ее и немного испугаться за себя.

— Что случилось? — спросил Майлз, смотря сонными глазами.

— Мы официально на гастролях, молодой человек! — проорал Смитти, сидящий впереди через два ряда. Он уже не был за рулем. Она задалась вопросом, что именно этот человек делал для Маркуса, если не был водителем. Оба, кажется, были лучшими друзьями. Маркус дал ему работу главного администратора или что-то еще? Смитти, теперь незанятый, и, каким-то образом, полный энергии даже после стольких часов за рулем, завыл как волк и обернулся, чтобы дать пять изумленному, но безотказному Майлзу.

— Пристегни ремень, Райан, — сказал ей Смитти. — Поездка была спокойной. Наскоро мы попадем в шторм.

И он не просто говорил метафорами. К тому времени, как они пересекли городскую черту Сиэтла, крупные капли дождя обрушились на автобус.

— Я люблю дождь! — завопила Шарлотта. Маркус не попросил ее успокоиться. Все были возбуждены, и, видимо, все было разрешено. В обычной семье дети бы спали уже час назад, но сейчас было одиннадцать часов вечера, и она понимала, что было бы тяжело уложить Шарлотту и Майлза после того, как они испытали столько острых ощущений, когда «Улетный автобус» добрался до большого города.

— Ты выглядишь немного напряженной, — пристал к Райан Маркус. — Что тебя беспокоит?

— Я не беспокоюсь, — сказала она, стараясь не оправдываться. — Я просто устала.

— Ну, пора проснуться. Мы почти у гостиницы, и мне нужно, чтобы ты увела детей внутрь как можно быстрее, чтобы никто из репортеров и поклонников не стал даже пытаться приставать к ним. Это моя главная забота. Нам нужно...

— Но мне нравятся поклонники, — запротестовала Шарлотта.

— Я знаю, сладкая, но нам нужно, чтобы ты легла спать, потому что на первом выступлении завтра ты должна быть как новенькая.

— О-о-о-о, — в один голос сказали дети при упоминании слова «спать».

Райан понимала, что даже упоминание слова на букву «с» было смерти подобно. Если бы Маркус не произнес его, то она, возможно, быстро увлекла бы детей в их комнату и развлекала бы несколько минут, прежде чем потребность во сне взяла свое естественным путем. Но теперь они останутся так долго, как смогут из чистого бунта. Она взяла себя в

руки и стала размышлять о том, что значит быть ответственной за этих двоих мини-знаменитостей в течение следующих десяти недель.

— Вперед, ребята, — сказала она детям. — Давайте сделаем это.

Пока они шли по проходу, Маркусу пришлось повернуться боком, чтобы пропустить их. Но прежде чем позволить девушке пройти, он положил руку ей на плечо.

— Расслабься, — сказал он. — Мы не собираемся воевать. Мы просто поселимся в гостинице.

— Похоже, что я собираюсь идти на войну?

— Да, ты выглядишь немного напряженной.

Маркус лишь коснулся ее на мгновение, но, столкнувшись с ним так близко, трудно было остаться спокойной. Она оглянулась, чтобы посмотреть, заметили ли Смитти, Серена, или кто-нибудь еще в автобусе, что она и ее босс устроили просто-напросто медленные танцы в проходе, но все были заняты сбором своих вещей. Никто даже не взглянул в их сторону.

— Ладно, увидимся наверху через несколько минут, — сказала Райан, стремясь придать себе вид спокойной уверенности.

Но как только она вышла из автобуса, царящий хаос перед ней напоминал маленькую войну. Все еще лил проливной дождь, и у них не было никаких зонтиков, поэтому она и дети сразу же промокли. Пока она искала вход в отель, десятки камер трещали и вспыхивали, и, не имея возможности прикрыться даже курткой, она и дети взявшись за руки стали проталкиваться в сторону Хаятт Ридженси¹⁴.

В то время как она щурилась от дождя, какой-то репортер шагнул прямо перед ней, бесцеремонно перекрыв ей путь, и сказал:

— Эй, милашка, как тебя зовут?

Райан была ошеломлена.

— Пожалуйста, уйдите с дороги, — попросила она назойливого мужчину, который, полностью укрытый дождевиком, выглядел вполне счастливым, задерживая ее в такой ливень.

— Конечно, милая, — сказал репортер. Из-под капюшона плаща выглядывали запотевшие очки, как у Гарри Поттера. Откуда он вообще узнал, с кем разговаривал? И почему он называет ее милой? — Просто назови мне свое имя.

— Тебе не нужно знать мое имя, — отрезала она. — А сейчас ты позволишь мне пройти?

Она обернулась, отыскивая Маркуса и надеясь, что ее работодатель сможет прогнать этих назойливых мух прочь. Он заметил ее и улыбнулся на мгновение. Но рядом с автобусом скопилось стайка репортеров, и он переключил свое внимание на них, пока Серена с несчастным видом держала зонтик над его головой.

— Ты видишь это, Бенджамин? — спросил фотограф стоящего рядом высокого, тощего парня с большими, пушистыми усами. — Ведь есть что-то между этими двумя или нет?

— Однозначно, — заявил Бенджамин. — Аж искры летали.

— О чем ты говоришь? — удивилась Райан.

— Я думал, что Маркус все еще встречается со Стефани Захеди. Но сейчас он встречается с тобой, разве не так? Как тебя зовут?

— Эй, никто ни с кем не встречается, — возразила Райан. — Я просто няня.

— Это пока, — сказал Бенджамин. — Это только пока.

Фотовспышка на камере Усатого начала выстреливать быстрее, чем полуавтоматическая. Райан закрыла глаза, и когда перед ней замелькали ярко-красные круги, снова открыла их и прикрыла руками детей, чтобы оградить их от раздражающего яркого света.

— Что ты сказал? — возмутилась Райан. Она отпустила руку Шарлотты и уже собиралась толкнуть парня, когда Смитти поймал ее руку.

— Эй, в этом нет необходимости, — сказал он, а потом обратился к репортеру. — Послушай, давай-ка полегче с Райан, Бенни-бой? Это ее первый день в команде.

— Райан, да? — повторил парень. — Она действительно «просто няня», Смитс?

Усатый продолжал щелкать, неумолимо атакуя вспышками света. Вдруг к нему присоединились еще два фотографа, и Райан могла видеть только белые пятна. Ей нужно было уйти оттуда и быстро.

— Она опытный специалист по уходу за детьми, Бенджамин, и она превосходно делает свою работу.

— О, я уверен, что так есть, — сказал парень, поднимая с намеком брови.

— Ладно, хватит, — произнес Смитти самым вежливым тоном, хотя он возвышался над репортером и нависал над ним, намекая, по меньшей мере, на возможность насилия. — Теперь, думаю, пора дать даме некоторое пространство, чтобы она могла делать свою работу.

— Хорошо, хорошо, — Бенджамин поднял руки в примирительном жесте, медленно пятясь. — Пошли, ребята.

— Ладно, давайте сделаем перерыв, — сказал Смитти. Райан обняла бы его. Вот была бы катастрофа, если бы она на самом деле толкнула этого мерзкого маленького репортера, и кто-нибудь из фотографов снял бы это.

Репортер, оборачиваясь в сторону автобуса, сказал:

— Посмотрим, что Маркус Трой скажет через неделю, — и три фотографа безжалостно усмехнулись.

— Спокойно, — предостерег Смитти Райан.

Теперь он держал детей за руки и спокойно повел их всех в отель. Все это не позволило Райан вернуться, посмотреть в лицо репортеру и ответить на его вопрос. Так вот что значит быть женщиной, связанной, даже на строго профессиональной основе, с рок-звездой? Маркус такой игрок, что если любая женщина окажется в пределах мили от него, то сразу предполагается, что она спит с ним?

— Ладно, все хорошо? — спросил Смитти, как только они оказались внутри. Очевидно, лобби было безопасной зоной, а входные двери в отель были красной линией, которую прессе не позволено пересекать. Райан должна была вспомнить об этом.

— Ну, да, — ответили дети, пожимая плечами. Они на самом деле настолько привыкли к таким сценам, что не видели в этом ничего особенного? Райан чувствовала, что столкнулась с чужой культурой, с правилами, которые она даже не могла постичь.

— Ну, а ты, Райан? Все хорошо?

— Да, конечно, — ответила она. — Ничего страшного.

— Хочу сказать, — Смитти подмигнул ей. — Если тебе нужна будет любая помощь, в любое время, я тебя прикрою, ладно? Только скажи мне.

— Спасибо, Смитти. — Она была благодарна главному администратору, который оказался таким приличным парнем. — Скажу.

Рядом с Райан, детьми и Сереной, которая только что материализовалась и так же промокла, как и все остальные, появился консьерж и сопровождал их в люкс. Маркус все еще был снаружи. Как долго он будет занят, чтобы поговорить с теми придурками, с их камерами и диктофонами в разгар полномасштабного шторма?

В лифте Серена вытерла волосы полотенцем, а затем предложила его остальным. Райан взяла его и быстро высушила волосы детей.

— Какой кошмар, да? — рассмеялась Серена. — Эти люди сумасшедшие.

— И так будет каждую ночь?

— Не знаю, — произнесла Серена. — Это мои первые гастроли. Я с Маркусом только несколько недель.

Райан попыталась успокоиться. Она не хотела, чтобы дети или Серена увидели, как ее напугало, что репортер достал ее.

— Тебе нравится жить в отелях? — спросила она Шарлотту.

— Нормально, — ответила Шарлотта. — Поначалу весело, но это надоедает. Все зависит от того, что есть в холодильнике.

«Ты так считаешь?» — подумала Райан.

— Я хочу пить, — заскулил Майлз.

— Один раз он полез в мини-бар и выпил одну из этих маленьких бутылок, — сообщила Шарлотта.

— Правда? — спросила Райан. Ей было интересно, знал ли Маркус об этом трюке.

Когда консьерж открыл дверь в люкс Маркуса, Райан, к ее собственному стыду, ахнула. Она только один раз останавливалась в гостинице, тогда ей было тринадцать, и родители взяли ее в Диснейленд и остановились в отеле в сорока пяти минутах езды от парка. Ее отец жаловался, что эта поездка заняла все его время, и они больше никогда не останавливались в отелях. «Отпуск» для Эвансов означал посещение родственников в Бозмене¹⁵ или в Керд'Алене¹⁶, не болтаясь по всему земному шару и не останавливаясь в пятизвездочных отелях, поэтому ее бы впечатлил даже обычный номер в отеле Хаятт. Но это был не обычный номер. Это был люкс в двести квадратных метров с двумя огромными спальнями, полностью оборудованной кухней, баром и камином, который в настоящее время гудел в отдалении.

— Боже мой, — одними губами возбужденно сказала Райан Серене.

— Безумие, так ведь? — засмеялась Серена.

— Эта комната такая же большая, как и весь мой дом.

— Ты шутишь? Это в три раза превышает мою квартиру в ЛА, — Серена провела для Райан экскурсию по номеру. — Маркус уже выдал мне план. Ребята, с вами все хорошо? Мне нужно организовать штаб.

Райан кивнула.

— Конечно. Делай свое дело.

Серена казалась такой напряженной в автобусе и на улице под дождем. Райан была рада, что она была способна расслабиться.

Хотя Майлз был вне поля зрения Райан всего пятнадцать секунд, но уже стал прыгать на вычурном синем бархатном диване, не сняв мокрые ботинки. Консьерж притворился, что не расстроен.

— Майлз, спускайся, прямо сейчас, — приказала Райан строго, но без злости. К ее удивлению, Майлз сразу же повиновался.

— Неплохо, — восхищенно улыбнулся консьерж.

— Ладно, дети, давайте устраиваться, — сказала Райан, когда носильщик принес чемоданы.

Ее сердце бешено колотилось, и не хватало воздуха. Обосноваться здесь — задача не из легких. Она огляделась вокруг — на великолепный диван, который, наверное, стоил примерно столько же, сколько грузовик ее отца, на огромную кровать, где были разбросаны дюжина необычного вида декоративных подушек — и с трудом поборола желание вытащить телефон и начать фотографировать. Она полагала, что ночь в этом люксе стоила столько же, как и ее двухнедельный заработок, хоть у нее была и неплохая зарплата.

Она думала, что почувствовала эмоциональную связь с Маркусом, его взгляд задерживался на ней слишком долго. И если это не было очевидно раньше, то этот номер люкс заставил четко понять — она и ее босс пришли из миров, которые не могли бы быть более разными. Она размышляла, что будет все лето останавливаться в таких люксах, но не как гость, а как нянька.

«Наслаждайся этим», — сказала она себе. — «Но не слишком расслабляйся».

* * *

После импровизированной пресс-конференции все стихло, Маркус пошел в бар отеля с Джеймсом и Амандой, двумя писателями из Сиэтла, которых он знал больше десяти лет. Они были классом выше тех уродов-папарацци, которые приставали к команде на улице — потрясающие авторы, кто поддерживал его на протяжении многих лет. Он подумал, что опрокинет с ними по Будвайзеру и успеет вернуться в номер достаточно рано, чтобы уложить детей в постель.

Такова была работа Маркуса. Он не сильно отличался от коммивояжера. Также как и человек, который продавал пылесосы и чистящие средства от дома к дому, он был все время в дороге. Единственная разница заключалась в том, что товар, который он продавал — не пылесос или лизол. А Маркус Трой.

Маркус потягивал пиво, но прежде чем он понял это, было уже четверть первого, так что ему, наверняка, не удалось бы добраться до номера до того, как дети лягут спать. Проклятье. Уже облажался. Он попрощался с Джеймсом и Амандой, по-братски обняв каждого, и двинулся к лифту. На каком этаже, сказала ему Серена, был его номер?

Ах, да, кто-то сунул ему ключ. Он вытащил его: 2101. Он нажал на кнопку «21» и сонно подумал: *«Я остался выпить всего лишь одну бутылку пива. Я был хорошим мальчиком. Первая ночь тура. Засиделся допоздна, но это часть работы. Маркус Трой, коммивояжер...»*

Маркус был благодарен за изобретение электронного ключа, когда бесшумно открыл дверь и проскользнул внутрь. В гостиной было темно, но из спальни детей лился свет. Он снял обувь, поставил ее у двери и пошел туда.

Он не удивился, что Райан была все еще здесь; самым разумным, что можно было сделать, чтобы уложить детей спать, это остаться с ними в комнате, пока он не придет, чтобы они не проснулись посреди ночи. Однако он был удивлен тем, что он почувствовал, когда увидел ее мирно спящей с Майлзом, закинувшим на нее руки и ноги, Шарлотта крепко спала на второй кровати. Приятно было смотреть на них и оставаться в одиночестве, пока он это делал. Ему не нужно было притворяться, что она не была совершенно потрясающей; ему не нужно было притворяться серьезным, или суперпрофессиональным, или показывать

любые другие качества, которые он должен выставить на обозрение как ее хозяин.

Маркус знал, что будет выглядеть смешным, если кто-нибудь поймает его разглядывающим няню. Но она была не просто сексуальная, и он не подглядывал. Конечно, Райан красива. Он не мог не заметить, как волосы каскадом лежали на ее плечах. И от одного только взгляда на изгибы ее бедер, обтянутых джинсами, он словно получил удар в живот. Если он не будет осторожен, ему начнут мерещиться разные вещи: будто он подхватывает ее и крепко обнимает. Прижимает к стене и целует ее нежную шею, ласкает ее, легко проводит тыльной стороной ладони по ее голому животу и....

«Круто», — подумал Маркус. — «Ты ее работодатель. Не будь ненормальным».

Вдруг раздался звонок сотового. Он оглядел комнату, ища, откуда он шел и заметил ветровку Райан. Он вытащил телефон. Ей звонил кто-то по имени Ник. Не желая разбудить детей, Маркус отклонил вызов и телефон умолк.

— Папочка, — пролепетала полусонная Шарлотта, — уложи меня.

Было так приятно услышать такое. Если бы Шарлотта не была объята сном, она никогда бы так не сказала, чтобы не показаться юной и уязвимой. Дети, выросшие в Лос-Анджелесе, в десять чувствовали себя старше четырнадцати, и Маркус был благодарен за каждый момент, когда его дочь забывала вести себя как взрослая.

Райан немного пошевелилась, а за ней и Майлз, но они были далеки от того, чтобы проснуться.

Маркус сел на край кровати дочери и поцеловал ее голову. Он укрыл Шарлотту по шею, так, как ей нравилось. Девочка улыбнулась и в одно мгновение снова уснула. Майлз перестал шевелиться и снова сладко спал.

— Эй, — прошептал Маркус, осторожно расталкивая Райан.

— Мне звонят? — смущенно спросила Райан.

— Да, прости, я не собирался рыться в твоих вещах. Мне просто нужно было выключить звонок. Ну, ты понимаешь, дети спят и все такое.

— Конечно, — Райан осторожно убрала с себя руки и ноги Майлза. — Мне жаль, что я уснула здесь. Это, должно быть, выглядит странно.

— Вовсе нет — ты все сделала правильно. Это может случаться время от времени. Ты же знаешь, что я прихожу поздно. Будет лучше, если ты останешься в комнате, хотя можешь смело располагаться, где хочешь. На диване — это круто, и даже в моей постели.

Райан выглядела удивленной. Теперь она уже определенно проснулась.

— Что?

— Нет, я не то имел в виду, — сказал Маркус. Он постарался, чтобы не казалось, будто он защищается. Это действительно было не то, что он имел в виду; он был ответственным начальником. — Я имел в виду только то, что ты можешь найти в номере любое удобное для тебя место. Чтобы отдохнуть.

— Да, конечно, — Райан встала. Она пригладила брюки и заправила волосы за ухо. — Так ты покажешь, где моя комната?

— О, ты еще не устроилась? Сожалею. Подожди секундочку.

Маркус вошел в гостиную и включил свет. Серена оставила ему пакет с документами на столе возле двери. Он порылся в нем и достаточно легко нашел ключи от номера 2102. Когда он вернулся, Райан сидела, надевая свои конверсы.

— Ты можешь не делать этого, — произнес Маркус. — Тут пройти всего пять метров.

— Думаю, ты прав, — Райан взяла обувь в одну руку и пошла к двери.

Маркус толкнул дверь, поскольку его мать вбила в его голову с самого раннего возраста, что женщина никогда не должна сама открывать себе дверь, если рядом находится мужчина.

Но Райан, все еще сонная и дезориентированная, споткнулась на пороге. Маркус бросился и схватил ее за талию, едва поймав, прежде чем она ударилась таким красивым телом о дверной косяк.

— Боже мой, как неловко, — сказала Райан. Она не отстранилась, во всяком случае, не сразу, и Маркус обнаружил, что удерживает ее. Вспомнив замечание Райан о его постели, вспомнив, что был ее боссом, он отстранился.

— Не беспокойся, — сказал Маркус. — Это я виноват, что остался выпить, вместо того, чтобы уложить детей, как следовало бы.

Он все еще оставался достаточно близко, чтобы посмотреть прямо в ее глаза. Он ничего не мог поделать. Он должен был понять, почувствует ли такой же электрический разряд, что и раньше. И да, он почувствовал.

Увидев так близко коричневые и золотые крапинки в ее зеленых глазах, его чуть не сбило с ног. Он в последний раз погрузился в глубину глаз Райан, прежде чем отступить.

— Спокойной ночи, — сказала она, глядя вниз.

— Увидимся завтра, — ответил он. Хотелось бы, чтобы это прозвучало непринужденно, даже равнодушно, но вышло немного более пылко, чем он надеялся. — Ох, и Райан? Не стесняйся, поспи подольше. Утром я хочу провести время с детьми, возможно даже до ланча.

— Да? Уверен, что тебе не нужна будет помощь?

— Мне нужна будет помощь... позже. После саундчека¹⁷, я буду занят до Бог знает какого времени.

— Понятно. Не проблема. Перед тем, как пойти спать, могу я чем-то еще помочь? Не собираюсь смотреть дареному коню в зубы.

— Спи спокойно, Райан.

Маркус был измотан, но уже лежа в постели, он целый час думал о волшебных глазах Райан, ее теле и сладком запахе ее кожи. «*Жасмин*», — подумал он. — «*Изумрудные глаза и кожа, пахнущая жасмином*». Он не испытывал это чувство в течение долгого времени — желание.

Он заблокировал Смитти, который всегда был голосом разума в его жизни. Но этот грубый, бородатый ангел без приглашения появился за плечами, говоря: «*Соберись, придурок. Ты не можешь влюбиться в няню*».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Соседка

Райан крепко спала в своем номере, пока в три тридцать утра не проснулась как от толчка. Кто-то был в комнате. Она могла слышать, как кто-то нащупывает выключатель.

— Кто там, черт возьми? — зашипела она, инстинктивно вскочив с постели. Она схватила подушку, как будто та могла бы послужить ей надежным щитом, и стала шарить рукой по тумбочке, хватая первое, что хоть как-то напоминало оружие. Вот так просто она была уже не няней, а рыцарем, воином.

Кто был в ее комнате? Это было безумием, но она подумала о жутком мистере Рэндалле, который, хотя и был сейчас, предположительно, за несколько сотен километров от нее, до сих пор всплывал в ее мозгу в какие-то моменты. Это был Маркус? У него может быть свой ключ. Или это тот дурацкий репортер? Эта мысль так ее разозлила, и она поняла, что не постесняется треснуть его по голове той тяжелой штуковиной, похожей на дубину, которую она держала в руке.

— Отвечай мне, — завопила Райан. — Кто ты?

— Я Джейси, — прозвучал хриплый женский голос. — Джейси Ричардс.

— Ну, Джейси Ричардс, что ты делаешь в моей комнате?

— Успокойся. Я уверена, что этому найдется объяснение.

Райан не только ничего не видела в темноте, но и не очень хорошо слышала, ее сердце так бешено колотилось в голове со скоростью миллион километров в час, что это даже заставило бы группу Маркуса вставить беруши. Затем она услышала щелчок, и комната вдруг озарилась светом. Дезориентирующим светом, который отбрасывал тени, прыгающие по комнате. Райан показалось, что она очутилась на дискотеке или в фильме ужасов.

— Какого черта? — сказала Джейси, указывая на правую руку Райан. — Убери это.

Райан посмотрела вниз и увидела, что она держит лампу, которую и включила Джейси, щелкнув выключателем на стене. Не имея желания выпускать из рук свое оружие, Райан бросила быстрый взгляд и оценила, что Джейси Ричардс, и все ее 50 килограммов, не представляли для нее большой угрозы. Она поставила лампу обратно на стол.

— Что ты собиралась делать, уложить меня этой штукой? — спросила Джейси. Она была примерно того же возраста, что и Райан, с яркими голубыми глазами, прозрачной кожей, и светлыми с рыжинкой волосами. Кожаные штаны. Искусно изорванная футболка. Мотоциклетные сапоги. Джейси Ричардс была или рок-звездой, или выпендрежницей, или той и другой вместе. — Это смешно.

— Послушай, я проснулась, а в моей комнате какой-то неизвестный, — привела свои доводы Райан.

— Нет, это я вошла в свою комнату и обнаружила незнакомца в своей постели.

Достаточно быстро они установили, что происходит. Райан была няней у Маркуса; Джейси — музыкант, которая будет выступать на разогреве у Маркуса на протяжении всего турне. Она и ее группа попали в шторм во время полета из Лос-Анджелеса и прибыли в отель только несколько минут назад. Кто-то — Серена или служащий в гостинице — дал им ключи от одного и того же номера, и вот они здесь среди ночи, и была только одна кровать на двоих.

Райан подняла трубку, позвонила на ресепшен и объяснила ситуацию. Менеджер очень извинялся, но объяснил, что в любом случае сейчас у них не было ни одного свободного номера.

— У нас в городе проходят три конференции, миссис Эванс, — объяснил он. — Это просто катастрофическая ситуация.

Райан поблагодарила мужчину и поставила в известность Джейси.

— Ну, по крайней мере, это Калифорния Кинг¹⁸, — сказала она. — Мы можем лечь вместе, и еще останется место.

Райан подумала, что, учитывая ситуацию, она была очень дружелюбна.

— Давай распаковывайся, прими душ и все что тебе еще нужно. Можешь лечь с той стороны. Видишь, здесь совершенно нетронуто, — она улыбнулась так тепло, как смогла.

Джейси непонимающе посмотрела на нее, потом рассмеялась.

— О, мы не будем спать вместе, — на ее лице появилась гримаса отвращения, что сделало ее похожей на чопорную папенькину дочку в одежде рок-звезды. Райан выросла в Монтане, где вознаграждалось приспособление и адаптация, а любого вида жалобы встречались с абсолютной нетерпимостью. Она ненавидела папиных дочек. — Я тебя даже никогда раньше не видела.

Думая, какими странными были все эти разговоры о том, чтобы поспать в одной кровати всего одну ночь, Райан попыталась урезонить Джейси, представив, будто она убеждала не отъявленную сучку, а Шарлотту, Майлза или еще кого-нибудь, чья лобная доля коры головного мозга еще не вполне развита.

— Послушай, все будет хорошо. Мы никогда не встречались, но мы с тобой в одинаковом положении, верно? И мы обе работаем на Маркуса.

— Работаем на Маркуса? Ты, может, и работаешь на Маркуса. Я работаю на себя.

— Это замечательно, Джейси, — сказала Райан. — Но вот что будет дальше. Я попытаюсь снова заснуть, в то время как ты молча разложишь свои вещи. Затем можешь присоединиться ко мне и лечь на чистую, нетронутую половину этой роскошной кровати, и мы сможем разобраться, чья эта комната утром.

Джейси, признав свое поражение, недоверчиво спросила:

— Ты... няня?

— Да. Просто няня. Но ты можешь звать меня Райан.

Джейси закатила глаза, театрально вздохнула и скрылась в ванной комнате.

На следующий день Маркус постарался выделить время, чтобы побыть с детьми с утра пораньше — он гордился тем, что мог легко обходиться четырьмя или пятью часами сна даже в свои тридцать четыре. Он знал, что его день будет довольно сумасшедшим до двух часов пополудни или около того, когда его группа должна будет выдержать его самый напряженный саундчек во всем туре. Он разбудил Шарлотту и Майлза в семь, принял душ, оделся и, пока дети ели хлопья (холодильник и шкафы, конечно, были полностью укомплектованы согласно списку продуктов, который Серена предоставила служащим отеля Hyatt), направился в комнату Райан, чтобы проверить ее. Он определенно должен сделать это. Он сказал ей, что она может поспать. Отгоняя от себя мысль, что, возможно, решил увидеться с хорошенькой няней без уважительной причины, он убедил себя в том, что

прошлой ночью Райан была уставшей и могла забыть об их планах.

Странно, однако, что после того, как Маркус постучал, дверь открыла не Райан. Это была Джейси Ричардс.

— О, привет Джейси! — он обнял ее по-быстрому. Джейси была клиентом тур-менеджера Маркуса, Алекса, и дочерью его старого приятеля и наставника, певца и композитора из Остина, Эрла Ричардса. Маркус познакомился с Джейси, когда ей было всего одиннадцать, и ей передалась от Эрла некоторая дикость. У нее был великолепный голос, и она выглядела так, как надо, чтобы стать звездой. Ему достаточно было только раз услышать ее, чтобы понять, что она талантлива и амбициозна, и он был счастлив взять ее с собой на гастроли.

Единственная проблема заключалась в том, что Джейси была явно влюблена в него и могла быть в этом вопросе немного агрессивна. Хотя это было прикольно. Он хотел бы сохранить свое отношение к ней, как старшего брата и дальше.

— Рад тебя видеть. Но разве это не номер Райан? Могу поклясться, она была в 2102.

— О, тут случилась путаница, — сказала Джейси, улыбаясь слишком сладко для того, в ком текла кровь Ричардсов. — Так что, у нас у обеих оказались ключи от одного номера. Но Райан оказалась классной. Мы расположились здесь на ночь вместе, а теперь она в 2103. Тут рядом.

Джейси указала дальше по коридору.

— 2103? Разве это не номер Серены?

— Это твоя помощница, да? — Маркус кивнул. — Ну, в отеле не смогли предоставить свободный номер, поэтому они принесли раскладушку, чтобы можно было им разместиться вдвоем.

— Послушай, Джейси, было приятно увидеть тебя, и я буду так рад услышать твое выступление сегодня вечером, — она стояла, прислонившись к двери, кокетливо разглядывая Маркуса, который сделал вид, что не заметил этого. — То, что нам не забронировали достаточно номеров, это явно вина отеля... но мне очень нужно, чтобы Райан была рядом со мной. Ты знаешь — вдруг что-то случится с детьми?

— Точно, она же няня, — проговорила Джейси. — Логично.

— Поэтому, пока мы с этим не разберемся, ты не могла бы сделать мне огромное одолжение и вернуть ей номер?

— Конечно, Маркус, — но она не выглядела так уверенно. Она казалась раздосадованной.

— Спасибо, Джейси. Я ценю это.

— Нет проблем, — она потянулась, чтобы обнять его второй раз за две минуты, прижимаясь к нему всем телом. Однако он ничего не почувствовал. И, стараясь не казаться грубым, как можно быстрее отстранился. Он не мог не вспомнить, как это было, когда в автобусе Райан, проходя мимо, коснулась его, или как прошлой ночью он удерживал ее, когда она споткнулась. Джейси не скрывала, что он ей нравится, но он вообще не был в ней заинтересован. В то время как его влечение к Райан было таким сильным, но она была под строгим запретом. Жизнь иногда была такой отстойной.

— Ох, и Джейси, — сказал он. — Попроси Райан появиться на саундчеке в два. Дело в том, что она может не знать дорогу до стадиона, так почему бы тебе не взять ее с собой?

Затем, обернувшись, бросил через плечо:

— Извини, я так спешу. Нужно найти немного времени, чтобы побыть с Шарлоттой и

Майлзом, прежде чем все станет слишком горячо.

— Не могу дождаться встречи с ними! — сказала Джейси, но Маркус был уже на полпути к своей комнате.

Когда он вернулся в комнату, Майлз прыгал на диване.

— Райан уже говорила тебе не делать этого, — выговаривала Шарлотта своему брату.

— О-о-о, Райан говорила? — поддразнил Маркус, щекоча дочь. — Это значит, что ты, вообще — то, могла бы быть... как Райан?

— Она милая, — сказала Шарлотта. — Плюс, она права. Он не должен прыгать на диване. Верно?

— Ну, я не уверен, Шарлотта. Мы заплатили достаточно денег, чтобы остановиться в этом номере. Меньшее, что мы можем сделать, это немного поломать диван! — Маркус обрушился на одну из мягких подушек вперед спиной, подбрасывая своего двадцатипятикилограммового сына высоко в воздух.

— Но, Райан запретила, — возразила Шарлотта.

— Дорогая, твой брат может беситься на диване, пока его ноги чистые. Видишь?

В подтверждении этого, Маркус начал прыгать на диване, как на батуте. Он даже попытался — «попытался» было правильным словом, потому что он был тот еще гимнаст — крутануться в прыжке, но не вписался и упал с дивана на пол, где он едва не пробил головой стеклянный журнальный столик.

— Папа, остановись! Ты слишком стар для прыжков! — сказал Майлз.

Маркус взглянул на ворчащую Шарлотту. Он стал строить рожицы, пока она не улыбнулась. Он так сильно любил своих детей в такие моменты, что думал, что его сердце разорвется.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Затираю дверь

Райан не могла поверить, что проспала до десяти утра. Ее расстроил инцидент с корреспондентом прошлой ночью, да и приезд Джейси уж точно не было приятным. Но юная рокерша уже перенесла все ее вещи в другой номер прежде, чем Райан проснулась. Если бы она могла так выспаться хотя бы пару раз в неделю, то справилась бы со всеми неожиданными препятствиями, которые преподносила работа на Маркуса.

Она провела все утро над электронными письмами родителям и парочке ее близких подруг, впервые рассказав им, кто ее работодатель, и заставив поклясться сохранить это в тайне. После ее стычки с репортером Гарри Поттером, она поняла, что ей необходимо быть очень осторожной, когда дело касается рок-звезды. Неважно, насколько профессиональными были их отношения, люди склонны думать иначе. Именно поэтому она ни за что не собиралась кричать на весь «Фейсбук»: *«ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ Я СПАЛА В МЕТРАХ ОТ МАРКУСА ТРОЯ!!!»* На самом деле, она вообще ничего не добавила в свой статус, вместо этого удовлетворившись разглядыванием фотографий и комментариев своих друзей.

С тех пор как Ник бросил ее ради Натали, Райан гораздо меньше стала заглядывать в «Фейсбук». Собственно, она заходила, сильно опасаясь всех социальных сетей, только один или два раза в неделю для проверки своих счетов, и показать, что она не исчезла с лица земли. Не прошло даже недели после их разрыва, а Натали имела наглость разместить кучу картинок (как из фотокабинки), где они целуются с Ником. И затем она изменила свой статус отношений. Действительно, после одной только недели с Ником, всего одну неделю спустя после того, как предала свою лучшую подругу, ей хватило наглости сказать, что она была с ним в отношениях? И когда она знала (она должна была знать), что Райан неизбежно увидит все вышесказанное? Это было возмутительно. Она «раздружилась» с ними обоими и также, для верности, заблокировала их.

Райан никогда не считала себя особенно закрытой до этого, до самой болезненной драмы в ее жизни, выложенной в «Фейсбуке». Мир социальных сетей, по-видимому, сделал равнодушными даже самых ее заботливых друзей до такой степени, что они посчитали совершенно нормальным высказаться публично о самых интимных подробностях жизни Райан.

Ее подруга, Карен, милая и заботливая, присутствовавшая в ее жизни более пяти лет, в конечном итоге оправдала Ника, разместив пост в «Твиттере», где сообщила, что химия между ним и Райан *«если уж на то пошло, никогда не была слишком горячей»*. Она не понимала, что Райан прочтет это гениальное прозрение вместе с другими друзьями? Но «Фейсбук», «Твиттер» и все другие сайты, которые были, как теперь думала Райан, не более чем общедоступными блогами со сплетнями, заставляют людей терять головы. Они проводили больше времени, с маниакальной скоростью печатая в своих телефонах, чем размышляя о целесообразности их комментариев. *«Потребность заявить о себе»*, — как в одном из ее учебников о развитии детей характеризовались ужасные двухлетки, захватила власть над практически каждым взрослым, кого она знала. Доверие и уважение, даже дружба, казалось, покинули всех ее якобы взрослых сверстников в пользу этого детского и

неистребимого эгоизма.

Но еще по какой-то причине, Ник, по-видимому, хотел поддерживать с ней связь. Сначала она не отвечала на все его звонки, SMS и электронные письма. Но теперь, когда ее гнев и шок немного утихли, она изредка отвечала ему, сохраняя сообщения краткими и лишенными всяких эмоций. Может быть, это было только ее уязвленное самолюбие, но она не хотела, чтобы ее бывший думал, что он совершенно уничтожил ее. Никто не должен иметь над ней такую власть. Во всяком случае, никогда снова. Поэтому, когда он писал ей три абзаца, она отвечала, но, как правило, одним предложением, иногда даже одним словом.

Впервые она задумалась о том, насколько сильно она не хотела, чтобы Ник знал о ее нынешней работе. Ее жизнь сильно осложнилась, если бы он — самый большой фанат Маркуса Троя, какого она знала — обнаружил, во что она ввязалась (он пытался с ней связаться прошлой ночью, но она пропустила звонок и, в любом случае, не ответила бы). В-первых, Ник был абсолютным треплом, и он рассказал бы всем, о чем узнал. А во-вторых, он, наверное, стал бы звонить ей по десять раз на дню, желая получить информацию, любую информацию о том, какой его герой на самом деле, в живую. Она хорошо знала своего бывшего, и да, он был таким бесчувственным.

«Тем не менее, прошлой ночью я действительно спала в пяти метрах от Маркуса Троя», — подумала про себя Райан и захихикала, осознав, как это странно. Просто потому, что Райан охраняла свою личную жизнь, не значило, что сон в такой близости от Маркуса не влиял на нее. Когда она была ребенком, то несколько раз ходила во сне. Что, если бы она, не отдавая себе отчета, зашла прямо в комнату Маркуса, засунула ключ в замок и скользнула в его постель без единого звука? Она думала о нем все больше и больше. Он был просто невероятно сексуальным; он, похоже, был приличным парнем, добрым и любящим отцом. Плюс, он был веселым, смешным и таким милым. Что бы она почувствовала, если бы ее обхватили эти сексуальные бицепсы? Каково это было бы поцеловать его, прикоснуться к нему... почувствовать его вкус? Просто-напросто, этот мужчина что-то с ней сделал. Она смогла бы подавить это в себе, но она не могла это отрицать.

Так что, вместо этого, Райан встала и сделала единственное, что могла, чтобы прогнать из своей головы эти мечты о своем работодателе — пошла на пробежку. Она была заядлой бегуньей, пробегая четыре-пять раз в неделю от шести до двенадцати или даже пятнадцать километров. Ей очень понравился ее первый полумарафон, возвращаясь к морозному апрельскому дню в Калиспелле, она была поражена мыслью о том, что, если бы у нее нашлось время для себя на регулярной основе, может быть, она использовала бы лето на подготовку к ее первому полному осеннему марафону.

Она никогда раньше не ходила на пробежку в другом городе, поэтому она изучила в Гугле карту местности около отеля и проложила маршрут так, чтобы, как она надеялась, получать лишь одно удовольствие. Отель находился недалеко от парка у набережной¹⁹, поэтому после нескольких минут растяжки, она отправилась на Аляскан Уэй²⁰ прижимаясь ближе к берегу, чтобы можно было наслаждаться захватывающим видом на залив. *«Не забыть напомнить себе, — подумала она, — переехать в Сиэтл!»*

Как только она начала чувствовать себя комфортно, мужчина среднего возраста, абсолютно не в форме, стал нагло пялиться на нее. Неужели мужчины действительно думают, что женщины не видят эти косые, трусливые взгляды на женские тела на беговой дорожке, в автобусе, в аудиториях и офисах? Она бы никогда не связалась с мужчиной, который пялится на женщин — это так мерзко.

Тем не менее, она не могла не отметить, что Маркус не был похож на того, кто так поступает. Он был очень вежлив с ней, не заглядывался на ее задницу и сиськи, когда она не видела. И еще, его глаза, казалось, следовали за ней помимо его воли. Она все это выдумала, или это правда? Чтобы джентльмен, не говоря уже о такой знаменитой рок-звезде, как Маркус, был не в состоянии отвести от нее глаз? Привлечь внимание такого сексуального мужчины, как он, мужчины, который мог получить любую женщину, которую бы захотел — вот это было круто.

По дороге обратно в отель, Райан заглянула в Пайк Плэйс Маркет²¹, единственную достопримечательность Сиэтла, до которой она знала, как добраться. Оказавшись внутри, она пришла в восторг. Райн думала, что Пайк Плейс был просто местом, где покупают продукты, но там было много предметов декоративно-прикладного искусства и всех видов художественного творчества. Райан еще не получила свою первую зарплату, но было так сложно не достать кредитную карточку и не купить хотя бы что-нибудь приятное для мамы.

— Райан! — воскликнул голос позади нее. Она обернулась и увидела Майлза, идущего рядом с Шарлоттой и их отцом.

— Ох, привет, ребята! — сказала Райан, пытаясь говорить с энтузиазмом, но чувствуя себя неловко в своей потной (и слишком скудной, как она вдруг поняла) одежде для бега. Все трое направлялись прямо к ней.

— Ты бегаешь? — спросил ее Майлз перед магазином с польской несладкой выпечкой, которая называется пирожки.

— Да, тебе это кажется странным? — поинтересовалась Райан, смахивая волосы с лица мальчика. Ребенок выглядел таким изумленным, будто спросил ее, может ли она летать.

— Папа тоже бегает, — пояснила Шарлотта.

— Правда? — удивилась Райан, посмотрев на своего босса и стараясь не встречаться с его голубыми глазами, слишком глубокими и проникновенными.

— Да, несколько раз в неделю. Мы могли бы иногда делать это вместе. У меня давно не было партнера по пробежкам.

Райан окинула его быстрым взглядом. Маркус был одет в джинсы и облегающую, идеально пошитую белую футболку. На самом деле, в футболке не было ничего необычного — идеален был сам мужчина, с мышцами, как у Давида Микеланджело, который просто был дико сексуален. Райан подумала, что Маркус на самом деле был немного слишком накачан для бегуна — самые серьезные бегуны, как правило, сухощавые — но она не могла ничего с собой поделать, когда представила, как он тренируется: потный, фыркающий, пытающийся побить свой личный рекорд. Хотелось бы узнать, сможет ли она одолеть его в состязании один на один. Лишние мышцы, даже такие аппетитные, как у него, определенно были недостатком. Рок-звезда он или нет, но она решила, что Маркус Трой наглотался бы ее пыли.

— Мы тоже могли бы, — сказала Шарлотта с надеждой.

— Да! — обрадовался Майлз. Затем он неожиданно коснулся ее талии и заявил: — Ты красивая.

— Нет, я вся вспотела, — запротестовала она, благодаря, что ее лицо было достаточно разгоряченным, чтобы скрыть тот факт, что она покраснела. Хороший ночной сон, по-видимому, стал причиной того, что Майлз безумно влюбился в нее.

Маркус сказал своему сыну:

— Майлз, женщина может быть красивой и в тоже время потной.

Он улыбнулся Райан и пожал плечами, как бы говоря, что это дети, и они говорят

сумасшедшие вещи. Но Райан не привыкла, чтобы ее внимательно изучали одновременно горячий парень и его дети. Няня рок-звезды подумала, что упадет в обморок, если сейчас же не рванет прочь из Пайк Плейс Маркета.

— Ты думаешь, Райан потная и красивая, папа? — спросил Майлз.

— Тс-с-с, хватит! — сказала Шарлотта, толкая бестолкового Майлза в плечо.

Майлз выглядел ничего не понимающим и готовым вот-вот расплакаться, в то время как Маркус, не отвечая сыну, посмотрел на Райан таким убийственно-сексуальным взглядом, словно эти голубые глаза молча соглашались, что да, может она и потная, но действительно очень красивая.

Румянец Райан уже прошел, но когда Маркус смотрел на нее такими глазами, она почему-то не могла связать и двух слов. Смотрел ли когда-нибудь на нее мужчина так прямо, так уверенно? Парни в свои двадцать так на нее никогда не смотрели, и она не знала, сможет ли справиться с этим. Она прошла несколько шагов по проходу, и Маркус с детьми последовали за ней.

— Вы когда-нибудь видели такую красивую штуку? — произнесла она, нелепо поднимая кочан салата-латука и чувствуя себя какой-то недоделанной Рэйчел Рэй²².

— Конечно, — сказал Маркус, спасая ее. — Посмотрите на этот старинный сорт помидоров. Они весят чуть ли не по килограмму каждый. Может, я взял бы несколько штук, и мы могли бы сделать детям салат на ужин.

Мы? Ужин?

— Ты любишь готовить?

— Да, конечно, — ответил Маркус. — Я имею в виду, ничего особенного. Но я знаю, где находится моя кухня. Что? Это так странно, что парень умеет готовить?

— Нет, это не так. Просто... у тебя действительно находится на это время на гастролях? Твой график кажется сумасшедшим.

— Вот поэтому мне и нужно хоть иногда его ломать, чтобы попробовать что-нибудь другое....

Его прервал Майлз:

— Папа, ну давай пойдем.

Шарлотта шикнула на него, и Райан обратила внимание на то, что девочка ловит каждое его слово. Увидев там ее, маленькую девочку, о которой, как предполагалось, она должна была заботиться, Райан вернулась к действительности. Она не могла с этим мужчиной готовить салаты или флиртовать за фруктовым десертом. Она должна была быть няней, просто няней. За салатом может последовать обед, а за обедом... десерт. Нет, не будет никакого салата.

— Эй, разве вы не должны настраивать аппаратуру через час? — спросила Райан.

Маркус достал свой телефон и проверил время.

— Ну да, примерно через час, — сказал он.

— Тогда, если ты собираешься оставить мне детей перед этим, мне лучше пойти переодеться.

— Конечно, — ответил Маркус, и когда она снова посмотрела на него, сексуальное напряжение в его глазах исчезло. — Скоро увидимся.

И после этого Райан быстро попрощалась и покинула их с такой скоростью, как будто пыталась побить мировой рекорд на стометровке.

— Не забудь принять душ! — пронзительно закричал Майлз. — Чтобы смыть пот!

Райан не обернулась, но слышала, как за ее спиной рассмеялся Маркус. Ей придется где-нибудь остановиться и купить большой, свободный спортивный костюм.

Маркус попытался немного разнообразить этот тур. Он будет играть перед толпой, как обычно, самые популярные песни, потому что люди платили деньги, чтобы их слышать. Маркус знал это — он не был идиотом. Но он также собирался попробовать некоторые вещи, которые отличались от всего, что он когда-либо писал раньше. Но не группа. Только он и его гитара. Это будет интересно. Эти песни были более мрачные, более напряженные, чем что-либо в репертуаре Маркуса, возможно, более подходящие для прокуренных клубов, вмещающих сотню человек, а не для арен на десять и двадцать тысяч мест, на которых планировалось проводить концерты в этом туре. Но Маркуса это не волновало.

Когда он только начинал свою карьеру в музыке, он не был отцом; он сам был всего лишь ребенком. Теперь ответственность и проблемы взрослой жизни изменили его. Он больше не был тем человеком, и он хотел, чтобы его музыка отражала это. Сейчас проявилась новая сторона его личности, и он собирался показать ее зрителям, нравится им это или нет.

Первый концерт тура всегда проходил немного со скрипом, и сегодняшний был не исключение. Смитти, играющий на соло-гитаре, был надежен, как и всегда. И хотя басист и барабанщик были теми же, с кем он записал последний альбом, они никогда не ездили с Маркусом на гастроли, им четверым не доводилось выступать вместе. Конечно, они отработали несколько недель в Биг Форке²³ в мае, но выступать перед публикой — совершенно другое дело, и, во всяком случае, они пока еще не работали на полную катушку. Маркусу предстояло придумать, как сделать так, чтобы вся их страсть и энергия достигли последнего ряда.

Однако, во время первых пяти или шести песен, Маркус отвлекался. Его мысли постоянно возвращались к Райан и их случайной встрече в Пайк Плейс. По его мнению, не было абсолютно ничего сексуальнее, чем женщина, которая была и красивой, и спортивной. Конечно же, как и у любого парня, его голова непроизвольно поворачивалась вслед каждой шикарной телке, которая проходила мимо, независимо от того, была она тихоней или бегала марафон, но с годами он стал меньше интересоваться просто красивыми женщинами. И когда речь шла о Райан, это было больше, чем просто «красивое и потное» тело, как уморительно выразился Майлз, что заставило Маркуса призадуматься. Некоторые вещи, жесты, мимика озадачили его. Как она смутилась, когда Майлз назвал ее красивой. Она стала красной, как свекла, и Маркус задался вопросом — почему. Возможно ли, что девушка, такая сексуальная, как Райан, не привыкла выделяться из-за ее внешности? Нет. Невозможно.

Она не любит, когда ей говорят комплименты? Вопрос остается открытым, но то, как она отвернулась и покраснела на рынке, улыбаясь и поправляя волосы, выглядело так, будто она не привыкла, что ею восхищаются. Такую скромность, такую естественную невинность он давно не видел в женщинах, и Маркус не мог выкинуть это из головы. Райан была не только сексуальная и умная, но и такая настоящая.

Смитти играл соло. Выдавая шквал нот, гитарист стиснул зубы, потом проворчал что-то про себя, когда развернул инструмент к усилителю, чтобы вызвать громкие крики

пронзительной ответной реакции. Маркус подумал, что это прозвучало почти так, как будто Ангел Смитти за его плечом предупреждал... Забудь! О! Няне! Он выпалил следующую строчку в микрофон с большей энергией, частично получив заряд от Смитти, но и сам в данный момент готовый с ним согласиться. Если уж Маркус сам понял, что было бы для него лучше, то ему следовало поменьше заикливаться на потрясном теле Райан и ее духовной сущности, и больше сил направить на то, чтобы зажечь всю мощь толпы.

После того, как они отработали первую половину концерта, Смитти и остальные участники группы покинули сцену, и помощник принес Маркусу его старую, потрепанную гитару Мартин²⁴. Это был его любимый инструмент, но он никогда раньше не играл на нем «живую», потому что это был первый раз, когда Маркус попытался сыграть такую задушевную, глубокую акустическую музыку, какую он играл дома, когда вокруг никого не было. Как только сверху его осветил единственный прожектор, он впервые за все годы занервничал.

— Ладно, ребята, как вы можете догадаться, — сообщил он залу, — я сейчас немного сбавлю темп.

Зрители завопили, что не слишком-то много значило. Что бы ни сказал Маркус, они все примут на «ура». Но он научился не воспринимать поклонение толпы слишком серьезно.

— Я надеюсь, вам понравится эта песня. Она абсолютно новая, — слышалось еще больше криков.

Маркус начал петь «Я запираю двери», первую песню, написанную после своего развода с Бьянкой, но которую звукозаписывающая компания не захотела включить в альбом. Хотя, в песне пелось не совсем о Бьянке. Речь в ней шла о глубокой печали, которую он почувствовал после того, как суд счел, что он не может просыпаться каждый день в том же доме, что и его собственные дети. Речь шла об одиночестве, которого он еще не знал до тех пор, пока его не разлучили с ними.

*Я запираю после себя двери,
Потому что только так
Я смогу сегодня найти успокоение.
Я поворачиваю защелку, опускаю шторы
И жду, пока исчезнет последний вечерний свет
В темных глубинах души,
И моя спальня станет чернее угля...*

Да, это совсем не лучшая песня для вечеринки, но Марк любил ее. Он проиграл короткий инструментальный проигрыш перед вторым куплетом. Стояла мертвая тишина. Может быть, им понравилась песня. Или, может быть, они так возненавидели ее, что безмолвствовали в знак протеста.

Его это не заботило.

*Я запираю после себя двери,
Потому что в свете яркого дня
Что-то сжимается в моей груди,
Сердце разрывается, подступает паника.
Только в своем одиночестве я смогу успокоиться...*

*Пожалуйста, не осуждайте меня, за то, что остаюсь здесь,
Потому что я знаю — в этом мире нет свободных дорог.*

Продолжая петь, Маркус кинул быстрый взгляд направо, надеясь, что Шарлотта и Майлз были за кулисами, поддерживая его. На самом деле, он должен был увидеть их, Маркус так глубоко прочувствовал эту песню, что ему необходимо было удостовериться, что, во всяком случае, сейчас его дети были рядом с ним.

Естественно, они были там с Райан и с широкими улыбками на лицах усиленно махали руками. *«Слава Богу, что они не понимают этих печальных слов, — подумал он, улыбаясь. — И, слава Богу, Бьянка не настраивает их против меня».*

Обычно за кулисами было довольно темно, но пол сцены, составленный из зеркальных щитов, отражал свет прямо на них троих, который кружился по их лицам, как в калейдоскопе. Эффект был такой красивый и загадочный, что Маркус не отводил глаз, и не только из-за детей, но и из-за Райан, которая обнимала их за плечи. Она находилась от него должно быть в шести метрах, но Маркус смог прекрасно разглядеть нереально зеленые глаза, и ее красота потрясла его.

Вдруг, он осознал, что понятия не имеет, какой следующий текст он должен произнести. Что-то про вентиляцию и пожарную лестницу? Но слова просто вылетели у него из головы, и ему пришлось прекратить играть, чтобы собраться.

— Упс, я же говорил, что она новая, да? — сказал Маркус зрителям. — Такая новая, что я еще даже не запомнил слова!

Кто-то неловко захихикал, раздалось несколько обнадеживающих возгласов. Потом какой-то придурок закричал:

— Сыграй «Любовь всей моей жизни»!

— Я доберусь и до нее, — сказал Маркус. — Обещаю.

А сам подумал: *«Заткнись, мокрица».* Ему так надоело играть эту песню.

Он достаточно быстро оправился и спел заключительный куплет и припев песни «Я запираю дверь», прежде чем перейти к акустическим версиям некоторых его самых любимых песен. Зрители не отреагировали на его новую, темную сторону, но ему было все равно. Все, о чем он мог думать — только о Райан, об идеальной картинке, где он видел ее, стоящей рядом с его детьми. Ее образ, вместе с Шарлоттой и Майлзом, заставил его почувствовать себя сильным. И впервые за слишком долгое время — живым, полностью живым.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Лучик света

Сидя в автобусе по пути в Портленд, Райан изо всех сил пыталась не отключиться. Она устала, что было так не вовремя, учитывая тот факт, что Майлз слетел с катушек, бегая по проходу, в то время как Шарлотта постоянно донимала ее слишком взрослыми вопросами. Иногда быть нянькой — словно оказаться в сражении застрывшей в окопах с двумя крошечными солдатами, которые либо не знают, либо просто игнорируют правила ведения боевых действий.

— Ты была замужем? — спросила Шарлотта.

— Нет.

— А у тебя было много парней?

— На самом деле, нет. Серьезные отношения были только раз.

— Как его звали?

— Шарлотта, это очень личное.

— Ну, пожалуйста..., — девочка выглядела такой непреклонной и нестигаемой, как самые бескомпромиссные журналисты, которые, Райан видела это собственными глазами, следили за ее отцом с единственной целью — вытянуть из него неизвестные подробности из его прошлого. — Просто скажи мне.

— Его звали Ник.

— И почему ты больше не с ним? Он перестал любить тебя так же, как Бьянка перестала любить папу?

Райан никак не могла выкинуть из головы тот факт, что Шарлотта называла свою маму по имени (Майлз же, хвала небесам за это, по — прежнему называл ее мамочкой).

— Все было намного сложнее, — сказала Райан.

— Что ты имеешь в виду? Если бы ты все еще любила его, и он по-прежнему любил тебя, вы бы до сих пор были бы вместе, верно?

— Возможно.

— Получается, что он просто перестал любить тебя? И стал любить кого-то другого? Это то, что случилось с Бьянкой и папой.

— Ладно, хватит, Шарлотта.

Но Шарлотта устала прямо на свою няню и сказала:

— Я просто пытаюсь узнать тебя.

И после она двинулась назад по проходу и уселась на колени Смитти. Смитти от испуга проснулся, но затем позволил Шарлотте положить голову на его плечо. Райан не могла поверить в это, но до прошлой ночи она думала, что он был всего лишь техником, когда на самом деле он был тем удивительным гитаристом, кто был с Маркусом на протяжении всей его карьеры, и даже написал вместе с ним пару хитов. Смитти был таким хорошим парнем, и Райан почувствовала благодарность за то, что его дружелюбное присутствие позволило ей выкроить немного свободного времени.

Она не знала, каково это быть ребенком разведенных родителей. У ее собственных родителей был прекрасный брак — может быть не самый захватывающий в мировой истории, но, по крайней мере, стабильный и полный любви, — так что она понятия не

имела, как бы все сложилось, если бы этот брак оказался под ударом так рано, что их отношения угасли и закончились. Ей стало грустно, что Шарлотта знакома в ее возрасте с такими вещами, как «полюбить кого-то другого». Сама Райан уже какое-то время знала, что отношения могут закончиться болезненно, что потеря и предательство существовали, как понятия. Но ей никогда по-настоящему не приходилось испытывать боль от того, что ее отвергли, выбросили, как вчерашнюю газету, пока Ник и Натали не завели интрижку, разрушив в итоге ее взаимоотношения с ними — с двумя самыми близкими людьми.

Райан до сих пор не могла поверить, что они сделали с ней это. Она встречалась с Ником почти год, и это был (или она думала, что был) лучший год ее жизни. Она и Ник были так похожи. Они любили все занятия, тесно вязанные с Монтаной: пешие прогулки, спуск по реке на каноэ и каяках и бег, иногда совмещая занятия по всем трем видам спорта в течение одного дня. Их друзей сводило с ума то, насколько они были активны, и их часто дразнили за их подтянутость и всеамериканскую одержимость фитнесом. Но Райан никогда не чувствовала себя более живой, чем тогда, когда она бывала на природе, любуясь естественной красотой ее родного штата, с эндорфинами, бушующими в ней и заставляющими ее чувствовать себя сильной и почти легкомысленной. И когда она нашла кого-то, с кем могла поделиться этим, ну, что тут можно сказать, она почувствовала, что нашла единственного верного спутника ее жизни.

Поэтому, когда однажды она нечаянно взяла телефон Ника и обнаружила безумно неприличное сообщение сексуального содержания от Натали, ее лучшей подруги со средней школы, это ее глубоко ранило. Она сразу же предъявила все Нику, шокируя его до чертиков, и желая получить прямые ответы, прежде чем он смог бы солгать. Он развлекался на стороне с Нат больше месяца и в то же время говорил Райан, наверное, миллиард раз, что любил ее. Так нагло лгать? По мнению Райан, это было отвратительно.

После расставания, Ник уехал со своим приятелем Джеком на все лето путешествовать одному Богу известно куда. Она не знала, увидит ли его когда-нибудь снова. И это было бы неплохо, так как понимала, что пройдет много времени, быть может месяцы, годы, прежде чем она снова сможет иметь отношения. Остаться одной, конечно, было порой горько, но это лучше, чем быть настолько подавленной, чтобы даже не вставать с кровати.

Телефон Райан издал звук. На минуту ей показалось, что она могла, как по волшебству, вызывать Ника, просто плохо подумав о нем, но это была просто SMS от Эм.

«Эй, ты это читала? Просто хочу предупредить. Угадай, кто засветился сегодня в Интернете? Ты! Ты знаменита!»

Эм выслала ссылку, на которую Райан сразу же нажала. Это был сайт «CelebriBites», с которым она никогда не слышала. Кликнув на название статьи «Стартовали гастроли Троя», она обнаружила подборку фотографий с подписями. Большинство из них были, конечно, Маркуса, где он или говорил или смеялся, и был просто само очарование, в то время как промокшая Серена держала над ним зонтик, хотя было несколько фотографий Джейси и ее группы у входа в отель Бог знает в какой час утра.

Но там было, как и сказала Эм, одно ее фото. Оно демонстрировало раздраженную Райан, закрывающую от света вспышки лица Шарлотты и Майлза. Ее рубашка была мокрой и, к ее ужасу, прозрачной. И подпись под ним гласила: *«Представляем новую горячую няню Маркуса Троя — Райан (пока без фамилии, друзья, но мы над этим работаем)»*. Новость была опубликована днем ранее, и там был только один комментарий. *«Что же ей пришлось сделать, чтобы получить эту работу? — спрашивал кто-то по имени BRadfar. — Выиграть*

конкурс мокрых футболок в том захолустье, где в это время жил Трой?»

«О, мой Бог, — написала она Эм. — Это плохой знак».

Эм прислала в ответ грустный смайлик, а Райан открыла окно браузера на своем телефоне, вписав в поисковую строку «Маркус Трой Няня Райан», но она не нашла никаких других своих снимков, и, по крайней мере, на первый взгляд, ни один другой сайт не разместил эту конкретную фотографию. Конечно, нельзя сказать точно, но, видимо, «CelebriBites» был не слишком популярным сайтом, если статья провисела целый день и появился только один комментарий. Она погуглила «Райан Эванс» и не нашла ни одной картинки. Это, должно быть, означало, что никто не успел отследить ее фамилию. Возможно, это также означало, что всем была безразлична она и ее мокрая футболка. Она просто надеялась, что все так и останется. Надо думать, что быть частью жизни Маркуса — значит подвергаться постоянной угрозе огласки в интернете? Как у него получалось так жить, и как смог бы кто-нибудь еще жить с ним в такой обстановке?

— Привет, — сказал вдруг Маркус, плюхаясь на сиденье, находящееся напротив нее. — Не возражаешь, если я посижу тут минутку?

— О, привет, — сказала она, запихивая свой телефон в сумку. — Что случилось?

— Ничего особенного, — он расстегнул пуговицу на рубашке, что заставило Райан сглотнуть, хотелось бы надеяться, незаметно. — Полагаю, просто убиваю время.

— Оу, спасибо. Я польщена.

Маркус рассмеялся, немного смущаясь. Райан попыталась держать себя в руках. Разве нет закона, запрещающего фотографировать кого-либо без его разрешения? Разве фотографу не нужно ее разрешение, прежде чем продать (как она предполагала) фотографии сайту со сплетнями? Она попыталась заглушить эти мысли и сосредоточиться на том, что говорил Маркус.

С того момента, как они встретились глазами, когда он сбился, исполняя свою мрачную, грустную песню, он вел себя немного странно. Не то, что бы Райан была абсолютно уверена, что это она была причиной того, что он отвлекся, но определенно был такой момент. И с тех пор Маркус казался рассеянным. В отличие от дружелюбного, поддразнивающего, озорного парня, каким он был еще вчера утром, человек, находящийся перед ней выглядел немного несчастным.

— Мне понравилось твоя песня, — сказала она, полагая, что его может подбодрить похвала песни, которую зрители, казалось, не очень оценили.

— Да? Какая?

— Ну, та, очень грустная. О запирающейся за тобой двери.

— Ты серьезно?

— Да. Мне понравилось. Это было... интересно.

— Интересно? Я бы предпочел, чтобы ты сказала, что полюбила ее или возненавидела. Но «интересно»? Интересно — это смертельный удар.

Райан знала, что она не музыкальный критик, но как слово «интересно» может считаться оскорблением? Она поняла, что зашла слишком далеко — Маркус, вероятно, не получал столько много критики в адрес новых композиций от своей группы — и попыталась придумать и сказать что-нибудь умное.

— Нет, серьезно. Под твою музыку хорошо веселиться.

— Оу.

Все, что она не говорила, почему — то превращалось в оскорбление, при том, что было

полной противоположностью того, что она имела в виду. Она не знала, как себя вести с чувствительными музыкантами.

— Ну, благодаря ей люди чувствуют себя счастливыми — ты же видишь это, да? Она им нравится. Но в той песне, «Запираю дверь», ты, очевидно, поднял очень глубокие вопросы, и я оценила это.

— На самом деле? Ты, правда, так думаешь?

— Да. Я имею в виду, она была немного мрачная и странная, и я не знаю, поняла ли я каждую строчку, но жизнь может быть мрачной и странной, и люди иногда должны услышать об этом.

— Точно, — он наклонился вперед в своем кресле. — Знаешь, мне просто хотелось сделать что-то большее — спеть о том, о чем я думаю, не заботясь, будет ли снят клип или будет ли она звучать на радио?

— Послушай, я понимаю, что ты пытаешься сделать. Ты хочешь внести новизну в свой стиль, чтобы дать твоим зрителям действительно что-то более глубокое.

— Правильно! — Райан не могла поверить, что Маркуса на самом деле волновало ее мнение о его музыке. — Единственная проблема заключается в том, что они приходят, чтобы услышать песни, которые давно им известны. В общем, они приходят просто выпить и повеселиться с друзьями.

— И как ты об этом узнал?

— Не знаю, может, по оглушительной тишине, которая последовала после песни?

— Ну, это же новая песня?

— Да, совсем новая.

— Может, она еще не закончена?

Он приподнял брови.

— Эта песня безупречна.

— Да, наверное, — Райан понятия не имела, откуда взялась эта уверенность, но почему-то она чувствовала себя комфортно, говоря Маркусу, что именно она думала. Он выглядел достаточно сильным, чтобы справиться с этим.

— Ну, а как бы ты ее тогда изменила?

— Это твоя работа, — рассмеялась Райан. — Я имею в виду, что понятия не имею, но...

— Что? — Маркус наклонился еще ближе. На самом деле он, затаив дыхание, ожидал, или так казалось, услышать мысли Райан о том, как писать песни.

— Хорошо, это песня очень личная и печальная. Почти безысходная. И если ты оказываешься в такой темноте, то должен в то же время показать маленький лучик света.

— Лучик света?

— Да, например, если ты запираешь дверь, то потом должен открыть ее. Показать людям маленькую надежду.

— Кто ты, Райан Эванс? Ты рок-критик, выдающий себя за няню?

— Нет, я просто няня, — возразила Райан. — Но я честная няня.

Она подумала: *«Надеюсь, я не стану известна, как та самая няня в мокрой футболке».*

Маркус пытался не показывать этого, но критика Райан расстроила его. С тех пор, как он придумал «Я запираю двери», он считал ее одной из лучших песен, которую он когда-

либо написал. Он понимал, что никогда не сможет достичь музыкальных высот своих кумиров — таких парней, как Спрингстин, Бон Джови и Крис Мартин из Coldplay — исполнителей, чьи композиции переживут десятилетия, возможно даже столетия. Но думал, что с песней «Я запираю двери», он впервые подобрался к ним достаточно близко.

И когда Райан, его, черт подери, няня, раскритиковала эту жемчужину, возникшую в его воображении, он проявил сверхчеловеческую силу воли и не начал защищаться. Кроме Смитти, никто бы из его окружения не позволял себе давать ему советы, как писать песни. И если бы кто-нибудь все-таки осмелился, он, наверное, только бы спросил, сколько именно хитов у них самих (Маркус написал сам или в соавторстве одиннадцать), или сколько трижды платиновых альбомов они выпустили (он — четыре).

Да, песни, что он написал и исполнял с самого начала своей карьеры, были очень популярны и сделали его мультимиллионером, которому никогда снова не придется беспокоиться о работе. Но это не значит, что ему не было больно, когда какой-нибудь критик или фанат, или его няня, заявляли, что его песни недостаточно хороши. Было больно так же, как это было, когда он только начал писать песни для своей школьной гаражной группы в 1994 году, и так же, как это было десять лет спустя, когда его первый альбом был продан миллионными тиражами и в то же время раскритикован журналистами из Rolling Stone, Spin и New York Times. Только совсем недавно Маркус научился стойко переносить боль, принимать неизбежные плохие отзывы немного более благосклонно, но это не означало, что ему это нравилось.

Возможно, было преувеличением сказать, что ему понравилось услышать от Райан, что его близкую к шедевр песню нужно еще «осветить», но ему нравилось разговаривать с ней. Она была честной, прямой и, самое главное, проницательной. Так много людей рядом с ним стали подхалимами, готовыми говорить ему лишь то, что он хотел услышать. Но Райан не сдерживала себя и не сомневалась в своей правильности, она просто была честной. Маркус обнаружил, что не только доверял ей, но и желал поднабраться у нее мудрости.

Он с потрясением осознал, что на самом деле хочет подружиться с Райан. Но возможно ли, чтобы он, Маркус Трой, просто дружил с женщиной? С такой сексуальной и веселой женщиной, как Райан? Эта идея казалась бредовой. Но было ли это настолько безумно, что могло бы сработать?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чертовое колесо

В Портленде было шесть пятнадцать утра, когда Райан вышла на пробежку. Ее путь проходил по грунтовой дорожке, каменистой и запутанной, из-под земли повсюду торчали переплетенные корни деревьев, так что ей приходилось постоянно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. Она бежала вдоль красивой реки с быстрым течением, название которой ей было неизвестно. В отдалении неясно вырисовывался горный хребет — Райан понятия не имела, какой. После жизни в небольшом городке в Монтане, она поняла, что ей не хотелось знать никаких названий, и возбуждение, связанное с исследованием всего нового, было для нее неизведанной территорией.

Она пробежала десять километров и чувствовала гордость не только за то, что собиралась пробежать все пятнадцать перед тем, как должна была забрать Шарлотту и Майлза, но и потому, что в последние пару дней приучала к дисциплине обоих детей и себя. Не то чтобы она была строга с ними, тем не менее, Райан была твердо уверена в необходимости расписания и режима в работе с детьми. И Шарлотта, и Майлз были такими же, как и любые другие дети, и она знала: как бы они не протестовали против новых правил, но в душе им нравилась упорядоченность.

Она попыталась представить, какие гениальные крупицы мудрости предложили бы ей родители после того, как сдуру распустила свой язык в разговоре с Маркусом. Очевидно, что трудности работы няней 24/7 уже начали сказываться на ней, потому что кто в здравом уме мог иметь наглость указать великой рок-звезде, как лучше писать песни? Она покраснела, только подумав, какой излишне любопытной она была. Но было что-то в Маркусе, какая-то сила, что заставляло ее почувствовать, будто все допустимо. Было ли это в ее воображении, или он на самом деле восхитился, когда она сказала об этом идиотском «лучике света»? И действительно ли она заметила расслабленные плечи, общую успокоенность его настроения, когда они продолжили общение? Райан была не глупа — она не высказывала свои соображения по вопросам, в которых ничего не понимала, даже если человек, с которым она разговаривала, хотел их услышать. Вопрос был в том, почему? Почему Маркуса волновало то, что она хотела сказать? Ведь она была просто няней, и еще он казался искренне заинтересован в ней. Вчера, когда он наклонился к ней, она почувствовала дрожь во всем теле. Будучи так близко от него, так близко, что она могла почувствовать запах свежести его кожи, с ней что-то случилось, и нет смысла это отрицать.

Райан залезла в спортивную повязку на руке и проверила приложение на телефоне. Ей нужно было пробежать еще пять километров, и к детям не нужно спешить до семи, так что у нее оставалось больше часа, что, несмотря на такую рань, казалось абсолютной роскошью. Она все еще была полна энергии и говорила себе, что собирается побить ее предыдущее время: восемьдесят три минуты на шестнадцатикилометровой дистанции. Она знала, что сможет сделать это.

Райан засунула свой телефон обратно в повязку, затем последний раз кинула свой взгляд на солнечный свет, сверкающий на поверхности воды, прежде чем повернуть от реки обратно на улицы Портленда. Но так и не смогла все хорошо рассмотреть. Она зацепилась ногой за корень дерева и подвернула лодыжку. Пытаясь смягчить удар руками, она сильно

ударилась правым локтем и бедром. Она лежала на земле со сбитыми в кровь локтем и коленом, и в ее голове промелькнула глупая мысль: «*Я только что упала*».

Она поднялась и отряхнулась, прилив адреналина заставил ее подумать, что удалось избежать каких-либо серьезных травм. Но когда она попыталась пойти к берегу реки и вымыться, боль пронзила ступню, отдавая в голень. Девушка сразу же поняла, что с ее лодыжкой могут быть проблемы. Кость не сломана, и через несколько дней с ней, вероятно, все будет в порядке, но от того места около реки, где она подвернула ногу, и до отеля, где примерно через час ей нужно было забрать детей, ее отделяло пять километров. Если никто не поможет ей добраться, произойдет то, что с ней никогда в жизни не случалось — она опоздает. Ей необходимо предупредить Маркуса. Или Серену. Хоть кого-нибудь.

Райан снова достала свой телефон, и когда он не включился — очевидно, он пострадал вместе с ее лодыжкой — она впервые почувствовала настоящий страх. Не за ее физическое состояние, а за ее работу. Экран телефона не треснул, и не было никаких явных повреждений, но независимо от того, как долго она нажимала кнопку питания, или, как усердно она молилась, чтобы этот чертов кусок дерьма чудесным образом включился, этого не произошло. Она очень, очень сильно опаздывала. Так сильно, что могла оказаться безработной прежде, чем получила бы возможность принять душ.

Маркус встал в шесть сорок пять, несмотря на это, он не был таким бодрым и жизнерадостным, как ему хотелось бы. По каким-то причинам Райан не появилась в семь, как они договаривались — она, наверное, проспала, что было хорошо, так как достаточно скоро это будет компенсировано работой на износ — но это не должно ему мешать. Он поднял детей и приготовил завтрак так быстро, как будто устанавливал абсолютный рекорд. Впрочем, это было необходимо. Начиная с девяти и на протяжении всего дня у него намечались один за другим интервью в джанкет-стиле²⁵. Эта пара часов, что он провел с Шарлоттой и Майлзом, могла оказаться единственным драгоценным временем, которое было у них до обеда, так что ему пришлось извлечь из этого максимум.

Он и дети веселились, валяли дурака за столом, хотя Маркус, наверное, не должен был позволять Майлзу наложить себе целую кучу бекона. Ему так нравилось, когда дети, как сейчас, были с ним, и он мог бы развлекать их часами. Возможно, он предоставил бы Райан свободное время по утрам несколько раз в неделю, и это стало бы новым распорядком. Тем не менее, он все еще до конца не проснулся, и ему потребовалась пара чашек крепкого кофе, чтобы остаться в строю.

До того, как ему исполнилось тридцать лет, Маркус вполне мог обходиться без полноценного ночного сна. На самом деле, он часто предпочитал легкое возбуждение и необыкновенные всплески энергии, которые появлялись у него, когда он не отдыхал, как следует стабильному чувству комфорта, что он испытывал, когда получал целых восемь часов сна. Но сейчас он действительно хотел измениться. И не желал идти на компромисс в вопросах, касающихся времени, которое он проводил с детьми.

— Папа, а где Райан? — спросила Шарлотта.

— Не знаю, — ответил Маркус. — В чем дело? Ты соскучилась по ней?

— Да, немного, — улыбнулась Шарлотта, в то время как Майлз стыдливо отвел глаза. Маркус знал, что им обоим она нравилась больше, чем любая другая няня, что была у них

раньше.

— Может, это ты скучаешь по ней, папа, — сказал Майлз.

— Не говори с набитым ртом, сын, — это было единственной его реакцией. Майлз все принял за чистую монету, мило прикрывая рот, пока не прожевал до конца.

Маркус должен быть более осторожным — он не мог позволить детям увидеть свою влюбленность или что бы там он ни чувствовал. И еще был тот факт, который нельзя отрицать: он хотел, чтобы няня была здесь с ними. Разве с ней не было бы веселее? Он представил себе, как бы они все смеялись над привычками в питании Майлза и над снисходительностью Маркуса. Он отказался от последней идеи предоставить Райан свободное утро. Вместо этого, он поклялся, что постарается каждую ночь ложиться в постель не позднее одиннадцати, чтобы все четверо смогли бы наслаждаться утром.

Мысленно он признался себе: *«Я скучаю по ней»*. Может ли это быть правдой? Он только недавно познакомился с Райан. Мог ли он скучать по ней после такого короткого времени, когда ее не было на расстоянии вытянутой руки всего лишь несколько минут?

Он чувствовал себя глупо, но, смотря с гордостью на своих детей — на дочь, до сих пор немного сонную, на сына, полного необычной решимости сложить бекон в высокую кучу — он хотел бы узнать, что бы он почувствовал, если бы Райан была с ними каждый день, не только на период гастролей, но и потом тоже. И тогда он понял — шансы, что это произойдет, что Райан все еще будет присутствовать в их жизни после того, как лето сменится осенью, были ничтожно малы. Они начинали чувствовать себя как семья, но только он, дети и их няня пойдут каждый своей дорогой. *«Не слишком привязывайся»*, — подумал он.

Согласно цифровым часам в универсале Субару очень милой старушки, которая в конечном итоге согласилась ее подвести, было 7:48. Наконец, Райан вернулась в отель. Она появилась почти на час позже того времени, когда она, как предполагалось, должна была забрать детей. Ей потребовалось меньше четырех дней, чтобы полностью облажаться на этой работе.

Она уже прошла половину холла, когда услышала голос Майлза. Райан двинулась на звук и нашла мальчика вместе с сестрой, поедающих завтрак «шведский стол» в обеденном зале. Сначала ей показалось, что они одни, но потом она заметила третий стул и перед ним недоеденный омлет.

— Ты в порядке? — спросила Шарлотта, казавшаяся искренне озабоченной, когда Райан захромала к ним. Все еще сидя, девочка потянулась к Райан. Это был милый, неловкий жест, тем более что Райан была еще в двух-трех метрах от нее.

— Ну, я бегала и упала, — сказала Райан, улыбаясь от очевидности этого заявления. — Где ваш папа?

Они проигнорировали вопрос, а Майлз в это время бросил ложку и побежал к ней.

— Ты вся в крови! — сказал он с благоговейным страхом. Парочка обедающих встревоженно посмотрела в ее сторону, и Райан захотелось, чтобы Майлз не имел привычки громко сообщать о ее состоянии каждый раз, когда видел ее.

Она услышала голос позади нее.

— Боже, — произнес Маркус, который, видимо, вернулся из буфета. — Что случилось?

С тобой все в порядке?

Он положил руку на плечо Райан и развернул к себе, рассматривая ее незначительные раны с внимательностью хирурга. Несмотря на ее дискомфорт от такого пристального внимания, она не могла не вспомнить о Джордже Клуни до того, как он поседел, из сериала «Скорая помощь», который она смотрела еще ребенком.

— Со мной все хорошо. Мне просто нужно привести себя в порядок и наложить повязку на лодыжку. Мне так, так жаль, что я опоздала.

— Что? Ни в коем случае, — Маркус вытащил для нее стул и поддерживал ее, хотя в этом и не было необходимости, пока она не села. — Вот, садись. Не нагружай ногу.

— Послушай, все в порядке, правда. Это просто растяжение.

Итак, что это было? Она опоздала на час, не проработав и неделю, а ее работодатель даже не заметил этого?

Маркус опустил на колени, нежно придерживая ее ногу рукой, и с большой осторожностью снял с нее кроссовок и носок. Она почувствовала запах его только что вымытых волос и восхитительную свежесть его кожи, на которую обратила внимание еще в автобусе, и только надеялась, что ее ноги не слишком плохо пахли после тренировки. Она порадовалась, что ее кроссовки были не такие изношенные, чем две недели назад.

— Пожалуйста, не надо, — запротестовала Райан. — Ничего страшного не случилось.

Она почувствовала, что сгорает от стыда, когда заметила, что другие гости наблюдают за ними, даже не притворяясь, что заняты своими делами.

— Давай только убедимся, что все в порядке, — сказал Маркус. Его руки были большими и сильными, но он держал ее ногу с такой заботой, его прикосновения были такими мягкими и нежными, что ей очень быстро стало щекотно. Райан изо всех сил сдерживалась, чтобы не засмеяться.

— Все в порядке, мистер Трой? — Послышался чей-то голос из-за стойки регистрации, возможно, консьержа. — Вызвать врача?

— Да, — согласился Маркус.

— Нет, нет, я в порядке, — возразила Райан, почти смеясь. Маркус, возможно, неосознанно, поглаживал ее ногу, и это стало последней каплей.

— Что смешного? — спросил Майлз.

— Да, что смешного? — переспросил Маркус.

— Я вызову кого-нибудь, — сказал консьерж. — Просто на всякий случай.

— Я в порядке, правда, — смех становился неудержимым, щекотка в сочетании с абсурдностью ситуации, вся эта суeta из-за вывихнутой лодыжки — и Райан потеряла контроль.

Шарлотта и Майлз тоже начали смеяться, и вскоре все трое захохотали.

— Может быть, вы просто принесете аптечку в мою комнату, — попросил Маркус консьержа, и тот рванул прочь.

— Пойдем, — сказал Маркус. — Давай приведем тебя в порядок и забинтуем. И тебе и два счета станет лучше.

Он не позволил, чтобы ее травмированная нога даже коснулась пола, так что у нее не оставалось никакого выбора, кроме как опереться на него рукой, пока все четверо не добрались до лифта.

— Вот здорово! — воскликнул Майлз.

«*Не то слово*» — подумала Райан. С травмами или без, но она не была так близко к

мужчине, не говоря уже о таком смертельно-сексуальном мужчине, уже довольно долгое время, и ее сердце колотилось так сильно, что просто могло взорваться.

— Майлз, не говори так, — сказал Маркус. — Райан больно.

— Я в порядке, — успокоила его Райан. — Правда.

Она чувствовала, как мускулы на его плечах напрягались и расслаблялись, когда он поддерживал ее за талию, упорно не позволяя ей нагружать травмированную лодыжку. Спина Маркуса была сильной и мускулистой. Наверняка ему приходилось проводить немало часов в спортзале для поддержания такой физической формы. Она позволила себе с ним расслабиться. Если босс хотел позаботиться о ее незначительной травме, она ничего не могла поделать. Ей придется с этим согласиться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Массаж ног

— Так что же все-таки случилось? — спросил Маркус. Он снова был на коленях у ее ног, изучая содержимое аптечки, переданной консьержем, как тот и обещал. — Что ты имеешь в виду, говоря, что немножко упала?

Он слышал, как Шарлотта отчитывала Майлза в соседней комнате, и был рад, что дети были заняты и не глазели на Райан. В данный момент он хотел ее только для себя.

— Так глупо все получилось, — сказала Райан. — Я на секунду отвлеклась, посмотрела вверх и пропустила гигантский корень, растущий прямо на моем пути. В общем, я полная растяпа.

Она откинула волосы с лица. Он мог видеть, что она была немного смущена — может быть даже сильно смущена — от его заботы, но он не мог поступить по-другому. Она работала у него няней, была самым важным человеком из его сотрудников, так что ему нужно было убедиться, что она как можно скорее начнет снова работать. И у него было более чем достаточно профессиональной подготовки, чтобы позаботиться о ее вывихе. В основном, правда, ему нравилось, что у него появился хороший повод, чтобы лишний раз прикоснуться к ней, чтобы быть так близко к ней... достаточно близко, чтобы поцеловать.

— Почему ты не позвонила? Мы бы приехали за тобой.

— Мой телефон сдох.

В конце концов, Маркус выудил из нее всю историю, и к концу рассказа голос Райана слегка дрожал, несмотря на то, что она явно пыталась это скрыть. Маркус понял, хотя она и делала вид, что все хорошо, ей, должно быть, было страшно подвернуть ногу на незнакомом маршруте, в городе, в котором она раньше никогда не бывала. И, скорее всего, ее до чертиков обеспокоило то, что она была далеко от отеля, даже не имея возможности позвонить. Он хотел успокоить ее без всяких крамольных мыслей, но затем понял, что стоит ему только к ней прикоснуться, и будет невозможно удержаться и не продолжить начатое. А дальше все может закончиться катастрофой. Поэтому пока он должен оставаться джентльменом и профессионалом. Неужели это будет так трудно?

Маркус осторожно ощупывал ее голые лодыжки, спрашивая не больно ли ей, пока Райан не почувствовала боль, тогда он остановился и кивнул.

— На самом деле это не растяжение. Похоже, просто вывих. Сейчас мы тебя полечим и в два счета поставим на ноги.

— Кто вы сейчас, Маркус Трой, доктор? — спросила Райан. — Как в старом телешоу.

— На самом деле, это и есть старое телешоу. В любом случае, очень близко.

Ему понравилось, что она могла шутить, несмотря на то, что была, несомненно, немного напугана. Бьянка никогда бы так не справилась с травмой, хотя она никогда и не была заинтересована в занятиях спортом, поэтому, для начала, она просто не стала бы бегать.

После этого Маркус опрыскал ногу Райан каким-то антисептиком и стал вытирать чистым полотенцем.

— Что ты делаешь? — спросила Райан. — Я же не поранилась.

— Вообще-то поранилась.

Он нежно повернул ее лодыжку так, чтобы она смогла увидеть.

— Видишь этот небольшой порез прямо там? — она кивнула. — Ну так вот, туда могла попасть грязь. Еще не хватало, чтобы ты занесла инфекцию.

— Там не было никакой грязи. Я была в носках.

— Да, но там может оказаться немного грязи. Я просто говорю о соринке или о двух.

— Грязь-невидимка, наверное.

Маркус улыбнулся. Он не предполагал, что Райан может еще и пошутить.

— Ну, у нас, у медиков, эта невидимая грязь называется «бактериями», и это на самом деле довольно мощная штука.

— Очень смешно, — сказала Райан. — Что ты имеешь в виду, «у нас, у медиков»?

Маркус не стал сразу отвечать. Он тщательно вытер ее ногу, потом начал на нее дуть.

— Эй, остановись, — вскрикнула Райан. — Щекотно.

Довольно скоро он перестал ее щекотать. Он снова занялся процедурами, вытащил из набора медицинские ножницы и специальный мягкий бинт. Затем приложил бинт к ее лодыжке, ловко перевязал и очень профессионально закрепил его.

— Серьезно, где ты научился этому? — спросила она.

— На работе, — он испустил нарочито показной вздох. — Прежде чем я стал известной рок-звездой...

— Ты знаменит? Не знала этого. Я подумала, что тебе просто нравится путешествовать в автобусе и спать в гостиницах.

Маркус хмыкнул.

— Прежде чем я стал проводить каждую ночь просто ради удовольствия в другом отеле, я был фельдшером.

— Кем?

— Там я и встретился со Смитти. Мы вместе ездили на скорой.

— Я могу представить вас, парни, в скорой на носилках после каких-нибудь ночных проделок, — удивилась Райан. — Но в качестве медиков? В скорой? Еще и оказывали помощь людям? Не может быть.

— Может. К тому же это был отличный год. Смитти и я написали все песни из первого альбома, когда разъезжали на этой чертовой скорой помощи.

— Смитти, по-моему, отличный парень. Он так хорошо ладит с детьми.

— Точно. Мне он тоже помогает, спускает с небес на землю. Даже если бы в результате несчастного случая он потерял обе руки, я бы все-равно взял с собой его в тур.

— Он может играть на гитаре ногами.

Маркус рассмеялся над шуткой, и Райан засмеялась вместе с ним, он воспользовался этим отвлекающим фактором, чтобы взять другую ее ногу, снять кроссовок и носок, и начать нежно ее массировать.

— Что ты делаешь? — спросила Райан.

— Тебе нелегко пришлось, у тебя травма, и я помогаю тебе немного снять стресс.

Он посмотрел прямо на нее впервые за весь день, просто чтобы понять, почувствует ли он, глядя ей в глаза, то же сильное нервное возбуждение. Определенно, да. Это превращается для него в наркотик.

— Когда ты спокоен и расслаблен, то все действительно заживает быстрее. Это научно доказано.

— Правда?

— Как я уже сказал, я опытный медик.

Райан ничего не ответила на это. Она, казалось, уступила Маркусу, закрыв глаза и позволяя ему ласкать свод ее стопы. Она глубоко вздохнула, и ему показалось, что он слышал легкий стон, сорвавшийся с ее губ.

— Хорошая работа, — вздохнула Райан. — И выгода феноменальная.

При этом они оба рассмеялись, на этот раз настоящим, безудержным смехом. Он давно не получал такого удовольствия рядом с женщиной.

Маркус ничего не смог с собой поделать. Он отпустил ее ногу. Медленно, глядя ей в глаза, он взял ее за талию и привлек к себе, пока она не оказалась на краю кровати.

— Эй, — прошептала Райан. — Что ты делаешь?

Но она не протестовала и не отталкивала его — она, казалось, хотела его так же сильно, как и он хотел ее. Он наклонился к ней так близко, что ее волосы щекотали его щеку. И почти почувствовал ее губы.

Но вдруг Райан отшатнулась, глядя мимо Маркуса в сторону детской спальни.

Маркус слышал шаги позади него.

— Папа! — Майлз бросился к нему, практически атаковав его. Быстро, и, как он надеялся, незаметно Маркус отошел от Райан. Майлз, сияющий и наполненный энергией, казалось, ни о чем не догадался.

— Осторожнее, приятель, — сказал Маркус. — Следующие несколько дней мы должны побереечь Райан. Пока ее нога не заживет.

— Извини, — немного застенчиво произнес Майлз.

Вошла Шарлотта — слава Богу, она отстала от брата — и внимательно осмотрела лодыжку Райан.

— Прекрасная работа, папочка.

Маркус попытался найти в лице дочери малейшие следы того, что она все поняла, но ничего не обнаружил. Все-таки он должен быть более осторожным. Его влечение к Райан может поставить крест на усилиях убедить суд вынести решение в его пользу.

Райан поднялась и попробовала встать на больную ногу. Перевязано было достаточно туго. И она проделала большую работу, чтобы со всем этим справиться. Если бы он сам этого не видел, то никогда бы не поверил.

— Все хорошо, — сказала она. — Спасибо, Маркус.

Момент между ними был упущен. Не будет больше ни стонов, слетающих с губ Райан, ни этих почти-поцелуев между ними. Девушка, стоящая перед ним, снова была няней его детей, профессионалом во всех отношениях.

— Кроме шуток, ребята, — сказал Маркус, вставая, — мы не должны сильно напрягать Райан в течение ближайших нескольких дней. Она будет двигаться немного медленнее, а значит, не сможет бегать за вами. Когда она позовет, вы должны сразу же подойти.

— Хорошо, папа, — согласились они оба, и он удивился, насколько они стали послушны, насколько лучше стали себя вести с тех пор, как появилась Райан.

— Папа помог Райан! — сказал Майлз.

Маркус подумал, что, возможно, это Райан помогает папе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я хочу держать тебя за руку

Маркус не отказался бы дать эти интервью во сне, что было бы здорово, поскольку он был таким уставшим, это было именно то, что ему нужно было сделать. Но отвечая на такие стандартные вопросы, как: «откуда вы черпаете свое вдохновение?» и «как это на самом деле быть Маркусом Троем?», он находился в некоем сонном состоянии и истратил основную часть своей ментальной энергии на Райан, проигрывая в памяти снова и снова неожиданное утро, которое он с ней провел.

Смитти обычно дразнил Маркуса — и непременно сделал бы это снова, как только услышал об утренних событиях — по поводу игр, которые он называл «карта парамедика». (И наоборот, сам Смитти использовал любую возможность, чтобы его медицинские познания помогли улучшить его романтический и/или сексуальный потенциал.) Да, Маркус раньше имел склонность к женщинам в беде, но при этом никогда не зарабатывал очки на своих врачебных навыках, так как всегда понимал, что это банально. Сегодня утром его так переполняло желание, — потребовалась колоссальная концентрация и контроль, чтобы его руки не тряслись от волнения, когда он накладывал повязку — что он совершенно не чувствовал себя неловко из-за этой пресловутой карты парамедика.

Маркус любил массировать ноги, трогать и ласкать тело женщины почти так же, как и само занятие сексом. В молодости, конечно, предварительные ласки были не более чем обязанностью, прелюдией самым интересным. Но когда он стал старше, то заметил, что самыми эротическими воспоминаниями в его жизни были вещи, которые он даже не замечал тогда, но позже ставшие более важными: то, как он смотрел в глаза своей партнерше, то, что она шептала ему, или, как нежно она касалась его лица кончиками пальцев.

Он думал о том, что Смитти — и как реальный мужчина, и как вымышленный образ — будет продолжать предостерегать его от любой заинтересованности в няне. Но Маркус понимал всем сердцем, — и да, он признает, что прошло всего несколько дней из почти трехмесячного летнего тура, — что не все отношения были такими, какими они казались, и теперь он не стал бы прислушиваться к спору между ангелом на одном плече и дьяволом на другом. Он рассудил, что Райан вполне возможно была ангелом в его сценарии, и надеялся, что Смитти вскоре вернется к более земному статусу его скандального лучшего друга.

— Есть в твоей жизни кто-то особенный? — поинтересовался последний интервьюер, приветливый молодой человек, репортер из The Oregonian²⁶ которого Маркус едва замечал, отвечая на его вопросы на автопилоте.

— Что-что? — очнулся Маркус. Он уже почти два часа был погружен в мечты.

— Прошу прощения, не хочу лезть не в свое дело, — извинился репортер. — Я полагал, это был стандартный вопрос.

— Все нормально, — сказал Маркус, желая приободрить парня. — Если ты имеешь в виду, в отношениях ли я, то ответ — нет.

— Понял, — репортер, похоже, был уже готов двигаться дальше и начал перебирать свои записи.

— Но да, в моей жизни есть кое-то особенный.

Репортер выпрямился в кресле, поднял брови и проверил свой цифровой диктофон,

чтобы убедиться, что тот по-прежнему включен.

— Кто это? — спросил он.

На мгновение Маркус запаниковал. Кто-то особенный в моей жизни? Он не хотел говорить этого, но был таким измотанным, что это идиотское заявление само вылилось из него. И этот репортер, почувствовав сенсацию, просто не смог не отреагировать. Он попытался придумать ответ, который удовлетворил бы юношу, ничего не объясняя.

— Я не скажу имя. Но думаю, можно сказать, что я восхищаюсь кое-кем издалека.

— Правда? Это должно быть сложно, если ты знаменит. Я имею в виду, у вас довольно большое окружение. Девушки замечают твое приближение за милю.

Маркус хмыкнул.

— Возможно, это правда.

— Так как же Маркус Трой восхищается кем-то издалека?

— Как и любой другой, — сказал Маркус. — Скрестив пальцы.

Райан никак не общалась с Маркусом на протяжении почти двадцати восьми часов после того, как получила травму, и ожидание убивало ее. Дети начали уставать посещать каждый концерт, поэтому Маркус (без всякого чувства вины, заметила она) предложил им прошлой ночью остаться, пропустить шоу и посмотреть фильм в комнате с няней. На следующее утро Маркус присоединился к ним за завтраком, но подошел Алекс, тур-менеджер, и монополизировал Маркуса со всевозможными вопросами и инструктажем о предстоящей части тура. Бедный Маркус едва смог закончить свой завтрак и поцеловать обоих детей. И у него не оставалось времени на шутливый флирт с Райан.

С того времени, как она повредила ногу, ее мысли о Маркусе скакали из одной крайности в другую. Часть ее до смерти хотела узнать, действительно ли он был намерен воспользоваться моментом этого удивительного, чувственного массажа стоп. Другая часть ее не могла поверить, что она так откровенно флиртовала с ним. Почему она сделала это? Она что, потеряла рассудок?

Она думала о своем падении и о том, что ее тянуло к Маркусу, этому парамедику-превратившемуся-рок-звезду. Оглядываясь назад, возможно, было глупо с ее стороны паниковать — из того, что она сейчас знала о нем, он был настолько невозмутимым, что было бы абсурдным предположить, что он уволит ее за опоздание на пару часов (тем более что у нее было хорошее оправдание). Все же ей было трудно понять, как отреагирует Маркус. С одной стороны, он позаботился о том, чтобы все вокруг него знали, что он был «мистером неформальность». Но она думала, что это могло быть игрой, по крайней мере, частично. Под мягкой внешней оболочкой она видела, что он может быть столь же мрачным и глубоко чувствующим, как в его песне «Я запираю двери». Она также видела, что когда дело доходило до безопасности и благополучия Шарлотты и Майлза, он был предельно серьезен.

Так проявлял ли активно к ней интерес Маркус или нет? Это было таким непозволительным, таким клише — влюбиться в няню. Он был на десять лет старше, и он был ее работодателем. Он был тем парнем, каждый романтический шаг которого обсуждался и препарировался тысячами людей. И он мог бы заполучить кого угодно. «Почему я? — подумала Райан. — Почему не кто-то попроще?»

Она просто не могла предположить, что массаж ног превратится в откровенный флирт,

а Райан была сделана не из камня. Если бы это случилось снова, то могло легко привести к чему угодно. Так что же она собиралась со всем этим делать?

Жизнь в автобусе превратилась в своего рода рутину. Шарлотта могла достаточно позаботиться о себе, настолько, что чувство независимости девочки вызывало у Райан чуть ли не тревогу, в то время как Майлз отчаянно нуждался во внимании, и сегодня днем, часто казалось, что он кричал:

1) Накорми меня!

2) Обними меня!

3) Люби меня!

Да, и не забывай:

4) Никогда, никогда не оставляй меня!

И все это одновременно. Поскольку у большей части команды не было возможности хорошо выспаться в Портленде, Райан старалась как могла угнаться за ним, чтобы успокоить его возню, хотя делать это было непросто из-за ее хромоты. Иногда ей это удавалось, а иногда нет.

— Просто дай ему перебеситься, — посоветовал Маркус, усаживаясь напротив нее.

— Действительно? — спросила Райан. — Ты уверен? Некоторые раздражительные люди становятся еще раздражительнее.

Несмотря на предупреждения, данные самой себе несколько минут назад, она почувствовала, что тронута тем, что Маркус пришел к ней. Более того, он ее возбуждал. Дурной знак — похоже, она была по-настоящему влюблена в Маркуса.

— Не беспокойся об этом. Кто-то сказал мне, что главный тут — отец этих детей.

— Ха-ха, — хоть Маркус и пошутил, но Райан подумала, что он, возможно, пытается таким образом ненавязчиво напомнить ей: *«Ты помнишь, что я твой босс, верно?»*

Когда они ехали, Райан всегда занимала место у прохода, чтобы в любой момент можно было броситься в погоню, но сегодня она пожалела об этом. Еще до их заигрываний у Маркуса вошло в привычку подойти и поздороваться, и сегодня она хотела, чтобы он сел рядом с ней, а не у всех на виду через проход, разделяющий их. Она просто хотела знать, черт возьми, осмелится ли он снова сделать ей массаж ноги.

«Соберись, девочка! — сказала себе Райан. — Ты ведешь себя, как несостоявшаяся чирлидерша, по уши влюбленная в квотербека в старшей школе! Остановись, хватит, прекрати это, он твой босс. Просто остановись!»

Пока Райан вела внутренний разговор, то поняла, что пропустила значительный кусок монолога Маркуса, потому что, казалось бы, ни с того, ни с сего он вдруг стал говорить о детях и бывшей жене и о всяких супер-личных вещах.

— Найду ли я для них время? — задал Маркус, казалось бы, риторический вопрос, потому что он не дал возможности Райан ответить. — Безусловно. И я знаю, что смогу дать им более стабильную жизнь, чем их мать. С ней, похоже, как по заказу, каждые четыре-пять месяцев случается серьезный кризис, как правило, возникающий из-за какого-нибудь идиота, которого вообще нельзя и близко допускать к Шарлотте и Майлзу. Но Бьянка не знает значение слова «сдержанность».

— Вау, — сказала Райан. — Это ужасно.

Она не знала, что сказать, и это было видно. *«Действительно? — подумала она. — Он делится со мной такими глубоко личными вещами, которые происходят в его жизни, и все, что я могу сказать — «Вау»?»* Кроме того, ей было интересно, почему из всех людей Маркус захотел поделиться всем этим с ней. Это нормально для парня сегодня заигрывать с ней, а на следующий день делиться проблемами воспитания детей? Она была потрясена тем, о чем он говорил ей, и не была подготовлена дать какой-нибудь ответ. Она не могла представить, что у нее были бы дети с Ником, этим предателем, но что если бы они были? Каково это было бы делить детей, свою плоть и кровь с тем, кого ты даже не можешь больше терпеть?

Райан продолжала кивать и говорить «хм», «ага» и «хорошо» в соответствующие моменты, но ей было трудно сосредоточиться. Она фантазировала о том, как он держит ее руки или делает массаж ног, и что было бы, если бы они были подростками, которых ничего не заботило в этом мире. Но Маркус был не в старшей школе. Он был не только знаменитой рок-звездой; он был работодателем десятков работников, отцом, бывшим мужем, взрослым человеком с соответствующими обязанностями, о которых Райан ничего не знала.

Она чувствовала себя идиоткой, мечтающей о нем. Массаж, вероятно, был только тем, что он сделал из прихоти. Его заигрывания были прерваны, и он достаточно легко забыл об этом. Вероятно, было бы лучше для них обоих забыть о том, что случилось.

— Итак, что ты думаешь? — спросил ее Маркус, хотя она понятия не имела, о чем он хотел знать ее мнение. — Эй, ты со мной, Райан?

— Да, я просто... — ее мозг подыскивал подходящую ложь, способ прикрыть свой зад, но не находил. — Мне очень жаль, наверное, я задумалась.

— Нет, послушай, дело во мне. Иногда, когда я волнуюсь, я начинаю обсуждать свои проблемы и просто... не могу остановиться. Понимаешь?

— Конечно.

Это было ложью. Когда у Райан были проблемы, она ни с кем ими не делилась. Ни с мамой, ни с Эм, ни с кем. Она восхищалась такими открытыми людьми, как Маркус.

— Однажды, когда Смитти и я только стали друзьями...

— В эпоху скорой помощи?

Маркус хмыкнул.

— Эй, поздравляю, я так назову мой следующий альбом. Да, в эпоху скорой помощи. Я тогда расстался кое с кем, переживал кризис или что-то в этом роде, и мне просто нужно было с кем-нибудь поговорить, понимаешь? — Райан кивнула. — Я позвонил Смитти и жаловался ему целых полтора часа. В какой-то момент я понял, что не слышал от него ни звука уже долгое время. И угадай, что? Этот придурок заснул, пока я говорил.

— О нет!

— Маркус Трой, — произнес он с невозмутимым видом, — дешевле, чем снотворное. Но в десять раз эффективнее.

— Да ладно, ты не так уж плох.

— Ну, я стал лучше за эти годы, но я, очевидно, все еще способен заболтать тебя до смерти.

— Ты не заболтал меня до смерти. Расскажи мне лучше о проблемах с опекой. Мне интересно. Правда.

— Знаешь, что? Я не буду этого делать. Во-первых, я хочу извиниться за сказанное. У меня всегда был здоровый эгоизм, но за последние десять лет я был окружен людьми, которые относились ко мне как к какому-то богу, и это не способ перевоспитать эгоиста. Но

эти дети? — он показал рукой на Майлза, который кувыркался в проходе, и Шарлотту, пристающую к Смитти, находящемуся почти в коматозном состоянии. — Они вернули меня на Землю. Они стали центром моей Вселенной, понимаешь? Вскоре после рождения Шарлотты, я осознал, что если я хочу дать им счастливую жизнь, то мне необходимо измениться и перестать вести себя как ребенок.

— И это говорит парень, который проводил со мной собеседование в трусах?

Они оба рассмеялись.

— Но если серьезно. Я снова это сделал, ты заметила? Мало того, что я сменил тему и снова стал говорить о себе, но и заставил тебя симпатизировать мне, при том, что я вел себя как законченный Нарцисс.

Райан рассмеялась.

— Ну, ты склонен к анализу, я бы даже сказала, очень. Разве твои песни не о том, что надо жить настоящим, расслабиться и наслаждаться жизнью?

— Наверное это попытка выдавать желаемое за действительное. По правде сказать, у меня проблемы с головой.

— Должна признать, — заметила Райан, — в Монтане не много говорят о «нарциссизме». Я знаю только одно слово из моих занятий по развитию детей. Вместо «нарцисс», мы обычно говорим «эгоистичный мудак».

Маркус зашелся от смеха.

— Превосходно. Послушай, вот что круто в тебе. Ты не тратишь время, задавая кучу вопросов. Ты просто говоришь, как есть. Ты просто живешь.

— Ну, я рада, что это так выглядит, но у меня есть свои проблемы, как и у всех остальных.

— Какие?

Она просто должна быть честной и рассказать ему о Нике? Маркус был женат и развелся, и теперь оказался на пороге битвы за опеку над детьми. Ее печальная история о любви будет выглядеть по-детски и жалко, и это просто не было нормальным — делиться такими интимными подробностями с кем-то, кого она знала меньше недели. *«Эх, к черту все, — подумала она. — Риски. Что тебе терять?»*

— Просто типичные для двадцатипятилетних вещи. Пытаться сделать карьеру, полагаю. Собрать достаточно денег, чтобы выбраться из маленького городка, в котором я прожила всю мою жизнь, и возможность пойти в лучшее учебное заведение, в какое я смогу. И...

— Что?

Она сделала глубокий вдох.

— И расстаться с этим идиотом, моим парнем.

— Скажу только, что он тупица. Что он сделал, чтобы все испортить?

— Если коротко — он забыл, что делает двоих особенными. И он поставил свои интересы выше, чем наши или мои.

— Это так по-взрослому.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Райан вздохнула. Маркус видел ее насквозь. Ей нравилось, что он подталкивал ее отвечать на его вопросы. Может быть, он и говорил о себе слишком много, но, по крайней мере, был способен слушать других людей тоже.

— Он изменил мне. С моей лучшей подругой.

По лицу Маркуса пронеслась вспышка чистейшей брезгливости.

— Отстой.

Он потянулся и схватил ее за руку, и у нее перехватило дыхание. Он удерживал ее минуту и всматривался в ее глаза. Затем, спохватившись, что находится на глазах у целого автобуса, на его лице появилось виноватое выражение, он схватил подушку с сиденья напротив через проход и набросил ее на их переплетенные руки.

Райан, несмотря на то, что ее сердце стучало в голове и температура тела, казалось, мгновенно взметнулась на три градуса, попыталась вникнуть в то, что он говорил. Но это было нелегко.

— Я знаю, что это банально, но время лечит все раны, — сказал он. — Как давно это случилось?

— Несколько месяцев назад.

— И как долго вы были вместе?

— Почти год.

Но Райан едва могла сосредоточиться, не веря, что она держится за руку с...
МАРКУСОМ ТРОЕМ!

Маркус кивнул.

— Еще три или четыре месяца, и ты будешь чувствовать себя намного лучше. Обещаю.

— Даже если он продолжает мне звонить?

Маркус задумался.

— Хорошо, ты должна это пресечь в корне. Ты говорила ему, чтобы он остановился?

— Нет.

— Тогда ты просто игнорируешь его звонки?

— И SMS, и электронные письма, — она невесело рассмеялась. — Иногда я отвечаю, но я мало что могу сказать.

— Ох, Райан, ты справишься с этим намного быстрее, если или перестанешь с ним общаться, или все ему выскажешь, — он сжал ее руку. — Тебя еще что-нибудь беспокоит?

— Не знаю. Возможно?

— Сделай себе одолжение. Если ты все еще злишься, иди и скажи ему.

Райан поморщилась.

— Ненавижу конфронтацию. Я всего лишь хочу, чтобы он убрался.

— Встреться лицом к лицу со своими страхами, Эванс, — сказал Маркус. — Расскажи ему, что ты чувствуешь, и о своей боли. И все пройдет намного быстрее.

Райан не могла поверить, что Маркус Трой давал ей советы об отношениях. Она не знала, дело было в его возрасте, или просто в нем скрывался уникальный артист, но он был таким чувствительным и чутким и давал ей такие умные подсказки, которые могла дать только подруга. И в то же время, он не мог быть еще более мужественным. Скептически глядя на него — такого красивого, сексуального парня, которого, очевидно, обожали женщины — она не могла поверить, что он был так возмущен шашнями Ника. Парень такой горячий, как Маркус, такой богатый и знаменитый? Он просто не мог быть святым.

— Так ты никогда не изменял? — спросила она Маркуса. — У тебя была куча возможностей.

Он посмотрел на нее так, будто она только что ударила его по лицу.

— Абсолютно исключено! Когда я встречаюсь с кем-то, то в это время я только с этим человеком.

— Значит, ты, пожалуй, моногамный нарцисс.

— Наверное, — Маркус по-прежнему выглядел так, будто она причинила ему боль, намекая на возможность его измены.

Райан посмотрела вниз на их сплетенные руки. Она не была уверена, то ли это романтическое держание за руки, то ли это просто дружеский жест. Даже несмотря на то, что Маркус показал себя таким откровенным с ней, она все еще не могла до конца понять его. Что значит для рок-звезды, который мог бы заполучить любую женщину, которую бы захотел, держаться за руки?

— Прости, я не хотела тебя обидеть. Дело в том, что со всеми искушениями, с которыми ты сталкиваешься в дороге и везде....

— Это именно то, о чем думала Бьянка, но нет... ни разу. Вот такой я. Когда я с кем-то в отношениях, я огромная заноза в заднице, я слишком много говорю, я задаю слишком много вопросов, я немного паникер, и мои мысли витают в облаках, когда я работаю над песнями. Кроме одного — я верен до мозга костей.

Райан собиралась уже ответить, но Шарлотта, которая, казалось, появилась ниоткуда, подошла по проходу и сфотографировала их. Затем, не говоря ни слова, села на колени к Маркусу.

— Вы... держались за руки? — заявила она с хитринкой в глазах.

— Шарлотта, это невежливо, фотографировать людей без их разрешения, — сказал Маркус.

Шарлотта проигнорировала его.

— Тогда, что ты делал?

— Я просто, м-м-м, п-проверял Райан, — стал заикаться Маркус.

— Проверял что? — спросила Шарлотта, четко понимая, что у нее преимущество. — Она ушибла ногу, а не руку.

Райан оглянулась вокруг, чтобы понять, слышал ли кто-нибудь эту неловкую сцену: двое взрослых были пойманы маленьким ребенком. Кажется, никто не заметил.

— Я проверял ее пульс.

— Это неправда.

— Правда. Ты знаешь, я раньше был... — раздраженно начал говорить Маркус.

— Я знаю, парамедиком, — прервала его Шарлотта. — Но вы держались за руки. И у меня есть доказательства.

Шарлотта нацепила улыбку такую довольную, такую победоносную, что Райан не могла не засмеяться.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Особые гости

Следующие два дня Маркус ругал себя за то, как он обращался с Райан в автобусе. Почему, собственно, он почувствовал необходимость излить ей свою душу? Ей уже двадцать пять, и она сама еще не отошла от собственного разрыва отношений, но это не означало, что она могла постичь, что значит развестись с матерью своих детей, тем более с той, с кем прожил больше десяти лет. Райан никак не могла быть заинтересована в разных подробностях личного характера, неважно, какой бы деликатной она ни была. Ему придется проявить больше сдержанности.

Хотя выдержка была и не его коньком, он понял, что слишком долго скрывал свои эмоции, когда дело касалось того, как много Бьянка причинила ему боли. Было бы лучше переложить их на стихи или отпустить за парой бутылок пива со Смитти. Когда он подумал о том, что открылся вот так, ничего не скрывая, перед Райан, ему стало жутко стыдно. Нет, он не будет снова раскрывать свою душу.

Маркус спрашивал себя, что заставило его держать Райан за руку на глазах у его детей, не говоря уже о всей команде. Шарлотта была такой смышленной и наблюдательной, что ничего не упускала. Ее мать путалась с кем попало и была так безответственна, что без всяких сомнений знакомила детей с тупыми качками, с которыми знакомилась в клубах или на вечеринках. Это, должно быть, сбивало с толку. Но сейчас уже Маркус был виновен в такой же импульсивной беспечности. По всем правилам ему следовало бы прекратить флиртовать не раздумывая. Риск был слишком велик.

Но глубоко в сердце он понимал, что не сможет просто так прекратить эти отношения. И он также понимал, что не должен был с кем попало вести такие горячие разговоры или держаться за руки. В отличие от Бьянки, у него не было и десятка одноразовых связей — в течение длительного времени его вообще никто не привлекал. Но Райан была другой. Он не хотел проводить с ней меньше времени или получать меньше от нее. Ему хотелось все больше и больше, и больше.

Никогда, сколько он себя помнил, Маркус так сильно не хотел кого-то, и он понятия не имел, что с этим делать.

Следующим вечером, во время ее обеденного перерыва, Маркус остановился у комнаты Райан и спросил, сможет ли она привести детей на вечернее шоу. В этом туре они уже проехали озеро Тахо, Сан-Хосе и Сан-Луис-Обиспо, где дети не проявляли особого желания покидать номер после обеда. Но в этот вечер группа играла для небольшого зала («Только десять тысяч, это будет прямо-таки по-семейному», — пояснил он Райан, что ее порядком рассмешило).

— Ребята, вы присоединитесь ко мне на сцене, как в старые времена? — спросил Маркус, как будто не был уверен в ответе.

— Конечно! — обрадовался Майлз.

— Да, — сказала Шарлотта, хотя и не выглядела столь восторженной.

— Это для меня очень важно, — заметил Маркус.

Шарлотта кивнула.

— Хорошо, папа, — выражение ее лица было хитрое, но он это проигнорировал.

Маркус повернулся к Райан.

— Приведи, когда я буду петь «Любовь всей моей жизни». Это будет последняя песня. Вторая песня на бис. Я приглашу их на сцену громко и ясно, хорошо?

Райан кивнула.

— Конечно.

После того, как их отец выбежал на сцену под рев толпы, Райан спросила Шарлотту:

— Это семейная традиция присоединяться к твоему отцу во время этой песни?

— Так было до развода, — сказала Шарлотта. Кивая в сторону брата, она добавила:

— Он, наверное, даже не помнит этого.

— Не помню, — согласился Майлз.

Это было только третье шоу, которое Райан видела полностью, но песни уже отложились в ее голове. Она могла даже спеть некоторые припевы, хотя еще и не воспринимала их так же страстно, как, несомненно, это делали зрители, пришедшие на шоу Маркуса. Когда она взглядела в первые ряды, то увидела достаточно взрослых мужчин в футболках с изображением Маркуса и его именем на них, — такого же возраста, как и Ник, по ее мнению, хотя некоторые были на десять, даже на двадцать лет старше — которые скидывали вверх руки и раскачивали ими в такт с барабанами. Она также заметила несколько парочек, обнявшихся, поглощенных друг другом и, словно в экстазе, двигавшихся в более медленном ритме.

Было не трудно заметить, что заводило зрителей. Все, что Маркус делал на сцене, было просто чертовски сексуально. Райан не могла насмотреться на то, как двигалось его тело, как он держался на сцене и как прижимал гитару к бедру, как его фирменная белая футболка облегла его широкие плечи и спину, как он закрывал глаза, когда пел. Она могла бы наблюдать за ним каждую ночь, и ей это никогда бы не надоело. И кто бы мог подумать, что этот великолепный мужчина флиртовал с ней, массировал ее ноги всего несколько дней назад. Гастрольный график был настолько плотный, что у Райан и Маркуса не было ни минуты наедине, чтобы все повторить снова. И ей очень хотелось бы знать, случится ли такое вообще когда-нибудь.

После того, как началось выступление на бис, Райан внимательно считала песни, нервничая, что может пропустить нужную. Но в этом не было необходимости. Когда Маркус представил песню «Любовь всей моей жизни», он дал понять залу, что должно произойти что-то необычное.

— Народ, я не могу сказать точно, сколько раз я пел эту песню, — произнес он. — Наверное, тысячу.

Публика визжала в предвкушении.

— Многие думают, что она о женщине, но они ошибаются. Речь идет о самом ценном в моей жизни — о моих прекрасных детях. Поэтому сегодня вечером, просто ради удовольствия, я попросил двух особых гостей присоединиться ко мне и, возможно, даже спеть вместе со мной. Но они должны знать, что вы, ребята, хотите встретиться с ними. Что скажете, поможете моей дочери Шарлотте и моему сыну Майлзу?

Толпа взорвалась.

— И это все, что вы можете сделать?! — закричал Маркус. — Ну же, для моих детей вы

можете? — толпа подчинилась и просто сошла с ума.

Майлз посмотрел на Райан, чтобы получить ее разрешение. Она кивнула, и он тут же бросился в объятия отца. Но Шарлотта осталась на месте.

— Пойдем, милая, — сказала Райан. — Не бойся.

— Я не хочу идти, — заявила Шарлотта, выглядя так, будто собиралась расплакаться.

— Не волнуйся, все будет хорошо. Твой брат уже поднялся туда, видишь?

— Я не пойду, — Шарлотта демонстративно скрестила руки, — без тебя.

Райан, впадая в панику, подняла глаза и увидела Маркуса, который пристально глядел в ее сторону. Она не хотела все испортить, только не на глазах 10 000 человек.

— Но, Шарлотта, меня не приглашали. Только тебя и Майлза.

Шарлотта схватила Райан за руки и начала тянуть ее с собой на сцену.

— Перестань, Шарлотта, это совсем не круто, — девочка была удивительно сильной для своих десяти лет.

— Да это прикольно! — Шарлотта продолжала тащить и тянуть, и Райан ничего не оставалось, кроме как следовать за ней.

— Но это не то, что хотел твой папа.

Она попыталась освободить руку из железной хватки Шарлотты, но это было нелегко. И теперь они на самом деле были на сцене. Все ее видели, поэтому она не могла устроить сцену, ударив руку маленькой девочки. Когда толпа взревела, она попыталась улыбнуться.

— Шарлотта, пожалуйста, не надо!

Через три шага луч прожектора ударил в лицо Райан. Теперь, когда появились дети, зрители окончательно взбесились. Софиты ослепили ее, и она больше не могла видеть, куда вели ее ноги.

— Все будет хорошо, — сказала Шарлотта, вовсе не расстроенная, а наоборот, озорно улыбаясь. — Не бойся.

Маркус не знал, что делать, когда увидел, что Райан появилась на сцене. Он был предельно ясен, говоря, что к нему должны подняться дети и только дети. Но даже погруженному в работу, ему трудно было не заметить, что Шарлотта тащила свою няню против ее воли. Райан улыбалась широкой фальшивой улыбкой, она, по-видимому, решила, что именно таким должно быть выражение лица, когда ты неожиданно появляешься перед 10 000 незнакомцами, но когда она встретилась глазами с Маркусом, то выглядела подавленной.

Чтобы Шарлотта и Майлз могли спеть с Маркусом, для них подготовили два микрофона. Как только дети заняли свои места, Райан выдернула свою руку из хватки Шарлотты и стала пятиться — нет, на самом деле она кралась на цыпочках, словно это могло сделать ее менее заметной — обратно за кулисы. Маркус попытался погладить ее по плечу, но она выскользнула так быстро, что вместо этого он схватил воздух. Он услышал несколько смешков из зала.

Когда Райан была всего в нескольких шагах от того, чтобы скрыться, какой-то кретин слева от сцены свистнул так громко, — одним из тех оглушительных свистов с помощью двух пальцев, которым охотники привыкли издали подзывать к себе своих собак — что все вокруг него заткнули пальцами уши и посмотрели на него с ничем не сдерживаемой

враждебностью.

— Эй, полегче, приятель, — достаточно мягко предупредил Маркус, надеясь разрядить возникшее напряжение.

— Кто это, Маркус? — выкрикнул другой голос. — Твоя девушка?

Ой-ой-ой. Последнее, что ему было нужно, чтобы какой-нибудь болван начал распространять сплетни о нем и Райан. Ему необходимо действовать быстро, чтобы покончить с этим.

— Народ, пожалуйста, давайте поприветствуем самого ценного члена моей команды, — произнес он, надеясь, что его тон был официальным, профессиональным или каким угодно, но только не романтическим. — Нашу няню, Райан Эванс!

Не мою няню, а нашу няню. Маркус похвалил себя, что быстро сообразил. Ему нравилось хвалить коллектив, и к концу тура он подобным образом выделит, наверное, каждого пассажира «Улетного автобуса».

— Райан, ву-хуу! — закричал Майлз своим все еще детским голоском, и Маркус мог услышать, как умилялись женщины в первом ряду. Кажется, кризис, к счастью, миновал.

Он кивнул Смитти, который, глядя на барабанщика, начал отсчитывать: «И-раз, и-два, и-три, и-четыре!» И группа, уверенно, так как вместе они играли уже долгое время, запустила переделанную версию самого главного хита Маркуса. Пение, помимо привычных чувств, вызывало спокойствие, комфорт и наслаждение, это как прокатиться летним днем на Эльдорадо⁷³²⁷ по Монтане.

Маркус пел:

*Я пришел в этот мир испуганным маленьким мальчиком,
Даже не подозревающим, что никто не подарит мне хоть немного радости.
Но человек сможет покорить гору, если дать ему достаточно веревок.
И безнадежная душа сможет влюбиться, если дать ей надежду.*

Маркус взглянул на детей, которые смотрели на него, широко улыбаясь. Когда он сказал, что написал песню для Шарлотты и Майлза, это была невинная ложь. В действительности, конечно же, он написал ее для Бьянки; в то время он был безумно в нее влюблен. Но теперь, когда дети поднялись сюда к нему, он понял, что его чувства к Шарлотте и Майлзу намного сильнее, чем те, что охватили его когда-то к бывшей жене. Он больше не любил Бьянку, ни капельки, но он обожал этих детей, которые были плодами их союза и их любви. Возможно ли такое, что он написал песню о двух людях, которых даже не знал, когда сочинял ее? Он думал, что так и есть. И это заставило его почувствовать, что вся боль, полученная от брака, развода, разлуки с детьми, может быть стоит этого или чего-нибудь в будущем.

Маркус посмотрел туда, где исчезла Райан. Он не понимал почему, но очень хотел увидеть ее.

*Ты огонь в моем сердце, и любовь всей моей жизни.
И я надеюсь, что она будет долгой,
Потому что жизнь, в которой нет тебя,
Будет ничем иным, как ошибкой.*

Он заметил Райан, она больше не смотрела на сцену. Она разговаривала с двумя парнями, но он не знал ни одного из них. И рассмеялся про себя: *«Как она смеет разговаривать с другими мужчинами, когда я пою песню о моей самой большой любви и стараюсь увидеть ее глаза?»*

*Ты любовь всей моей жизни, и причина того, что я пытаюсь
Быть лучше, добрее.*

*Никогда не хочу вернуться к той жизни, что я жил раньше,
Хочется верить, что это не входит в планы.*

Маркус улыбнулся Майлзу, затем наклонился и поцеловал каждого из ребят в щеку. Зрители будто взбесились, и он увидел, как женщина в первом ряду приложила руку к сердцу. Рок-критики упрекали его в потакании толпе, чрезмерной эмоциональности, но разве не в том весь смысл, чтобы растрогать людей? Когда он заставил женщину прикоснуться к сердцу, ощутить связь с чувствами, которые изначально побудили его написать песню, он понял, что достиг успеха в своей работе.

В то же время Маркус признавал юмор и иронию того факта, что он написал эти стихи, когда ничего не знал о жизни и о потерях. Не входит в планы... он никогда не был тем парнем, кто жил по плану. Жизнь всегда выходила из-под контроля — в этом и была красота (и, конечно, иногда боль) жизни. Он никогда не планировал стать рок-звездой или влюбиться в Бьянку, или иметь двух прекрасных детей. Он, безусловно, не планировал болезненное расставание со своей женой или того, чтобы умолять ее просто провести с ними хотя бы одну пятую года. Но он был полон решимости изменить это, и он знал, что жизнь его и детей наладится. Надо надеяться, скорее раньше, чем позже.

Он еще раз взглянул в ту сторону, где Райан до сих пор разговаривала с мужчинами, жестикулируя руками. На камерах сработали вспышки. Если бы он не пел песню, то подбежал и проверил бы ее. К счастью, шоу почти закончилось; скоро он сможет увидеть, какого черта там происходит. Он громко пел заключительные строчки, а Смитти за его спиной, выдавал с группой громкое, зажигательное крещендо²⁸.

После того, как они ушли со сцены, Маркус направился в сторону Райан и двух парней — ему нужно было узнать, что там случилось. Сквозь шум толпы, он слышал крик Шарлотты:

— Она тебе нравится!

— Кто, малыш? — спросил он.

Его дочь посмотрела на него так, словно говорила: *«Глупый папочка, неужели ты ничего не понимаешь?»* — как будто это она была взрослой, а он — ребенком.

— Райан! Тебе нравится Райан!

Маркус остановился достаточно далеко от любого, кто мог их слышать.

— Шарлотта, мне нравится Райан как ваша няня. И как друг, может быть. Но это все.

Однако дочь и слушать его не захотела.

— Она тебе нравится, нравится, я знаю! — воскликнула она, в то время как он держал в своих объятиях Майлза.

— Ш-ш-ш, хватит, юная леди. Не болтай языком.

Но Шарлотта не ответила ему.

— Шарлотта, ты больше не будешь говорить обо мне и Райан, это ясно?

— Да, папочка, — согласилась она, хотя ни капельки не было похоже, что она раскаивается.

Изошренность дочери поразили его. Могла ли она вытащить Райан на сцену нарочно? Она пыталась наладить какое-нибудь взаимодействие между ее няней и ее отцом? Он знал, что Шарлотта развита не по годам, но надеялся, что она не собирается начать играть роль свахи. Последнее, что ему было нужно, чтобы эта идея засела в ее голове. Если Шарлотта начала думать о Маркусе и Райан как о паре, даже как о потенциальной паре, она может рассказать об этом Бьянке, и та взбесится.

Шарлотта по-прежнему внимательно рассматривала Маркуса.

— Не бойся, папа, — сказала она прежде, чем пойти к Райан. — Все будет хорошо.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В пух и прах

Этой ночью Райан почти не спала. Противоречивые мысли и душевные метания донимали ее, и все, что она могла сделать — это позволить им кружить вокруг, сталкиваться друг с другом, разнести самих себя в пух и прах, пока они полностью не исчерпают свои боеприпасы, не закончится топливо, и они не рухнут на землю.

Когда она укладывала детей спать, те все еще напевали песню, которую они спели вместе с отцом. То, как непринужденно и комфортно они себя чувствовали перед тысячами зрителей, легко объяснялось их молодостью. Майлз, наверное, был слишком мал, чтобы полностью осмыслить грандиозность всего этого, в то время как Шарлотта, по-видимому, появлялась на сцене так много раз, что такой опыт был для нее почти привычным. Но Райан никогда не испытывала ничего близкого к нереальному воодушевлению, интенсивному всплеску энергии, которые она почувствовала под всеми этими взглядами. Конечно, она была смущена, но когда Маркус окликнул ее по имени, и 10 000 человек стали кричать, приветствуя ее, Райан Эванс? Трудно было не почувствовать ребячливую гордость, наслаждаясь похвалами людей, которых она никогда не встречала и никогда не встретит вновь. Это было так волнующе. Но и сталкиваться с такой похвалой (таким преклонением, в случае с Маркусом) каждый вечер — довольно сильное потрясение. Неудивительно, что половина известных людей в мире — психи.

Но разве он действительно должен был использовать полное имя Райан? Судя по выражению лица Маркуса, он не был соучастником планов Шарлотты, и, вероятно, просто пытался быть вежливым, представляя ее. И теперь, когда она была окончательно разоблачена, — действительно, сколько существует в мире женщин с именем Райан Эванс? — ее присутствие в Интернете обязательно будет стремительно расти. Вообще-то, она проверяла свой телефон каждые двадцать минут и видела, что это уже произошло. И то, что она сделала после того, как покинула сцену, только усугубило проблему.

Как только она почувствовала себя в безопасности от посторонних глаз, Райан вернулась обратно на свое старое место, чтобы приглядывать за детьми и быть готовой встретить их, когда «Любовь всей моей жизни» закончится. Она была слишком смущена, чтобы серьезно задуматься над словами песни, хотя и считала, что строчки о попытке стать добрее, лучше были милыми. Маркус был хорошим человеком, добрым и внимательным, и, будучи там так близко к нему, она не могла не почувствовать его притягательность даже перед многочисленной публикой. И песни были просто откровенными. Идея Маркуса активно стремиться быть хорошим, работать над этим, как говорилось в песне, была нова для нее, и это заводило. Ник никогда не стремился стать лучше или даже подумать о том, что такое вообще возможно. По сравнению с Маркусом он был таким ребенком, и эта зрелость, зрелость состоявшегося, умного человека, рок-звезды, была крайне привлекательна.

Вдруг кто-то позади Райан прервал ее мысли.

— Привет, Райан Эванс, — произнес мужской голос. Райан обернулась и увидела Бенджамина, маленького Гарри Поттера, репортера из той первой ночи около Хаятта в Сиэтле. Стоящий рядом и ухмыляющийся усатый фотограф тоже был знаком.

— Я знал, что мы, в конце концов, выясним твою фамилию.

— Эй, Бенджамин, — сказала она, пытаюсь оставаться профессионалом даже рядом с этим гаденышом. — Я все еще здесь на работе, так что, если бы ты мог дать мне немного пространства...

— Как насчет того, чтобы просто попозировать для нас? — спросил фотограф, щелкая пару снимков, пока говорил, и яркий свет ударил Райан прямо в глаза.

— Зачем спрашивать, если ты просто сделаешь это в любом случае? — сказала она.

— Она боевая, — заявил Бенджамин, в то время как фотограф щелкал затвором, крутя и поворачивая камеру, даже устраивая ее на коленях под углом, что вряд ли могло подчеркнуть достоинства Райан. — Когда ты такая, то все получается просто здорово. Ну почему бы тебе не позволить нам сделать хорошие снимки?

— Вы что, ребята, следуете за Маркусом во время всего тура?

— Мы периодически проверяем его, смотрим, что он собирается делать летом, вот и все, — сообщил Бенджамин.

— Вам разрешено тут находиться, ребята? — спросила Райан. — Я имею в виду за кулисами?

Бенджамин быстро помахал пропуском.

— Конечно. Мы пытаемся раздобыть немного закулисных пикантных подробностей для наших сюжетов. Знаешь, об отношениях между Маркусом и его группой, его командой... или, скажем... его няней.

— Я не вижу здесь никаких других журналистов.

Бенджамин ничего не ответил.

— Давай, просто попозируй для нас всего полсекунды, и мы не будем больше тебе надоедать. Ну, пожалуйста?

Райан рассудила, что приятное выражение должно быть лучше, чем презрительные усмешки, бросаемые в сторону Бенджамина. Поэтому она положила руку на бедро, задрала голову вправо и улыбнулась Усатому так сладко, как могла.

— О, как мило, — сказал фотограф.

— Ты великолепна, — согласился Бенджамин. — Давай, Райан, работай.

Вряд ли это можно было так назвать: она мило улыбалась, как для друга, снимающего ее на айфон, но не более. Не убирая с лица улыбку, Райан сказала:

— Хорошо, вы получили снимок. Мы закончили?

— Потряси-ка задом, Райан! — заявил Усатый.

— Да, и высунь язычок в стиле Майли²⁹! — Бенджамин радостно захлопал в ладоши.

Очевидно, что этого никогда не будет. Райан перестала позировать и скрестила руки на груди, возвещая конец импровизированной фотосессии.

Но Бенджамин не закончил — он все продолжал в жестком режиме репортажа. Райан оглянулась, ища к кому бы обратиться, но все были сосредоточены на том, чтобы отлаженно работать на сцене, и никто не обращал на нее внимания.

— Райан, похоже, ты и Маркус довольно дружны. Перешли ли ваши отношения к следующей стадии? Или они пока сугубо профессиональные?

Голос в голове Райана сказал: «Ничего не говори», — но она не смогла удержаться:

— Я просто няня, Бенджамин.

— Ага, но как надолго? — спросил Усатый.

Райан посмотрела им за спины туда, где Серена, наконец, заметила их, обеспокоенная

выражением ее лица. Должна ли она попросить ее вызвать охрану и выручить ее из этой ситуации? Но Серена убежала прежде, чем Райан смогла что-нибудь сказать.

— Между Маркусом и мной ничего не происходит, — заявила Райан. Говоря это, она подумала, что ее голос звучал так, будто она отрицает то, что было на самом деле. — Я забочусь о его детях, и это все.

— Однако почему из всех нянь он выбрал такую сексуальную девушку, как ты? — загоготал Бенджамин. — Это классический маневр Троя.

Райан не могла больше сдерживать себя. Она рванула вперед и толкнула маленького хама, а Усатый вскричал:

— Да! — и вспышки яркого света ослепили ее.

Сзади Райан слышала рев зрителей. На мгновение она представила себе, как они хлопали ей, приветствовали ее, как патрициев в римском Колизее, жаждали крови, пока она работала укротительницей львов для этих двух уродов-папарацци. Но они, конечно же, аплодировали Маркусу и его группе, которые скрылись за кулисами после их второго и последнего выхода.

— Что здесь происходит? — спросил Маркус, подходя к приведенному в боевую готовность трио, в то время как Серена вернулась с двумя накачанными охранниками. — Бенджамин, как ты сюда попал?

— Мы уже уходим, сэр Трой, — ответил Бенджамин.

— Мы получили то, за чем пришли, — гордо объявил Усатый.

Охранники грубо схватили их за руки, но Бенджамин и его приятель только хихикали. Маркус потянулся за камерой Усатого, но фотограф быстро убрал ее вне пределов досягаемости.

— Нет смысла, Маркус, — заявил Усатый. — Камеры настроены так, что как только я делаю снимок, он сразу загружается на безопасный сервер.

— Ага, сейчас бесполезно разрушать камеру, — сказал Бенджамин и добавил: — Ты в любом случае не захочешь иметь дело с обвинениями в преследовании, не так ли?

Маркус отстранился, принимая угрозу всерьез, но сказал:

— Похоже, ты здесь единственный, кто преследует. Ты в порядке, Райан?

Придерживая ее за локоть, он наклонился, чтобы посмотреть в ее глаза.

— В порядке, — ответила Райан.

Сработала еще одна вспышка, Усатый каким-то образом умудрился сделать еще один снимок, несмотря на то, что один из охранников держал его руку в жестком захвате.

— Уберите этих двоих отсюда, пожалуйста. — Ребята вывели папарацци прочь.

— Ты уверена, что тобой все в порядке? — спросил он ее.

— Да, я в порядке, — сказала Райан. — Но я ненавижу этого мелкого Гарри Поттера.

Маркус рассмеялся.

— Ты просто должна научиться их игнорировать.

— Вообще не реагируй, — сказал Смитти, подошедший со стороны Маркуса. — Просто прихлопни их, как будто это комары.

В два тридцать утра в блоге Перес Хилтон появился «фоторепортаж», состоящий из фотографий, снятых вечером Усатым. Райан нерегулярно посещала эту страничку, но она точно знала, что там было и сколько миллионов людей просматривали ее каждый день. Слайд-шоу демонстрировало шесть ее фотографий, каждая с подписями, раскрывающими удивительное количество информации о ней: ее родной город Калиспелл, Монтана, ее

возраст, ее семейное положение («не замужем, но уверен, что это ненадолго»). Также там обнаружилось несколько снимков из «Фейсбука» — не из ее собственного профиля, который она сделала «частным», как только смогла, а какие-то фотографии, о существовании которых она даже не подозревала. На одной была снята футбольная команда восьмого класса, где ей было всего тринадцать лет. Бенджамин даже выяснил, что *«сексуальная заучка Эванс этой осенью планирует поступить в магистратуру Мичиганского университета по программе детского развития»*. Отлично, теперь преподаватели и сокурсники по магистратуре узнают кто такая эта «Райан Эванс» даже прежде, чем она приедет в Анн-Арбор.

Кроме того, там присутствовали, конечно же, все грязные намеки, сделанные Бенджамином, когда тот приставал к ней. Райан, которую в тексте именовали «красоткой», «виксен-няней»³⁰ и, что хуже всего, «хитроумной авантюристкой», была изображена как *«простая девушка сексуального Троя-младшего из Монтаны, которая может стать следующей «любовью всей его жизни»...»*.

«Никто не узнает, что это все выдумка, — думала Райан. — Никого это не будет волновать. Вымысел станет истиной».

Первые четыре фотографии выглядели почти как гламурные снимки, ничего не выдавало в дружелюбной, сияющей Райан ту ярость, что она на самом деле чувствовала в тот момент, когда позировала. Проснувшись в своей комнате между моментами настоящего гнева, она нехотя признала, что по крайней мере Усатый знал, как пользоваться камерой (и, к счастью, того жуткого снимка, что он сделал с колен не было).

Но пятый снимок, где она со свирепым видом толкала Бенджамина, сопровождался подписью из трех слов «Райан любит пожестче». И финальный кадр показывал Маркуса, осторожно осматривающего ее, его пальцы слегка придерживали ее локоть, нежный взгляд на его лице. «Заботливый Трой», — гласила надпись. Райан была изумлена тем, как фотограф вообще его получил — мог ли он сделать последний, отчаянный снимок, когда его уводили охранники, в то время как Райан была так потрясена, что не заметила этого?

В три пятнадцать Райан решила, что единственным выходом для нее станет увольнение, только так она сможет сохранить рассудок. В три тридцать она поклялась первым делом сделать это с утра. Но в три сорок пять она изменила свое мнение. Она не могла бросить такую хорошую работу, работу, которая позволила бы ей внести оплату за весь учебный год, из-за массажа ног, пары тупых папарацци и из-за того, что они держались за руки. Она была сильнее этого; она могла справиться с ситуацией и игнорировать то, что люди, которые ее даже не знали, думали о ней, нет так ли?

В четыре утра Райан поняла, что она не сможет сомкнуть глаз, не сегодня ночью. Ее мысли продолжали конфликтовать друг с другом, перемешивались с картинками, воспроизведение которых, как ей казалось, она никогда не сможет остановить: многотысячная толпа, ликующая при звуке ее имени, бесконечный белый свет от вспышек Усатого, бьющий прямо в глаза, озорное выражение лица Шарлотты, когда она вела Райан к своему отцу. И на фоне всего этого Райан никак не могла выкинуть из головы эту запоминающуюся песню, эти страстные слова о любви. Если бы Ник или кто-нибудь еще спел ей эти слова, это бы так ее не затронуло потому, что прозвучало бы глупо. Но Маркус, казалось, заслужил это право — так петь о любви. Даже если бы ей ничего не было известно, то, только услышав его голос, она сразу же смогла бы понять, что ему больно так же, как ей, и, может быть, даже еще хуже. Тот факт, что он любил и потерял, сделало его таким

желанным для нее. Она могла представить себе, как заботиться о таком мужчине, и позволять ему заботиться о ней. Но Райан не обманывала себя: она также мало знала о Маркусе, как и он о ней. Могла ли она доверять ему? Могла ли позволить себе влюбиться в него?

Одну вещь Райан любила делать иногда, когда оказывалась на перепутье — проигрывать сценарий в полной мере, представить себе два, три или больше различных вариантов окончания истории. Таким же образом, как другие использовали списки плюсов и минусов, Райан сложила бы цену каждого возможного будущего, как если бы это были математические задачи, и наметила бы наиболее разумный курс. Но она не могла увидеть конец этой истории. Она не могла даже подумать, что уйдет, не сейчас, и не могла представить, что будет, если она останется. Райан Эванс, предполагаемая подружка, девушка богатой и знаменитой рок-звезды, заменит мать его детям? Райан Эванс, стратегическая карьеристка, готовая использовать свою работу няни или то, что еще есть в ее распоряжении, чтобы достигнуть своих пятнадцати минут интернет славы? Обе эти идеи настолько шли вразрез с ее представлением о самой себе, ее семье, ее ценностях и воспитании, что она отклонила их полностью. Так на чем же ей остановиться?

В 5 часов утра, она, наконец, уснула, даже близко не подойдя к принятию хоть какого-то решения.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Шалости 0+

Следующим утром Маркус проснулся от звонка телефона, лежащего на прикроватной тумбочке, звон стоял в его ушах до тех пор, пока он не подчинился тому факту, что звонок не прекратится, если что-нибудь с этим не сделать. Он протянул руку, поднял трубку и собирался уже швырнуть ее обратно, когда тоненький, настойчивый голос прокричал:

— Маркус Трой, не бросай трубку!

Он мгновенно узнал этот голос. Это была Синтия Рид, его адвокат по разводам.

— Ой-ей-ей, — сказал Маркус, нехорошее предчувствие прозвучало в его голосе. Ему очень нравилась Синтия — она была жестким Нью-Йоркером, и он был рад, что она в его команде, а не в команде Бьянки, но неожиданный звонок от нее не предвещал хороших новостей.

Синтия захихикала, и в ее смехе он мог услышать сотни тысяч сигарет, выкуренных ей.

— И тебе доброе утро, Маркус.

— Извини, Синтия, ты же все понимаешь, — сказал он. — Чем я могу тебе помочь?

Тон его голоса был примерно таким, как у ребенка, которого вызвали в кабинет директора и которого ожидает суровое и долгое наказание. Он посмотрел на часы. Было шесть сорок пять, и это означало, что Синтия уже пару часов, как была на работе на Манхэттене. Она, наверное, думала, что была вежлива, дожидаясь почти час, чтобы позвонить — вечность для такого авторитетного адвоката по разводам.

— Маркус, ну что мне с тобой делать?

— Не знаю, Синтия. Но я знаю, что ты будешь и дальше обналичивать те огромные щеки, что я тебе посылаю. Во сколько мне обойдется этот звонок?

— Звонок за счет конторы, но на этой неделе нас ожидает реальная работа.

— Да? С чего бы?

— Ну, прошлой ночью я услышала это от адвоката Бьянки. На самом деле, этим утром. В три тридцать, если быть точной. Конечно, я не люблю получать голосовые сообщения в середине ночи, но нездоровая часть меня по-настоящему восхищается способностью этого парня работать круглые сутки.

— Боже правый, — сказал Маркус. — Что еще задумала Бьянка?

— Серьезно, о чем ты вообще думал?

— Что ты имеешь в виду?

— Я говорю о фотосессии с няней, Маркус. Ты, возможно, помнишь ее? Двадцатипятилетняя молодая леди, которая якобы заботится о твоих детях?

— Что? — Маркус сел на край кровати и потянул к себе iPad. — Какая фотосессия?

Он видел фотографа с Бенджамином, но решил, что перехватил двух папарацци прежде, чем они получили что-нибудь ценное.

— Она очень милая, Маркус. Как будто цветет. Я должна похвалить тебя за твой вкус.

— Эй, сбавь обороты. Ни о каком «вкусе» здесь и речи не идет. Мы не вместе, и я не нанимал ее за то, что она была милой. Я нанял ее, потому что у нее блестящие рекомендации.

— Прекрасно. Но она очень красивая, а ты в этом бизнесе достаточно долго, чтобы

понимать, что люди придут к собственным выводам.

— Подожди минуту, — грубо оборвал ее Маркус. Он нашел то изображение, которое Синтия имела в виду, где он едва коснулся Райан без всякого сексуального подтекста, и нелепые надписи, которыми оно сопровождалось. Как Бенджамин и другой прохвост прошли мимо охраны? Он собирался убить Алекса.

— Ну и что? Здесь нет никакого скандала. Что Бьянка планирует с этим делать? — даже Маркус признал, как наивно это звучало. — Они ничего не доказывают.

— Ты и я договорились, что совместная опека — это наша долгосрочная цель, не правда ли?

— Так и есть.

— И ты также помнишь, как трудно было тебе получить детей на время всего тура, да?

— Конечно, — Маркус до сих пор помнил бесконечные изменения в юридическом соглашении и почти шестизначные счета из офиса Синтии, которые все это сопровождали. — Просто давай начистоту, пожалуйста. Что она задумала?

— Она хочет забрать детей. Она хочет приехать за ними прямо сейчас, и она хочет судебное слушание об опеке.

— Еще одно? — их последнее слушание было всего четыре месяца назад. — На каком основании?

— На основании твоих интимных отношений с этой горячей молоденькой штучкой, которая якобы ухаживает за твоими детьми, Маркус.

— Нашими детьми.

— Да, вашими общими детьми, — фыркнула она. — Ты должен признать, что это довольно компрометирующая картина. И надписи...

— Чистый вымысел.

— Может и так, но она хочет и получит слушание, основанное на этом в штате Калифорния. Ты должен об этом знать.

— Но я в середине тура. Она в курсе. — Маркус понимал, что за этим стоит не более чем ревность. Он хотел поднять трубку и позвонить напрямую Бьянке, дать ей понять, что между ним и Райан ничего не происходит, вообще ничего. Но он знал свою бывшую достаточно хорошо, чтобы понимать, что если ее душевное состояние позволило ей сделать звонок адвокату в полночь, то она не признает сказанное им за правду.

— Да, она это очень хорошо знает. И она также понимает, что требовать полную опеку — это лучший способ тебя достать.

— Полную опеку? — сердце Маркуса сжалось. Потеря детей уничтожила бы его. — Нет.

— Мне жаль, но я думаю, что мы должны готовиться к худшему. Приготовься к настоящей битве.

— Ладно, — сказал Маркус. Он хотел кричать, плакать или и то, и другое вместе. — Каков наш план?

После того, как он и Синтия закончили разговор, Маркус вошел в свой аккаунт в Твиттере и прочел несколько десятков недовольных высказываний от поклонников и врагов:

@BWilliams: «Няня? Скажи, что это не так. Ты достоин лучшего, @marcustroy».

@RFerry08: «Раньше я брал пример с @marcustroy. Но больше не буду. #sexualharrassment».

@CherylJamesish: «Не гадь там, где ешь, @marcustroy. Ты пожалеешь об этом».

@DestroyerLoad: *«Скажу только, что у #marcstroyasnanny отличная попка. Поздравляю вас, сэр Трой!»*

Маркус хотел черкнуть в ответ: *«Я больше не женат, и все, что я сделал — только поддержал ее за руку, сделал массаж ног и слегка коснулся ее локтя!»* (Здесь 140 символов или меньше?) И так же хотел перестать читать весь этот банальный бред; даже после более чем десяти лет славы рок-звезды он не мог поверить, что людей настолько заботит его частная жизнь, что они готовы тратить свое время, чтобы писать об этом в Твиттере, в блогах и Фейсбуке. Он никогда не понимал увлечение личной жизнью незнакомых людей, но ничего не мог с этим поделать. В такие моменты ему хотелось оказаться со Смитти в 1998 году за рулем машины скорой помощи, разъезжающим по Сиэтлу, писать песни, мечтать, реализовывать свои возможности. И чтобы никто не лез в его личную жизнь.

Маркус понимал, что не должен заходить в Твиттер и не только сегодня, а вообще никогда, но он продолжал читать. Наконец, он нашел пару твитов от фанатов, которые на самом деле вступились за него. Когда он прочитал комментарий **@VMarks:** *«Наслаждайтесь жизнью, люди, и пусть Маркус живет так, как он желает!»*, он захотел протянуть руку сквозь экран планшета, чтобы крепко обнять его или ее, дать «пять»... или еще что-нибудь.

Но прежде чем он на самом деле начал обнимать свой iPad, Шарлотта открыла дверь между их комнатами и подошла к его кровати. Она выглядела встревоженной.

— С тобой что-то случилось, милая? — он и сам чувствовал себя не очень хорошо.

— Не со мной, с Майлзом, — сказала она. — Он заболел.

— Заболел, что с ним?

— Его тошнит.

— Ох, мой мальчик. Оставайся здесь, ладно? Не возвращайся в свой номер. Давай попробуем сделать так, чтобы ты не заразилась, хорошо? Я позову Райан.

— Хорошо, папа.

Еще даже не было семи пятнадцати, а надвигающийся хаос заставил Маркуса захотеть нырнуть обратно под одеяло. Он набросил на себя кое-какую одежду и толкнулся в дверь соседнего номера, задаваясь вопросом, что же еще сегодня может пойти не так.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сегодня вечером

Райан открыла дверь, чтобы обнаружить Маркуса в джинсах, с босыми ногами и в расстегнутой до пояса рубашке. И остолбенела. Он выглядел немного взволнованным. Но таким красивым, таким привлекательным, что она забыла о том, что злилась на него за то, что он раскрыл ее личность во всемирной блогосфере. Ей хотелось забыть об этих дурацких фотографиях и сделанных ими снимках. Она представила себе, как пробегается рукой по гладкой, мускулистой груди ее босса, притягивает его к себе и вдыхает его запах. И тут ее озарило, что сама-то она, не выспавшаяся, вероятно, выглядела не вполне сексуально.

— Привет, — постаралась сказать она бодрым тоном. Что-то подсказывало ей, что сейчас не очень подходящее время для упоминания того факта, что она, судя по всему, превратилась во второсортную интернет-знаменитость на одну ночь. — Что случилось?

— Майлз, — сообщил Маркус. — Он заболел.

— О, нет, — всполошилась она.

— Он действительно заболел. Его тошнит.

— Ох, бедный ребенок. Однако я уверена, что это просто грипп.

— Просто грипп? Ты знаешь, что может сделать грипп с нашим туром?

Райан не ответила. Ясное дело, она не знала, но слышала о том, как желудочный вирус может подкосить спортивную команду, если не остановить его распространение, и могла понять, что все гастролирующее шоу рок-н-рольного тура будет столь же уязвимым.

— Послушай, я не хочу, чтобы это звучало, будто мне не жалко Майлза, или что я ужасный отец, но для меня не очень хорошо — как и для любого исполнителя — находиться рядом с ним, пока ему на сто процентов не станет лучше.

— Поняла.

— Ни для Шарлотты, ни для Серены, ни для кого-нибудь еще, с кем я контактирую. Мы должны пресечь это в зародыше.

Райан все понимала. Если бы Маркус заболел, и им пришлось отменить хотя бы один концерт, тысячи, а, возможно, и миллионы долларов могли быть потеряны.

— Мы введем для твоего сына карантин, — сказала она. — И я буду ухаживать за ним.

— Я сожалею, что не....

— Нет, все нормально. В конце концов, для этого ты меня и нанял.

— Ты не расстроилась?

— С чего мне расстраиваться? Это моя работа.

Этот вопрос Райан задавала себе в течение следующих нескольких дней. С чего мне расстраиваться? Как-никак, она была няней Майлза, и уход за мальчиком, пока он болен — это меньшее, что она могла сделать, особенно учитывая то, что ей за это платили. Однако это было довольно странное чувство, когда ночью тебя ошибочно приняли за девушку Маркуса Троя, а потом на следующий день сообщили, что в ближайшем будущем она должна быть как можно дальше от рок-звезды.

— Круто, спасибо за понимание. Я бы тебя обнял, но вирус разгуливает вокруг, — он улыбнулся, но шутка не нашла в ней отклика. Маркус слегка покраснел, засунул руки в карманы и сказал: — Я думаю, увидимся... когда увидимся.

Так Райан и Майлз остались в Санта-Барбаре, в то время как остальной тур продолжался без них. На тот момент у Шарлотты не было никаких симптомов болезни, поэтому Маркус собирался рискнуть и взять ее с собой. Он рассудил, что Шарлотта может позаботиться о себе и без Райан, что, вероятно, было правдой. Хотя, большое беспокойство вызывало то, что Маркус сделал расплывчатое замечание насчет детей, которые, возможно, возьмут «небольшой перерыв» от тура. Он ничего не уточнил, но казался таким измученным, что Райан не стала спрашивать, что он имел в виду. И трудно было не задаться вопросом, если дети не будут участвовать в туре, то какова будет ее роль.

В первый день карантина Майлз, бедняжка, проспал почти весь день, ненадолго просыпаясь только для того, чтобы вырвать в ведро рядом с кроватью. Райан так скучала, чередуя просмотр реалити-шоу и чтение ужасно написанного романа, который она загрузила в свой телефон, что почти с нетерпением ожидала, когда ей нужно будет убирать за Майлзом. Почти.

Около трех часов дня мальчик забрел в гостиную номера, где Райан, все еще одетая в пижаму, смотрела «E! Network»³¹. Вообще-то она не интересовалась новостями шоу-бизнеса, но сегодня был необычный день.

— Можно войти? — спросил Майлз трагическим голосом.

— Конечно можно, милый, — она взбила подушку на мягком диване. — Ты можешь пойти, куда захочешь.

— Только не туда, где отец.

— Ох, не расстраивайся насчет этого, малыш, — она театрально зевнула. — Я так устала от этого скучного тура. Разве не так?

Майлз ничего не ответил, но вяло улыбнулся. Райан знала, что ему нужно, чтобы кто-то утешил его и вел себя с ним так, будто не боялся заразиться. Она поинтересовалась, не хочет ли он чего-нибудь: еды, воды, массаж плеч. Но он хотел только свернуться калачиком в самом дальнем конце дивана.

— Может, ты подвинешься немного ближе, — сказала она ему.

Он не сдвинулся с места.

— Шарлотта сказала, что я всех заражу.

— Не всех. Не меня. Разве твой отец не сообщил тебе? Я не болею. Никогда. Он взял меня на работу потому, что я никогда, никогда не заболею.

— Я думал, что он нанял тебя, потому что ты красивая.

Она решила, что он ее дразнит, но подобный юмор был слишком сложным для него.

— Не-а. Ему просто повезло. Он нанял меня, потому что я буквально ни разу не простыла или заболела гриппом. Или, теперь, когда я задумалась об этом, вообще ничем не болела.

Он подозрительно посмотрел на нее.

— Ну, нет. Ты говоришь это просто так.

— Это правда. Никто не сможет победить меня, — она показала свой бицепс, чтобы он смог увидеть, что на самом деле она была не Райан Эванс. Она была Суперженщиной. — Ты не должен беспокоиться обо мне.

— Да, хорошо, — он произнес это почти сердито и посмотрел прямо на телевизор. —

Потому что если ты заболеешь, то не сможешь заботиться о нас. И тогда, кто будет?

Она кивнула и передала Майлзу пульт.

В шесть часов вечера Райан проснулась от шума голосов в телевизоре. Показывали шоу «Сегодня вечером», и тут на экране появилась фотография с ней, стоящей за сценой, и Маркусом, с подписью: «Влюблен в няню». Она ахнула так громко, что проснулся Майлз. Райан понимала, что станет пищей для тысяч торговцев сплетнями по всему миру, но блоги со слухами и национальное телевидение — это несопоставимые вещи, и было отвратительно даже подумать, что ее показали в программе, которую ее мать, вернувшаяся в Калиспелл, смотрела пять дней в неделю.

— Это ты? — спросил Майлз. Он едва проснулся, и мысль о том, что его няню показали по телевизору, похоже, не произвела на него впечатление.

— Да.

— Не волнуйся. Это не продлится долго. Так всегда говорит папа.

Может быть Майлз и привык к тому, что его фотографии и его имя изучают миллионы людей, которых он никогда не встречал. Но Райан не была такой. Она попыталась представить, что было бы, если бы она на самом деле была — хотя самонадеянно даже помыслить об этом слове — подружкой Маркуса Троя. С одной стороны, он так добр, так нежен и заботлив. Если бы он не был знаменитым, то был бы завидным женихом. Но он был рок-звездой, а образ жизни рок-звезды представлялся Райан абсолютным кошмаром. Конечно, он пользовался особыми привилегиями своей славы, и ему платили за то, что он любил делать. Но что значило быть его партнером? Ребята, такие как Бенджамин и Усатый, внимательно следили бы за ней 24 часа 7 дней в неделю. И такой образ жизни не нравился Райан.

Несколькими часами ранее она поставила свой телефон на зарядку в другом конце комнаты, в то время пока сама была занята Майлзом. Сейчас Райан подняла его и увидела тринадцать (она попыталась игнорировать несчастливое число) пропущенных вызовов: четыре от Ника, два от Эм, и семь — да, семь! — от ее матери.

Ник также написал ей: *«Ни хрена себе?!? Райан, позвони мне! Это поразительно! Ты работаешь на... Маркуса Троя?!? Невероятно! Поздравляю!»*

А затем через три минуты снова: *«Пропуск за кулисы сделаешь? Джек и я проверим даты тура прямо сейчас. Пересечемся!»*

Райан напечатала ответ: *«Ты, блин, серьезно, Ник? Твоя бывшая девушка связалась с рок-звездой, а все, о чем ты можешь думать — это о пропуске за кулисы?»*

Ей было так больно. Хотя Ник догадался, что между ней и Маркусом действительно что-то происходило. Видимо, их отношения так мало значили для него, что он даже не ревновал. Неужели Ник не понимал — она так переживала из-за него, что ей даже просто слышать его голос было чрезвычайно больно? Что, переписываясь с ней даже на столь тривиальную тему, как сплетни о знаменитостях, особенно из-за такой банальности и глупости, он поступал просто жестоко? *«Мужики — отстой»*, — думала она. — *«И вообще любые отношения тоже»*.

Когда палец Райан завис над кнопкой «отправить», снова зазвонил телефон. Наверное, это даже к лучшему — отныне она будет и вовсе игнорировать Ника, и, возможно, когда он получит сообщение, то оставит ее в покое.

— Привет, мам, — сказала она, как можно более ровным и расслабленным голосом.

Она знала, что ее мама не собирается быть спокойной, хладнокровной и собранной, поэтому она должна сделать это за них обоих.

— Дорогая, что происходит? С тобой все в порядке? Твой отец беспокоится о тебе.

— Я в порядке, мам. Правда.

— Мы оба беспокоимся о тебе. Кэти Шредер говорит, что знаменитости делают так все время. Они нанимают няню, но на самом деле им нужна любовница. Ты хотя бы смотришь за детьми?

— Да, конечно, мама. Собственно, я с одним из них прямо сейчас. С Майлзом. К сожалению, маленький мальчик очень болен. Но это не простуда, поэтому со слухом у него все в порядке.

— Ладно, ты не можешь говорить. Я все понимаю.

Райан, сидя на кровати, скрестив ноги, печально улыбнулась Майлзу. Мальчик, переключив на канал «Никелодеон»³², не проявлял никакого интереса к разговору. Она поражалась его способности заниматься своим делом и желала, чтобы и взрослые могли делать то же самое. *«Почему никто старше двенадцати не может пребывать в блаженном неведении, как ребенок на этом диване?»* — подумала Райан. Все-таки она не могла вести полностью откровенные беседы с мамой в присутствии сына Маркуса.

Райан попросила свою мать минутку подождать и крикнула Майлзу:

— Милый, с тобой здесь будет все в порядке, пока я пять минут поговорю с мамой за дверью?

— У тебя есть мама? — удивился он, как будто она только что заявила, что у нее есть пара крыльев на спине. Затем дал свое согласие: — Конечно.

— Не больше пяти минут, обещаю. Если животик начнет тебя беспокоить, просто позови меня.

— Я в порядке, — уставившись в телевизор, он засунул большой палец в рот.

Выйдя из комнаты, Райан разъяснила все недоразумения матери. Она рассказала ей, как Шарлотта заставила ее присоединиться к семье Троя на сцене, что она была там только минутку, и что Маркус лишь успокаивал ее какое-то мгновение, как поступил бы любой джентльмен. Что между ней и ее работодателем ничего не было, вообще ничего.

— Что-то на видео это выглядело совсем по-другому, Райан, — усомнилась ее мама. — Так, как этот мужчина смотрел на тебя...

— На каком видео? — на ЕТ не было никакого видео, только фотки.

— С вами двумя на концерте.

— Понятно.

Неудивительно, что в конечном итоге появилась куча видео, как предположила Райан, снятые на сотовые телефоны. Ведь на концерте присутствовало около 10 000 непрофессиональных видеооператоров. Поэтому не возникло нехватки доказательств того, что Маркус Трой — скандал из скандалов! — коснулся ее локтя.

Райан была поражена, что ее мать в сельской Монтане увидела запись с концерта раньше, чем она. Разумеется, интернет становился «великим уравниателем», когда дело касалось быстрого распространения абсолютно бессмысленной информации. Ты мог быть в Нью-Йорке, в Токио, на Великих равнинах или в Ант-блин-арктике и в тот же самый момент изучать методы борьбы Ким Кардашьян с лишним весом после родов с исчерпывающими подробностями.

— В любом случае, Райан, я надеюсь, что ты не собираешься связываться с этим

мужчиной. Это не похоже на тебя.

— Мы не встречаемся, мама. Честное слово.

— Его глаза прикованы к тебе, милая. Любой дурак поймет, что там есть чувства.

— Я не виновата, что его глаза... — Райан увидела женщину, выходящую из лифта. Она услышала цокот туфель на высоких шпильках, но не обратила внимание на саму женщину.

— Ну, милая, он бы не смотрел на тебя, если бы ты его не поощряла, не так ли? — захихикала ее мать.

— А ты этим наслаждаешься, мама? — она тоже не смогла удержаться от смеха. — Что твоя дочь стала пищей для интернет-сплетен?

Женщина шла прямо к ней. Высокая и стройная, одетая в легкие кремовые брюки, светло-синюю блузку и шляпу от солнца с широкими мягкими полями. Но Райан не приходило в голову, что этой стильной леди могло от нее понадобиться, когда все остальные члены команды давно уже уехали.

Мама Райан прочистила горло и приняла более серьезный материнский тон:

— Ты всегда была застенчивой и закрытой, даже когда была маленькой. Я просто... не хочу, чтобы тебе причинили боль, только и всего.

— Теперь нас таких двое, мам, поверь мне.

— У тебя есть чувства к мистеру Трою, милая? Ты можешь рассказать мне.

— Нет, мама, — Райан начала этот разговор в состоянии невозмутимого спокойствия, но сейчас ее мать начинала выводить ее из себя, хотя ей по-прежнему удавалось сдерживаться.

Эффектная женщина остановилась в пяти шагах от номера, но Райан была слишком отвлечена тем фактом, что ее мать думала, что знала больше, чем Райан, о ее эмоциональном состоянии, чтобы обратить на это внимание.

— Я ни в кого не влюблена.

— Не увлекайся рок-звездой, Райан. Это не закончится хорошо. Ты так отличаешься....

Райан потеряла последние остатки хладнокровия.

— Я не увлеклась рок-звездой, мама!

Она подняла взгляд. Женщина теперь стояла прямо перед ней, скрестив на груди руки и в такой властной, высокомерной позе, что стало очевидно: она хотела немедленного внимания Райан.

— Мама, мне нужно идти. Здесь кое-кто есть, — и она сразу же отключилась. Ее мама не будет счастлива, — в семье Эванс так не поступают — но она сможет все объяснить позже. — Я могу вам чем-то помочь?

— Это номер 2110? — леди нацепила надменную улыбку.

— Да. Но мы не ждали посетителей.

Женщина была красива: безупречная фарфоровая кожа, карие с кошачьим разрезом глаза, полные губы. Райан подумала, что такая особа вполне комфортно чувствовала бы себя, прогуливаясь по пляжам Сен-Тропе, где бы это ни было.

— Ты Рахель? — незнакомка вытащила листок бумаги и наморщила нос, всматриваясь в него. — Прости. Райан? Райан Эванс?

— Да. А кто ты? — она так сильно сжала в руке ключ от комнаты, что стало больно. Она представила себе, будто эта женщина вступила в смертельный бой и боролась за ключ, в то время как Майлз, потенциальная жертва похищения, ничего не подозревая, смотрел Никелодеон всего в нескольких метрах.

— Бьянка, — сказала женщина. — Бьянка Трой. Я хотела бы увидеть моего сына.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Симптомы

У Маркуса не было связано с Лос-Анджелесом много теплых воспоминаний. Он женился в Лос-Анджелесе, но там же и развелся. Ему очень нравились первые три года их жизни в городе в полуразвалившемся доме с тремя спальнями и панорамным бассейном с видом на песчаный, тогда еще латиноамериканский район, Эхо-Парк. Кроме четырех последних в уединенном особняке в Голливуде, купленном им только для успокоения Бьянки, которые были поистине адскими. Его бывшая жена давила на него так сильно, что, когда наконец-то оставила его ради другого мужчины, он почувствовал что-то близкое к благодарности. Это было до того, как она получила самого лучшего в округе Лос-Анджелес адвоката и выпотрошила его в борьбе за опекунов, прежде чем он нанял Синтию.

Маркус признал всю насмешку судьбы, даже когда жаловался про себя, пока осуществлял свою детскую мечту сыграть три вечера подряд при полном аншлаге в Голливуд-Боул³³, его любимом месте. С микрофоном в руке, распевая во весь голос перед очередной толпой, он старался не думать о возможности потерять детей во второй раз. Никто: ни его друзья по команде, ни даже Смитти, не хотел слышать о проблемах богатой рок-звезды. Маркус знал, в чем дело: ведь он не имел права жаловаться, потому что был богат и знаменит. Совершенно невозможно представить, что у него могли быть какие-нибудь реальные проблемы, поэтому лучше не делиться никакими заботами и обидами даже с ближайшими друзьями.

Тогда его осенило: тот, кто держал свои чувства в себе, хранил их — это был старый Маркус. Новый Маркус — тот, кто на самом деле хотел раскрыться и поделиться подробностями личной жизни, приятными и болезненными — недавно был разбужен. Кем — Райан? Она была той, с кем он хотел разделить свои истинные чувства? Он решил, что это вполне может быть.

Маркуса злило, что он не мог исследовать эту новую возможность в его жизни без той кучи мудаков в Твиттере, что высказывали свое мнение о том, имеет ли он право чувствовать то, что он чувствовал. Даже на этом концерте, где предположительно почти все, за исключением имеющих журналистские удостоверения, потратили большую часть своих с трудом заработанных денег на билет, несколько человек в передних рядах забросали его между песнями вопросами.

— Где няня, Трой? — громко кричал один.

— Если она больше не с тобой, то я свободна! — визжала другая.

— Классные сиськи! — орал третий неандерталец.

Он бы легко мог игнорировать этих троллей, если бы они не имели такое большое влияние на его жизнь. Но они создавали сплетни о нем, хихикали над обработанными изображениями и текстами, которые выставляли его в ложном свете, и выплевывали обратно информацию, пока она не становилась похожа на правду — новую, запретную и убийственную правду — что вызывало у него огромную обиду и боль.

Маркус чувствовал слабость, жар и дискомфорт. Его гитара, казалось, весила 50 килограммов. Ему нужна была еда или вода, или еще что-то, но все это придется ждать до конца этой песни. Он понял, что эти последние несколько дней скучал по Райан почти так

же, как и по Майлзу. Он знал, было глупо преследовать ее, заикливаться на ней. Она была не просто сотрудником, она была работником, на которого ему приходилось больше всего полагаться. Если бы была даже малейшая возможность, что его отношения с Райан отвлекли бы ее от обязанности быть самой лучшей няней, он обманул бы своих детей и разрушил основу, что заложил летом. Хуже всего то, что он подтвердил правоту Бьянки: даже при том, что между ними ничего не было, но то, что они пару раз держались за руки, и картинки в сети говорили о бурной, преувеличенной истории, Бьянка была права.

Но сердцу не прикажешь, и Маркус уже давно перестал пытаться контролировать свои эмоции. Вопреки всему, он уже начал думать о возможностях, которые могут открыться после того, как закончится тур. Райан согласилась работать у него только на лето. Она собиралась продолжить где-то обучение — он даже не мог вспомнить где, возможно, на Среднем Западе или на юге — сразу после того, как завершится тур, чтобы получить степень магистра. Маркус хотел, чтобы вместо этого она запланировала остановиться около Бигфорка. Конечно, это было глупо, но ему очень хотелось пригласить ее на нормальное свидание, когда все это закончится. Он хотел бы забрать ее в Эльдorado и съездить в то новое место на горнолыжном курорте, где делают самую вкусную пиццу. Или еще лучше, пока не стало слишком холодно, он мог бы пригласить ее на прогулку на каноэ вниз по реке Суон, устроить пикник и выпить на закате бокал вина...

Конечно же, эти фантазии пришли к нему, когда он стал петь «Любовь всей моей жизни», — песню, которая с самого начала принесла так много неприятностей. Поэтому, когда он начал чувствовать слабость и головокружение, он посчитал, что это эмоции берут над ним вверх. Но когда после третьего куплета его желудок скрутило, он понял, что не летал высоко в своих мечтах о будущем с Райан. А находился в опасной близости от того, чтобы заболеть прямо здесь, на сцене, перед 20 000 поклонников. Он еле допел куплет и, пошатываясь, скрылся за барабанной установкой.

Смитти, воспользовавшись тем, что в это время клавишник исполнял эффектное соло, медленно приблизился к нему, и спросил:

— У тебя там все в порядке, босс? Ты неважно выглядишь.

Маркус не смог ответить. Тошнота накатывала на него как цунами, и, понимая, что не успеет убежать за кулисы, вырвал как можно незаметнее за бесценным черным усилителем «Фендер Твин» Смитти. Неважно, наемный работник или нет, но Смитти надерет ему задницу, если он повредит усилитель; это был его ребенок. Но ничего не поделаешь.

Роуди, увидев, что произошло, бросился к Маркусу с влажным полотенцем и бутылкой воды, которая будет ему необходима позже. Смитти, зная, что нужно заполнить паузу, начал долгое, дикое соло, в то время как Маркус вытирал лицо полотенцем. Затем он прополоскал рот водой, выплюнул ее и вернулся на сцену. Он закончил песню, слегка обессиленный, но толпа ничего не заметила. Шоу должно было продолжиться. И оно продолжилось.

Райан больше не могла молчать. Не прошло и минуты после того, как она попала на заднее сиденье лимузина с Бьянкой и Майлзом, и мальчик уснул, положив голову на колени матери и опираясь коленками в ребра Райан, а салон автомобиля погрузился в тишину. На шоссе 101 они попали в ужасную пробку; Райан могла поклясться, что слышала медленное, ровное дыхание водителя лимузина. Ей не верилось, что она будет сидеть рядом с бывшей

Маркуса, матерью, за детьми которой она был нанята присматривать одному Богу известно сколько времени. Что Бьянка знала о ней и Маркусе? Или, что более важно, что Бьянка думала, что она знала?

Была бы она одна, Райан, вероятно, приветствовала бы немного покоя после волнения, вспыхнувшего, когда Бьянка представилась часом ранее. Какой ошибкой было оставить Майлза одного, даже если она просто была за дверью. И как не повезло, что его мать появилась как раз тогда, когда он снова почувствовал себя плохо. Они открыли дверь, чтобы найти Майлза блюющим прямо на журнальный столик, вот ведь ужасная неприятность, и страдания Майлза произвели то еще первое впечатление о Райан, как о няне, ухаживающей за ребенком.

В ужасе, она побежала в ванную, чтобы намочить полотенце и прибрать ужасный беспорядок. Ползая на четвереньках, она позволила Бьянке утешить ребенка. Майлз достаточно счастливый, когда пару минут назад свернулся около нее, выглядел изнуренным. Одинокaя слеза скатилась по щеке, хотя он не издал ни звука. Он, вероятно, задремал, пока тошнота не подарила ему столь суровое пробуждение. Она знала, что не надо было давать ему эти проклятые крекеры.

В лимузине Бьянка, наконец, заговорила.

— Это так типично для Маркуса. Он всегда был безответственным, но на этот раз он действительно доигрался, — она гладила сына по волосам снова и снова, и Райан подумала, что эта картина похожа на обсессивно-компульсивное расстройство (пройдя слишком много курсов психологии... два года назад, она бы просто сказала, что Бьянка выглядела так, будто была немного не в себе). Она также спрашивала себя, следует или нет Бьянке обсуждать недостатки Маркуса в присутствии Майлза. — Он говорит, что хочет взять детей на гастроли, но когда один из них заболевает, — и поверь мне, кто-нибудь всегда заболевает — он оставляет его с няней, а сам собирает вещи и едет дальше в следующий город. Без обид, Рейчел, но это просто жестоко. Особенно, когда я нахожусь меньше, чем в двух часах езды. Он мог бы отправить обоих детей ко мне домой. Разве в этом не было бы больше смысла?

Райан ничего не сказала, — она даже позволила Бьянке назвать ее Рейчел — разумеется, она не знала, что Бьянка жила в этом районе, но даже если бы и знала, решение принимала не она.

С уверенным видом Бьянка объяснила, что Майлз останется с ней, пока не будет снова здоров на сто процентов. Пусть это и было неудобно, но Райан настояла на звонке Маркусу, чтобы убедиться, что тот не против нового плана, — он вздохнул и сказал, что, наверное, это больше не имеет значения, и попрощался прежде, чем объяснить, что это значит — потому что, если память ей не изменяла, она работала на Маркуса, а не на Бьянку.

После того, как Райан отключила сотовый, Бьянка склонила голову набок и стала хладнокровно рассматривать ее, словно тщательно изучала снятую с вешалки дизайнерскую одежду.

— Могу я дать тебе бесплатный совет? — обратилась Бьянка с вопросом к Райан, которая не могла не чувствовать себя неловко.

— Давай, вперед. Излагай, — Райан взяла себя в руки. Фраза «бесплатный совет» означала, конечно, что бывшая Маркуса видела видео и фотографии, читала все сплетни и пришла к тем же выводам, что и мать Райан (и весь остальной мир).

— Ты вроде хорошая девушка, но ты молодая — очень молодая. И я знаю, может показаться, что Маркус — это невероятный улов. Он богат, знаменит, красив.

— С ним все в порядке, — Райан напустив на себя легкомысленный вид, немного пошутила, чтобы поднять настроение, но либо ее шутка не удалась, либо у Бьянки не было чувства юмора. Она решила вернуться к своим привычным молчаливым кивкам. И просто позволить этой женщине высказывать свое мнение и покончить с этим.

— Хочу лишь просто сказать тебе, как женщина женщине. Этот мужчина не умеет быть спутником жизни. Ни мне, ни тебе, ни кому-либо другому.

«Кто говорил про «спутника жизни»? — хотелось закричать Райан, однако она последовала своему собственному совету и заткнулась. — Все, что сделал этот мужчина — лишь взял меня за руку!»

— Он классический нарцисс, — продолжила Бьянка. Она, казалось, сделала свою собственную курсовую по психологии, или, по крайней мере, перелистала несколько книг по самосовершенствованию. — Он вкладывает всю эту любовь и сострадание в свои песни, так что весь мир считает, что он потрясающий парень. Он отдает всего себя своей музыке, и, по сути, ничего не оставляет для всех остальных. У него не было времени для своих детей, и, конечно же, не было времени для собственной жены.

— У него есть время для меня, мамочка, — сказал смиренно Майлз.

— Ох, милый, я не знала, что ты не спишь, — Бьянка вела себя, будто только что говорила о ценах на масло или о достопримечательностях вдоль дороги, а не о самом важном человеке в жизни ее сына. И, что самое ужасное, участие Майлза в разговоре не заставило Бьянку понять, что обсуждаемая тема была, может быть, просто может быть, неуместной. — Маркус живет в своем собственном мире, и ни одна женщина не изменит это. Музыка всегда на первом месте, и так будет всегда.

«Для танго нужны двое», — подумала Райан. — «Расскажи лучше о том, как сама заблудилась в своем собственном мире». Она посмотрела на Бьянку и попыталась представить, какой была эта женщина прежде, чем успехи Маркуса навсегда изменили ее жизнь. Она всегда была такой эгоистичной, или богатство и известность изменили ее на всю жизнь? Райан поняла одно: она никогда бы не хотела, чтобы это случилось с ней.

— Итак, Рейчел, хватит о нас, — заявила Бьянка. — Расскажи мне о себе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Настоящий рай

— Ты наделал немало глупостей в своей жизни, Маркус Трой, но эта переплюнула все, — сказала Бьянка, ворвавшись в номер.

Он чуть не спросил ее: *«Глупее, чем жениться на тебе?»*, но вместо этого подошел к ней со словами:

— И я рад видеть тебя снова, Бьянка.

Стоя позади нее, Серена, судя по всему, изо всех сил старалась стать невидимой. Она молча собрала свой ноутбук и зарядное устройство и на цыпочках вышла из комнаты. Девушка с сочувствием взглянула на Маркуса. Он улыбнулся и пожал плечами. Это была первая встреча Серены с Бьянкой, но, безусловно, не последняя.

— В самом деле, Маркус, — продолжила Бьянка, — что ты сделал такого, что миссис Янссен уехала? Она была фантастической, и дети любили ее.

Маркус лишился дара речи: Бьянка даже никогда не видела суровую старую шведку. Но он понимал, что ничего не может сказать, чтобы еще больше не спровоцировать ее, поэтому просто стоял, потирая щетину на подбородке — нервный жест, к которому он прибегал при стрессе.

— Скажи что-нибудь! — завопила она. Но он просто поднял руки. Это было непросто: следование бесспорно мудрому совету своего психотерапевта — никогда не связывайся с Бьянкой, когда она в ярости, не начинай битву, которую никогда не сможешь выиграть, ты только подольешь масла в огонь и т. д., но кроме того, он только что оправился от приступов болезни и был просто слишком слаб, чтобы сопротивляться. *«Маленький подарок судьбы»*, — подумал он.

— Тогда, пожалуй, ты и твоя няня идеально подходите друг другу. Она сидела со мной в машине два с половиной часа и не произнесла больше десятка слов. Вы вдвоем можете жить долго и счастливо даже в ледяной тишине, мне все равно. — Она в смятении покачала головой, желая, чтобы он смог понять, что он сделал — ведь где-то в глубине ее загадочного сердца, она до сих пор горевала о разрыве их отношений, и вместо исцеления ей приходилось выплескивать свое разочарование на детей. — Что ж, Шарлотта и Майлз поедут со мной домой. Разумеется, этот тур был огромной ошибкой. Я не должна была на это соглашаться.

— Бьянка, мы заключили соглашение. Мы подписали соглашение, — десятидневный договор об опеке весил примерно столько же, сколько его первый контракт со студией, но сейчас он был рад его иметь.

Бьянка вздохнула.

— Соглашение будет аннулировано, уверяю тебя. И ты будешь уведомлен в течение сорока восьми часов.

— Что, снова повестка в суд? Еще одно слушание? Пожалуйста, Бьянка, не делай этого. Такого рода нестабильность вредит детям даже больше, чем нам.

— Ты не оставляешь мне выбора. Мы договорились, что ты будешь выделять время в своем расписании, чтобы заботиться о...

— Я выделяю время.

— ...и что ты найдешь обученного, профессионального воспитателя, когда будешь отсутствовать сам.

— Райан — профессионал.

— Я скажу, кто она. Профессиональная альпинистка. Сколько времени ей понадобилось, чтобы взобраться к тебе в постель?

— Только... не надо. Пожалуйста. Ничего такого не произошло.

— Ваши фотографии повсюду. Люди, которые ни при чем, не смотрятся так вместе.

— Я только успокоил ее, вот и все, — заверил он. — Только дотронулся до локтя моей сотрудницы, ради Бога.

Он надеялся, что ни один судья не станет рассматривать такие субъективные «доказательства» и использовать их как основание, чтобы отобрать у него детей.

— Ты знаменитость, Маркус. Ты должен придерживаться более высоких стандартов.

— Я просто пытаюсь быть, не знаю, милосердным, что ли.

Бьянка покачала головой.

— Ну, по крайней мере, пусть они останутся со мной, пока Майлз не выздоровеет. Пока вся команда занята, дети не будут мучиться с вами. Независимо от того, какое решение вынес суд, они не могут путешествовать с тобой по стране в автобусе, если им придется останавливаться у обочины через каждые пять минут, когда их будет тошнить, — она повесила свою сумку от Ком дэ Гарсón³⁴ на запястье с уверенным видом.

В такие моменты Маркус не знал, была ли Бьянка сумасшедшей, или это просто была ее стратегия, но она имела привычку хладнокровно смешивать свои бешеные вспышки гнева с маленьким кусочком здравого смысла. Это сбивало с толку, но Маркус рассматривал это как оливковую ветвь.

— Прекрасно, они остаются с тобой, но только до тех пор, пока турне снова не начнется. Большая часть команды будет здесь в отеле Хаятт, но Смитти и еще несколько человек собираются ненадолго в «Ранчо Каньон»³⁵. Я вернусь в Лос-Анджелес через пять дней или, как только все снова будут полностью здоровы. Тебя это устроит?

— К этому времени тебе вручат повестку, но я не могу предсказать, когда планируется слушание.

— Прекрасно. — Он не хотел прибегать к клише, но было трудно сдержаться и не сказать: «Встретимся в суде».

Бьянка кивнула, ее рот по-прежнему перечеркивал лицо суровой, прямой линией, словно лезвием. Но, как бы это ни было нереальным, он и его бывшая жена, кажется, достигли соглашения. Когда она повернулась и, выходя из комнаты, зацокала каблуками четырехтысячедолларовых лабутенов, которые она купила на его алименты, он почувствовал себя настолько слабым, что ему пришлось прислониться к стене. И стало непонятно, то ли подступила тошнота, то ли просто пришло облегчение. Он стоял в оцепенении, глубоко, ровно дыша, и надеясь, что не заболит снова.

Три часа спустя раздался стук в дверь. Сначала, думая, что это Серена, он его проигнорировал, укрыв голову роскошной гостиничной подушкой, и заставляя звук исчезнуть. Невесело быть больным, но глубокий, без сновидений, сон был сладким утешительным призом, и прямо сейчас он не хотел с ним расставаться.

— Маркус? Это я, Райан.

— Ой, подожди секунду. — Он потянулся за стаканом воды на тумбочке и проглотил

его весь целиком, как человек, умирающий от жажды. Затем надавал по щекам пару легких пощечин, сел на кровати и натянул простынь до шеи. Он вовсе не чувствовал себя в данный момент очень сексуальным.

— Ладно, заходи.

Райан вошла в комнату и прошла три метра до изножья его кровати. Остановилась, и было видно, что она не хотела идти дальше.

— Хорошо, — сказал он, — оставайся там. Я не знаю, как тебе удалось избежать этого проклятого вируса, но давай и дальше продолжать в том же духе. Нам нужен хоть кто-то в этом туре, кто останется здоровым.

Маркус мгновение испытывал трудности, чтобы вспомнить, что они были в Лос-Анджелесе. Так как они всегда останавливались в отелях Хаятт, обстановка его люкса никогда не менялась, — та же кровать «Калифорния Кинг» с балдахином, высококачественное постельное белье, та же «жилая зона» с диваном, обитым мягким голубым бархатом — поэтому они могли быть в любом из городов. Тур только начался, но он уже тосковал по своей собственной кровати в Бигфорке. Когда он посмотрел на Райан, которая на этот раз была одета не в футболку и джинсы, а в бледно — зеленую юбку чуть выше колен и приталенную с короткими рукавами кофточку, то подумал: *«Боже, она потрясающая»*. Но потом вспомнил о видео и фотографиях, и, даже еще хуже, о повестке в суд, которую он якобы собирается получить, и его сердце сжалось. Отношения не приносят ничего, кроме неприятностей. Бьянка однажды уже была для него «потрясающей». Теперь они не могли даже находиться вместе в одной комнате, чтобы не поругаться. Он был уверен, что, в конечном итоге, и с Райан все будет практически так же.

— Итак, Серена сказала, что мы поедem на какое-то ранчо? — спросила она.

— Ну, это на самом деле не ранчо-ранчо. Не для девушки из Монтаны, как ты. Это больше похоже на уединенный оздоровительный центр. Там есть занятия йогой, пилатес, медитации и все, что захочешь. Еда низкокалорийная, но очень вкусная. И все это на фантастическом участке прямо в центре пустыни. Это невероятное место. Тебе понравится.

— Занятия йогой? Тебя же ужасно тошнит. Зачем тебе йога?

— Я не собираюсь заниматься виньясой³⁶ и принимать позу собаки мордой вниз, во всяком случае, не сразу. — Он хмыкнул. — Но «Ранчо Каньон» станет превосходным местом для всех нас, чтобы восстановиться за несколько дней до того, как тур снова продолжится.

— Ты не думаешь, что это может быть всего лишь грипп, который пройдет через сутки? Майлзу, кажется, уже лучше.

— Ну, я надеюсь на это, но после того, как вирус начинает разгуливать по автобусу, все в команде оказываются, в конце концов, под ударом. Возможно, понадобится несколько дней, чтобы пройти через это. Может быть, даже неделя.

— Автобус не такой уж и улетный.

— Это точно. — Маркус замолчал и поправил подушку за спиной. Ему было немного странно видеть Райан так близко от него, когда он был болен и лежал в постели — и явно не тянул на рок-звезду, но ничего поделать с этим он не мог. — Райан, послушай, насчет Санта-Барбары...

— Мне очень жаль. Я не хотела идти на сцену, просто Шарлотта....

— О, пожалуйста, ты не должна извиняться. Я единственный, кто должен просить прощения. Я должен был быть более осторожным с этими репортерами.

— Но как ты мог знать, когда дотрагивался до моего дурацкого локтя, что это может

перерасти в реальный скандал? Это просто смешно.

— Я, наверное, должен был объяснить тебе, что такое жизнь на гастролях, да?

— Я бы тебе все равно не поверила. — Они оба рассмеялись.

— Слушай, — сказал Маркус. — Реальная причина, по которой мы едем на Ранчо — это не ради показухи, а потому, что это — эксклюзив. Людям, которые туда едут, требуется конфиденциальность, они в этом нуждаются, а взамен они уважают частную жизнь окружающих. Никто не будет снимать на сотовый или писать о нас в Твиттере, так что мы все сможем перевести дыхание и отдохнуть. А когда мы снова отправимся в дорогу, сплетни потеряют часть своего блеска, и мы сможем вернуться к своим делам.

— Боже, Маркус, твоя жизнь... — Маркус напрягся. Он слышал прежде, как женщины жалуются на «его жизнь».

— Что? Давай, скажи это.

— ...хреновая. Иногда, во всяком случае. Как ты справляешься с этим?

— Я не знаю, день за днем?

Он чувствовал, что Райан ускользает. Они все исчезли — все женщины, которых он любил. Это цена, которую ему нужно заплатить, чтобы жить своей мечтой — он должен остаться одиноким?

— Это стоит того, правда? Что люди следят за каждым твоим шагом, суют свой нос в твой бизнес?

Маркус на мгновение задумался. «Стоит ли оно того?» — он давно не задавал себе этот вопрос.

— Это цена, которую я плачу за то, что успешно делаю то, что люблю. Полагаю, я мог бы просто перестать писать песни, прекратить гастролировать, но этого никогда не случится. Мне нужно продолжать создавать музыку ради моего разума, моего тела, моей души.

— Без обид, но ты говоришь сейчас прямо как хиппи.

— Я думаю, все музыканты — немного хиппи. — Затем Маркус произнес с подчеркнутой медлительностью скрипучим голосом одного из своих менеджеров, убежденного курильщика травки. — Мы знаем, как использовать по максимуму наши эмоции, дружище. Вот откуда, типа, берется наше искусство.

— Вау, чувак, — Райан выстрелила с ее собственной версией голоса укурка. — Прикинь, это так сильно.

Маркус начал так смеяться, что заболели мышцы его живота.

— Ох, перестань, — сказал он. — Ты меня убиваешь.

— Тебе станет лучше, когда мы доберемся до этого рая на земле — хипповых йога — штучек.

— Можешь смеяться, пока мы туда не доберемся. «Ранчо Каньон» — это рай. Рай, в полном смысле этого слова.

Маркус никогда раньше не встречал такую, как Райан. Он никогда не встречал женщину, которая могла быть такой сексуальной и такой забавной, и он никогда так сильно не смеялся ни с кем, кого бы знал такое короткое время. На самом деле, он не мог вспомнить никого из его любовниц, кто бы заставил его умирать со смеху. В идеальном мире, без знаменитостей, экс-жен и повесток в суд, у него с Райан и вправду могло бы что-нибудь получиться, так ведь?

— И кое-что еще, Маркус, — сказала Райан. Она резко вздохнула. — Начнем с того, что

ты уже привык жить в центре внимания, или ты так устроен, и ты можешь лучше справиться с этим... — Она замялась и закусил губу, что, несмотря на сложность момента, было очень сексуально, и Маркус не мог это не заметить.

— Да? Давай, продолжай.

— Я не думаю, что все это для меня. Я не хочу, чтобы каждый мой шаг препарировали люди, которые даже не знают меня, и я не хочу, чтобы моя мама увидела меня в шоу «Сегодня вечером».

— Ох, Райан, ты ведь не подведешь меня? — Маркус не хотел потерять ее по многим причинам.

— Нет, нет, не в этом дело! — сказала она. — Просто, если бы ты мог — ну, мир уже знает мою фамилию, и мы ничего не можем сделать, чтобы изменить это, — но, если бы ты помог мне держаться в тени, я была бы очень благодарна. Думаю, будет лучше, если я останусь за кадром, понимаешь? Я так привыкла.

— Ты имеешь в виду, тебе не нравятся парни, глазеющие на тебя, будто стадион, полный людей, наблюдает за футбольным матчем?

— Это именно то, чего я надеялась избежать.

— Нет проблем. Больше никаких публичных благодарностей Райан Эванс. Я просто буду благодарить тебя лично.

— Ох, Маркус... — Райан шагнула к нему, достаточно близко, чтобы коснуться его. — Мне жаль, что так вышло.

Может быть, она и не исчезнет. Он убил бы за то, чтобы просто держать ее прямо сейчас в своих объятиях. Рядом никого не было; дверь была заперта. Маркус подумал, что, если бы он почувствовал ее кожу, если бы ее тело, даже на мгновение, прижалось к нему, все было бы хорошо. Но вместо этого он сказал:

— Тебе не стоит близко подходить. Я официально на карантине.

— Тогда ладно. Скоро ты поправишься.

Маркус снова попытался вызвать в воображении «идеальный мир», где он и Райан могли бы быть вместе. С таким немыслимым количеством вторгшихся реальностей, это было нелегко. В реальном мире единственным способом избежать боли и разочарования было держаться строго профессионально. К счастью, у него было несколько дней на «Ранчо Каньон», которые он ждал с нетерпением. Дети будут в ЛА, но Райан будет рядом. И «Ранчо Каньон» был максимально близок к идеальному миру, как он его себе представлял. У них было только пять дней, и он намеревался воспользоваться этим в полной мере.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Ранчо

Райан не могла не посмеяться над тем, что все называли роскошный спа-центр, где они остановились, «ранчо». Поскольку она выросла на настоящем ранчо (пусть и скромном), то ей приходилось доить коров, ухаживать за новорожденными телятами, стричь овец и каждое утро заходить в курятник, чтобы собрать свежие яйца. Но она не видела, чтобы здесь кто-то занимался уходом за домашним скотом. Единственным стремлением гостей «Ранчо Каньон» была забота об их собственных потребностях, хотя этих потребностей было на удивление много.

Каждому на выбор предоставлялись, разумеется, занятия йогой и пилатесом, и еще много других программ, например: «Экстремальные кардио-тренировки», «Глубоководный гидромассаж», «Астрология и драгоценные камни для личностного роста», уоллибол³⁷, шоу «Бой барабанов в пустыне», «Накачанная попка II» — это вообще напоминало Райан название какого-то порнофильма — и класс скульптуры (ваяния) «Мягкая экспрессия».

Сначала нахождение в оздоровительном центре воспринималось абсурдным и нереальным, но после двух дней прогулок по каменистым тропинкам между множества различных хозяйственных построек, ежедневных посещений целых шести различных курсов и питания низкокалорийной, но (Маркус снова оказался прав) захватывающе вкусной пищей в шикарном обеденном зале, все стало казаться странным образом нормальным, даже само собой разумеющимся.

Она подружилась с Сереной, которая сейчас заметно расслабилась, и ей ничего не оставалось, как ходить на занятия и есть слишком вкусную здоровую пищу. Они вдвоем посещали занятия и вместе обедали, и развлекались, глаза на кучку знаменитостей, ловко смешавшихся с другими «обычными» богатыми жителями Нью-Йорка и Лос-Анджелеса.

— Смотри, — с удивлением сообщила Райан на занятиях пилатесом, — здесь Андерсон Купер³⁸.

В то время как ведущий новостей CNN, подтянутый и невероятно красивый, на самом деле был здесь, изнуряя себя, как и все остальные, двум девушкам забавно было делать вид, что все в этом месте были знаменитостями.

— Смотри, Ким Кардашьян, — прошептала Серена на завтрак, кивнув в сторону полной брюнетки с повязками из-за недавней пластической операции, до сих пор закрывающими ее щеки и нос.

— До того, как она сошлась с Канье³⁹? — спросила Райан. Это был один из немногих известных ей фактов о знаменитостях. И она, черт возьми, собиралась этим блеснуть.

— Ах, Ким, — вздохнула Серена. — Еще одна бездарная красотка, переспавшая со знаменитым музыкантом, хотя, я думаю, не стоит ее винить. Она играет в свою игру и играет очень и очень хорошо.

Райан знала, что Серена не стала бы намеренно проводить сравнения, но сценарий показался до боли знакомым.

— Серена, — заговорила Райан, потом вздохнула. — Ты ведь знаешь, что между Маркусом и мной ничего не было, верно?

— Конечно, да. — Она погладила руку Райан. — Это совсем не то, что я имела в виду.

— Я знаю. Просто, мы обе работаем на него, и я хочу, чтобы ты знала всю эту историю — это не про меня, я не такая.

Серена улыбнулась.

— Ты хочешь сказать, что, вопреки видимости, ты не полностью поглощена поклонением знаменитости и охотой за богатенькой звездой?

Райан рассмеялась.

— Точно.

Серена помешала свой кофе со льдом, и ее губы изогнулись в полуулыбке.

— Но он явно запал на тебя. Ты же видишь это, да?

Райан покраснела.

— Значит, я не ошиблась?

— О, черт, нет. Похоже, он не может удержаться от флирта с тобой.

— О, Боже мой. Я даже не пытаюсь флиртовать с ним. — Райан схватила за голову. Она понятия не имела, насколько ясно другие — ее мама не в счет, потому что думала, что каждый мужчина был влюблен в ее дочь — могли увидеть химию между ней и ее боссом. Сделать собственные наблюдения и изучать собственные чувства — это одно, но услышать это от Серены — совсем другое. Может быть, у Маркуса действительно есть к ней чувства. Маркус Трой — она не могла в это поверить.

— Что же мне делать?

Серена пожала плечами.

— Я не знаю, то есть, держись подальше от журналистов, конечно. Но, не считая этого, почему бы тебе не попробовать? Я знаю Маркуса не так давно...

— Ш-ш-ш, — сказала Райан, оглядываясь вокруг, чтобы посмотреть, вдруг кто-то может их услышать.

— ...но он, как правило, не заигрывает и не приударяет за случайными женщинами. На самом деле, я думаю, что ты действительно ему нравишься. И он замечательный парень. Вы должны быть счастливы.

Райан была польщена и успокоилась, — слава Богу, есть кто-то надежный, как Серена, кто мог подтвердить то, что происходило между ними — но ей было и стыдно тоже. Она так давно не вела дружеских бесед с подругой и только сейчас поближе познакомилась с Сереной.

— Эй, посмотри, там Вилли Нельсон⁴⁰, — сказала Райан, благодарная за возможность отвлечь внимание, указывая на мужчину в возрасте с волосами, собранными в хвост, ниспадающими по спине.

— А вот таким будет Райан Сикрест⁴¹ после выхода на пенсию. — Указала Серена на презентабельно выглядящего шестидесятилетнего белого мужчину, самого загорелого из всех когда-либо виденных ею.

Кстати, о пожилых белых мужчинах, Райан давно не видела Маркуса, хотя и не избегала его. Может, это он сознательно ее избегал, спрашивала она себя. Разумеется, имело смысл держаться от него на расстоянии. Как он и предсказывал, никто из гостей не выхватывал свой телефон, чтобы делать фотографии знаменитостей, но у них были глаза — они бы заметили, что он обедал вместе с печально известной няней со снимков и видео. Если Маркус не хотел, чтобы такие слухи подтвердились, то держаться подальше от Райан было разумным решением.

Но общественное мнение едва ли было единственным препятствием для того, чтобы

проводить время вместе. С того самого момента, как они приехали на «Ранчо», Джейси прилипла к Маркусу, как скучающая домохозяйка к коврику для йоги, и просто не хотела его отпускать. Каждое утро, прежде чем он появлялся в ресторане «Captain's Table», она заказывала ему в баре яичные белки с красным перцем. На занятиях по созданию «Чувственной обстановки по Фэн-Шуй», она взбивала ему подушки и подмигивала, предлагая декор для дома. И в группе «Анализа Походки и Обуви» Джейси снова была тут как тут, умело массируя стопы Маркуса под внимательным руководством инструктора Дариуса Ли.

На третий день Райан встала в шесть сорок пять. Днем ранее с некоторым смущением она проговорила Серене, что никогда не училась кататься на велосипеде. Серена, пораженная этим, предложила научить ее следующим утром так рано, чтобы никто не смог их увидеть. Но было уже пять минут восьмого, а Серена все еще не материализовалась, поэтому Райан, предполагая, что ее горе-инструктор проспала, направилась в свой номер.

Не успела она сделать и десяти шагов, как знакомый голос произнес:

— Куда ты собралась?

Райан обернулась и увидела Маркуса, улыбающегося и машущего ключами от кладовки, где хранились велосипеды.

— Хм? — отозвалась Райан. — Где Серена?

— Похоже, она подхватила инфекцию. Но я могу научить тебя парочке вещей, — заверил ее Маркус.

— Нет, я должна пойти проверить ее.

— Она в порядке. Или будет через тридцать шесть часов. В любом случае, она сейчас спит. Лучшее, что мы можем сделать, это дать ей время отдохнуть. — Он кивнул в сторону кладовки. — Ну же, давай подберем для тебя хороший велик.

— Ты уверен? Знаешь, я никогда раньше этого не делала.

— Не волнуйся, — сказал Маркус с усмешкой. — Это просто, как езда на велосипеде.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Просто, как езда на велосипеде

— Правильно ли я понимаю, — спросил Маркус, стараясь не глазеть на Райан в ее шортах и облегающей спортивной майке, — ты выросла в «Краю небесных просторов»⁴², и никто не научил тебя кататься на велосипеде?

— В Бигфорке на велосипедах ездят только туристы и те, кто хочет стать вторым Лэнсом Армстронгом⁴³, — сказала Райан. — Остальные водят машины. Я уже в девять лет прекрасно управляла трактором.

Маркус ждал такого удобного случая с тех пор, как они приехали на «Ранчо». Но Джейси с момента их прибытия следовала за ним преданно, как золотистый ретривер, и от нее практически невозможно было отделаться. Поэтому, когда сегодня утром ни свет, ни заря Серена сообщила ему, что заболела, он сразу же ухватился за эту возможность. Сейчас, в семь часов утра, велосипедные дорожки «Ранчо» пустовали, хотя здесь было малоллюдно даже в полдень. Оставалось только два дня в блаженной простоте уединенной обстановки, и это был его последний, самый лучший шанс заполучить Райан.

— Но разве никто из твоих друзей не катался на велосипеде? Я думал, в Калиспелле дети каждый день добираются в школу на велосипедах.

— Вау, ты действительно из летних людей.

— Летних людей?

— Отдыхающих. Временных жителей Монтаны. В октябре вы обычно далеко отсюда, но если бы вы задержались, то узнали бы, что в это время уже выпадает снег и не тает до мая.

— То есть, практически весь учебный год. — Маркус планировал находиться в Бигфорке в течение всего этого года, но ни разу не упоминал об этом. Он надеялся жить там постоянно, когда сделает небольшую паузу в гастролях и обоснуется, так он сможет показать Бьянке, что заслуживает того, чтобы дети проводили с ним больше времени. Будет ли это вообще иметь какое-то значение?

— Да. И мы жили в пятнадцати километрах от моей гимназии.

— Ладно, я понял. Но ты здесь. Я так понимаю, сейчас ты хочешь научиться?

— Я хотела, чтобы меня учила Серена. Она показалась мне хорошим велосипедистом. Но ты... — Райан скептически посмотрела на него, ее губы изогнулись в дразнящей улыбке.

— О, я умею ездить.

— Я в этом не сомневаюсь, — заверила его Райан. — Но ты уверен, что не хочешь пригласить Джейси? Вы, ребята, проводите весьма много времени вместе.

— Поверь мне, не по своей воле.

Более правдивых слов никогда еще не было произнесено, но как сказать девушке, которая, кажется, никогда не слышала слово «нет», что он ничего к ней не испытывал? Он чувствовал себя немного виноватым за то, что пропустил завтрак, — где прямо сейчас, несомненно, его ждет Джейси — но ему придется набраться смелости и сказать ей раз и навсегда, что между ними ничего не может быть. «Сегодня после обеда», — подумал он. — «При следующей же встрече».

Райан кивнула, сдаваясь.

— Хорошо, покажи мне, что ты умеешь.

— О, этот выглядит идеально, — сказал Маркус, когда зашел в кладовку и обнаружил велосипед, закрепленный на стойке. — Подойди, перекинь ногу, — он чуть было не поддался соблазну продолжить словами: *«и оседлай, расставив ноги»*, но сдержался, — и мы посмотрим, подходит ли он.

Маркус стоял около переднего колеса и схватился за руль, пытаясь удержать велосипед в вертикальном положении, а Райан действительно стояла, расставив ноги. Она ненадолго оперлась рукой на его грудь, чтобы сохранять равновесие, и ему пришлось сосредоточиться, чтобы успокоить дыхание. Он был словно наркоманом, который гоняется за ощущением того момента, когда он в первый раз бережно держал ее руку в своей. Будучи зависимым от этого, он также понимал, что рисковал очень многим, — он до сих пор не получал никаких новостей о слушании дела об опеке, но, безусловно, лучшим решением на данном этапе было бы избегать Райан — чтобы гнаться за этой конкретной высотой. Но он ничего не мог с собой поделать. Ему не доставало Райан. Находиться рядом с ней, просто разговаривать и флиртовать, было так здорово.

— Так, высота рамы вполне подходит. — Маркус знал, что она должна быть на пару сантиметров ниже уровня промежности, но он был достаточно осторожен, чтобы не использовать это опасное слово. — Приподнимись, сядь на сиденье и поставь ноги на педали.

— Ладно. — Райан, похоже, избегала смотреть ему в глаза. Он подумал, что она, должно быть, нервничает, но держит свои эмоции на коротком поводке, поэтому он никогда не знал наверняка, что у нее на душе.

— Хорошо, жми на педали.

— Здесь?

Маркус рассмеялся.

— Не волнуйся, ты никуда не поедешь, только не с этой стойкой.

Райан крутила педали, пока Маркус держал руль и очередной раз засматривался на ее ноги. Боже, она была прекрасна. Он попросил ее остановиться и встать на педали, пока он немного поднимет сиденье.

— Хорошо, сядь обратно и жми на педали снова.

— Это легко. Это как велотренажер.

— Ну, ты найдешь некоторые различия, когда мы выберемся на дорожку.

— На дорожку? — удивилась Райан. — Ох, черт. Думаешь, я уже готова?

Маркус попытался установить с ней зрительный контакт. Он хотел удостовериться, на самом ли деле ей было страшно, или, может быть, она не хотела делать этого с ним — кататься на велосипеде или проводить время вместе, или ничего из этого.

— Ой, да ладно, только не вздумай сейчас от меня сбежать.

Она посмотрела ему в глаза, и он понял, что обращение к ее соревновательному духу никогда его еще не подводило. В конце концов, она была бегуньей, спортсменкой, которая никогда не отступает перед вызовом.

— Никто не сбегает, — сказала она, стаскивая шлем с полки и с хитрой улыбкой закрепляя его под подбородком.

Райан научилась кататься в два счета. Через двадцать минут она могла ехать по прямой бесконечно долго. Через тридцать минут она могла тормозить и соскакивать. А после сорока пяти, она могла разгоняться и переключать скорости с впечатляющей плавностью.

Маркус чувствовал себя немного разочарованным. Он, конечно, хотел, чтобы она хорошо ездила на велосипеде. Но надеялся, чтобы ей было трудно, хотя бы чуть-чуть, как раз настолько, чтобы он смог насладиться своими фантазиями, в которых он мягко поощрял ее в момент отчаяния, или поднимал и утешал после незначительных царапин. Ей пришлось бы, вставая, опираться на него, может даже упасть в его объятия, полностью отдать себя в его руки, он мог бы поддерживать ее за бедра, пока она восстанавливала равновесие или, забывшись, прижимать ее к себе. Он жаждал почувствовать ее кожу и представлял сладкий вкус ее губ.

— Ты уверена, что никогда не делала этого раньше? — спросил он.

— Клянусь Богом.

— Ну, ты в этом чертовски хороша. Я впечатлен.

— У меня был хороший учитель. — Впервые она улыбнулась полностью, открыто. И это было захватывающе. Весь свет мира, казалось, отразился на таком добром, открытом, красивом лице Райан. — Ты ходишь на занятия к Дариусу?

— Гуру йоги? Конечно. А что?

— В конце занятия он просил вас визуализировать ваше «тихое место»?

— Само собой, это его фишка. Я, вообще-то, выбрал веранду моего дома в Бигфорке. А ты?

— Я представила пляж в Коста-Рике. Это забавно, учитывая, что я никогда не была даже близко от этого места.

Маркус рассмеялся.

— Это было не обязательно, насколько я знаю.

— В любом случае, пока мы делали Шавасану (или поза трупа — одна из медитационных асан в йоге), он попросил нас представить себе некий фантастический мир — место, где исчезает все напряжение и все конфликты. Обитель чистого мира.

— Звучит круто.

Они ехали несколько минут в тишине по извилистой асфальтированной дорожке, которая проходила по границе комплекса. Забравшись достаточно высоко, они наслаждались панорамным видом на подвижные песчаные холмы пустыни, покрытые кактусами, «индейской кисточкой»⁴⁴ и острыми обломками камней.

— Возможно, это оно и есть, — почти про себя задумчиво произнесла Райан.

— Что это?

— Обитель мира. Может быть, «Ранчо» — это место, куда мы приехали, чтобы все отпустить, забыть обо всем.

— И позволить исчезнуть всем нашим конфликтам?

— Точно.

— Вот почему я приезжаю сюда. Некоторые занятия просто дурацкие, но человеку здесь так спокойно. И так уединенно.

— Я чувствую себя так — не хочу, чтобы это прозвучало банально, но — свободно.

— Я точно знаю, что ты имеешь в виду. Здесь так умиротворенно и закрыто ото всех. И ты действительно можешь расслабиться.

Райан, казалось, колебалась.

— Здесь ведь достаточно приватно, правда, Маркус?

— В каком смысле?

— Ну, я так понимаю, что тут, очевидно, никто не будет нас преследовать и

фотографировать.

— Верно. Разве это не хороший отдых?

— Да. Но...

— Что?

— Ну, я заметила, что с тех пор, как мы здесь, ты немного избегаешь меня. — Велосипед Райан начал слегка вилять из стороны в сторону. Он боялся, что она может потерять управление и свалиться. Но девушка спокойно справилась сама. — И до этого тоже.

— Не нарочно, поверь мне, — заверил он и подумал: «Черт бы побрал эту Джейси».

— Маркус, все хорошо, правда. Я понимаю. Проводя все время один-на-один с няней, ты точно не создашь правильный образ для твоих фанатов.

— Нет, собственно, дело не в этом. — Маркусу было не наплевать на то, что думали его поклонники. Конечно, он не хотел давать Бьянке любые дополнительные аргументы, если она действительно собирается провернуть этот трюк с полной опекой. Но Бьянки не было здесь, на этом извилистом, уединенном пути, и он не хотел обременять Райан этими деталями. Он просто хотел быть с Райан здесь и сейчас.

— Это будет неправильно истолковано твоими детьми, — сказала она.

— Шутишь? Шарлотта была свидетелем того, как мы практически целовались. Ты сама видела это.

— Маркус, ей десять. Я ей нравлюсь, и она хочет, чтобы ты был счастлив, но это не значит, что она хорошо разбирается в том, сработает это или нет.

— Кто-нибудь когда-нибудь смог разобраться, что сработает, а что нет? — сказал Маркус, его собственный велосипед, стал вилять, поскольку он больше смотрел на Райан, чем на дорогу. — В реальной жизни это не поможет. Тебе просто остается верить и надеяться на лучшее.

— Но это ужасно.

— Да, это так, временами. — Рассмеялся он. — Это действительно так.

Если честно, он не мог поверить, что они обсуждали это. Он так долго ждал кого-то вроде Райан, такую сексуальную, эмоционально стабильную и настоящую. Могла ли она чувствовать то же самое к нему?

Они ехали вверх по холму, и Маркус слишком запыхался, чтобы говорить. Не желая, чтобы Райан видела его тяжело дышащим, он ускорился и проехал мимо нее, стоя на педалях, чтобы приложить к ним большую силу. Но только она сделала то же самое, прекрасно имитируя его движения и держась вплотную к нему. Когда они почти доехали до тупика на вершине холма, он решил, что с него хватит. И в изнеможении остановился, как вкопанный.

Райан резко свернула, чтобы не врезаться в него, и едва избежала падения, когда ее велосипед неуклюже занесло на бордюр.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросил Маркус. Он бросил свой велосипед и поддержал ее, обняв одной рукой за талию, а другой — за плечи.

— Да, все хорошо, — ответила Райан. Маркус отпустил ее, но остался рядом.

— Так вот, Райан, не скажу, что у меня были грандиозные планы на приезд сюда, на «Ранчо»...

— Правда? — он говорил все с такой серьезностью, вот она и дразнила его.

— Главное — избежать прессы, и, как было уже сказано, побыть в уединении. Я подумал, что такая приватность могла бы дать нам шанс узнать...

— Что, собственно, узнать, мистер Трой? — спросила она почти шепотом. Райан придвинулась к нему ближе. Они почти соприкасались друг с другом.

— Вау, ты определенно чувствуешь себя свободной. — Он и не подозревал, что у нее были игривые, соблазнительные стороны. Сейчас это было так захватывающе. Если между ними все еще существовал какой-либо барьер, то он был готов разорвать его.

— Не знаю, мисс Эванс, — сказал он. — Почему бы тебе на секундочку не слезть с твоего велосипеда, и мы могли бы решить, что.

Райан тихо засмеялась, покачивая правой ногой, перекинутой через раму велосипеда. Маркус ужасно хотел ее. В последнее время он не чувствовал такого всепоглощающего желания. Нет, не так, он никогда и никого так не хотел. Все то напряжение, что росло между ними последние несколько недель, эти близкие-но-не-совсем контакты... он совершенно отчаянно нуждался в ней сейчас.

Он прижал Райан к себе, его руки ухватились за ее гладкие, стройные бедра. Стон сорвался с его губ, когда она провела пальцами по его груди.

— Все это, вся эта поездка для тебя, Райан. Ты понимаешь это, не так ли?

Она улыбнулась. Он думал, что она будет стесняться, но она выглядела какой угодно, только не смущенной.

— Это не может быть правдой, — дразнилась она. — Я ведь просто няня.

— Ты гораздо больше. — Он был так рад покончить со всякой неизвестностью, со всеми ожиданиями. Он ждал, чтобы сказать ей, что чувствовал, ждал, чтобы поцеловать ее, ждал, чтобы изучить тело, которое он вожделел.

— Я хотел тебя с того момента, как увидел, — сказал он.

— Я знаю. — Она провела руками по спине Маркуса, по плечам, и пропустила пальцы через его волосы. Он не мог поверить, что это, наконец, происходит. — Теперь-то ты поцелуешь меня или нет?

Но Маркус, внезапно передумал, он захотел подождать, чтобы еще минутку насладиться восхитительным предвкушением. Он понимал, что у них никогда не будет снова их первого поцелуя. Хриплый стон сорвался с ее губ, когда он обернул руку вокруг ее хвоста и одним плавным движением стянул резинку.

— Что ты делаешь? — задохнулась Райан.

— Я хочу увидеть тебя с распущенными волосами.

Он положил ладони на ее плечи, отстранился и взглянул на нее. Ее шелковистые каштановые волосы рассыпались вокруг ее лица. У него было такое чувство, будто увидел ее впервые.

— Ты великолепна. — Пальцами он провел по ее горлу, слегка поласкал ее там. Ангел Смитти, дремавший так долго, вновь появился на его плече. «Сделай это, чувак», — выдал он.

— О, Боже, — выдохнула Райан. Она зарылась пальцами в волосы Маркуса и потянула с силой, которая удивила его. Было почти больно, но это была сладкая боль.

Маркус тоже сжал ее с отчаянным голодом, и когда его губы встретились, наконец, с ее, он обнял Райан еще крепче, как будто она — это единственное, что удерживало его от падения или потери сознания. Ее губы и язык растворились в его, и он слышал звук — мелодичный, умиротворенный вздох, — хотя и не понял, чей. Он жадно прижал свои губы к ее. С помощью их губ и языков, они дразнили друг друга, заигрывали, задавали вопросы и давали ответы в бессловесном диалоге. Маркус почувствовал жар солнца пустыни, которое

согревало их сплетенные тела. И пустота в груди, все еще заполненная вакуумом, — бездонный колодец страстных желаний и стремлений, которые были скрыты там так долго, что он забыл об их существовании, — наполнилась воздухом и светом.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Граница

— Не мог дожидаться вас, детки, чтобы отведать эту еду, — сказал Маркус Шарлотте и Майлзу, когда «Улетный автобус» неторопливо проезжал вдоль кампуса университета Нью-Мексико. — Лучшая мексиканская кухня в Альбукерке.

Шарлотта закатила глаза.

— Главное, чтобы было лучше, чем Эль Топо⁴⁵, папа.

— Это намного лучше, чем Эль Топо, — заверила Райан. Ее живот начинал болеть только при мысли о целой куче жареных бобов в забегаловке в Бигфорке, где она проработала официанткой шесть недель после окончания второго года в средней школе.

— Здесь не мексиканский ресторан, — заявил Маркус, когда они подъехали к ресторану «Граница». — Но все же. Это то, что нам нужно.

Райан в конечном итоге согласилась, что было бы замечательно попробовать домашние лепешки, обычную, но с насыщенным вкусом фасоль и слегка пряный рис. В конце концов, это просто еда. Она все еще не могла понять, зачем Маркус настоял на том, чтобы забрать детей в аэропорту Альбукерка, а не в Денвере — месте проведения завтрашнего вечернего шоу. Стоило ли делать такой крюк за возможность съесть несколько вкусных такос, когда у них, по словам водителя автобуса, впереди целых шесть часов езды? Они находились более чем в шестидесяти милях к северу от Санта-Фе, а Майлз, который всеми правдами и неправдами получил в ресторане две экстра-большие колы, все еще расправлялся с кофеином и сахаром.

Если бы не заезд в «Ранчо Каньон», днем ранее Маркус выступил бы в Альбукерке, но он настоял, несмотря ни на что, совершить его ежегодное паломничество в «Границу». У него была раздражающая привычка выбирать путь наибольшего сопротивления, и Райан смогла оценить необычные причуды рок-звезды. Конечно, он был наименее практичным человеком из всех, кого она когда-либо встречала. Но когда они были наедине, он был поистине потрясающим.

После того первого поцелуя в «Ранчо Каньон», возвращаясь обратно, они, в буквальном смысле, устроили гонки (она все же позволила Маркусу выиграть), кое-как с грохотом побросали свои велосипеды у стенки кладовки. Им не было необходимости произносить слова. Они отправились в номер Маркуса так быстро, как только могли унести их ноги, хихикая, как нашкодившие подростки, пока бежали по каменистым дорожкам к кирпичным коттеджам. В течение следующих трех дней комната стала их «мирной обителью», а также местом для совершенно другого рода занятий. Они были очень осторожны, чтобы никто не заметил их входящими или выходящими, и вели себя соответственно перед остальной командой, чтобы, как они надеялись, никто ничего не заподозрил.

Коттедж стал своего рода убежищем для них. Там Райан, в руках Маркуса, с удивлением поняла, что прежде она никогда не ощущала силу мужского пристального внимания; она не знала, что мужчины были способны на все обращать внимание. И она никогда не чувствовала, что кто-то прилагал такие усилия, чтобы понять ее и услышать. Неужели все парни в свои тридцать такие внимательные и заботливые? Вся боль и трудности отношений Маркуса и Бьянки сделали его лучше, заботливее? Или он всегда был таким добрым,

ласковым и мудрым под личиной испорченной рок-звезды? В любом случае, кажется, ей повезло встретить самого проникательного и щедрого мужчину в мире.

Было восемь тридцать, и солнце уже начало садиться. Шарлотта включила настольную лампу, полная решимости взяться за книгу, которую она захватила в Лос-Анджелесе, и Майлз, слава Богу, наконец утихомирился, примостив голову на отцовский живот, его грудь ритмично поднималась и опускалась. Райан прикрыла глаза и потихоньку задремала.

— Ты не спишь? — прошептал Маркус Райан.

Она открыла глаза и насмешливо сморщилась.

— Больше нет.

Он рассмеялся.

— Лгунья, ты и так не спишь.

— Ты шутишь? Я устала. Кто-то позволил этому маленькому сорванцу выпить не один, а целых два самых больших стакана газировки, какие я когда-либо видела, и он носился туда-сюда по этому проходу, как будто он мини-копия Усэйна Болта⁴⁶.

— Что я мог поделать с политикой бесплатных добавок в «Границе»? Я всего лишь поощрил Майлза воспользоваться ею. Я не хочу, чтобы он вел себя как избалованный сыночек рок-звезды. Я хочу, чтобы он был бережливым.

Райан хмыкнула. Маркус, этот любитель рисковать, перегнулся через сиденье, прикрыл одеялом Майлза ее колени и схватил ее за руку.

— Я чувствую, как будто мы в седьмом классе, — прошептал он.

— Знаю, — Райан улыбнулась. Теперь, когда Шарлотта и Майлз вернулись, она и Маркус согласились снова перевести их отношения в профессиональный режим — не надо смущать детей — и воздержаться от любых публичных проявлений чувств. Само собой, это было немного неприятно, но также сильно, как она хотела Маркуса, Райан признавала преимущества таких ограничений. Оказывается, просто держаться за руки так опасно и сексуально. А что касается всего остального, она надеялась, что так или иначе, это может продолжиться и дальше.

— Это странно, но и бесподобно тоже.

— Правда? — Он наклонился к ней, и она почувствовала его запах: чистый, свежий и мужественный. — Ты так думаешь?

— Это так захватывающе, не так ли? — прошептала Райан. — Запретная любовь, ну, ты понимаешь?

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, но это сводит меня с ума-а-а-а, — застонал он.

Они услышали приближающиеся по проходу шаги, и минуту спустя мимо прошел Алекс. Маркус отдернул руку.

— Ладно, это безумие. Я тридцатичетырехлетний мужчина, черт возьми.

Райан почувствовала, что ей нужно как-то его успокоить.

— Удача улыбается лишь тем... — сказала она, поглаживая его руку над одеялом.

— ... кто умеет ждать, — продолжил Маркус. — Знаю, знаю, знаю.

Он комично стукнулся головой о спинку находящегося перед ним сиденья.

— Не поранься, рок-звезда. Если ты сделаешь это, я единственная, кто будет виноват.

— В любом случае, нам нужно быть осторожными только до конца тура.

— Знаю. Шарлотте и Майлзу будет трудно это понять, не так ли?

Райан думала, что они уже пришли к соглашению по этому вопросу.

— Ну, боюсь, тут кое-что другое. — Он вздохнул и вытащил из кармана конверт. —

Надо было сказать тебе об этом раньше, но я не хотел все портить.

— Что? — спросила Райан. — Что это?

— Это повестка в суд. — Маркус наклонился вперед и потер руками голову. — В следующий вторник, в то время как вы, ребята, будете где-то между Далласом и Сан-Антонио, мне надо быть на слушании в ЛА.

— Что? По какому вопросу слушание об опеке?

— Это из-за тех фотографий. Бьянка дала волю своей бурной фантазии, как и все остальные в стране.

— О, нет, Маркус. Мне так жаль. — Она снова сжала его руку. Ей хотелось перенестись с ним обратно на «Ранчо», где они были защищены от стрессов внешнего мира. — Когда ты, все-таки, получил это? На «Ранчо»?

— Да, в среду.

— Но это было, когда мы... проводили время вместе. Почему ты не сказал мне?

— И испортить самые лучшие три дня в моей жизни? — прошептал он. — Никогда.

— Ты должен был сказать мне. — Райан не могла поверить, что Маркус держал это в себе столь долгое время. Он так изумительно обращался с ней, был так сосредоточен на ней на «Ранчо». А тем временем он уже начал вести судебную тяжбу, ставки в которой не могли быть еще выше. Она понимала, почему он скрывал эту новость от нее, но хотела бы, чтобы он поделился ею. Возможно, это заставило бы его чувствовать себя лучше.

— Ты ничего не смогла бы поделать. В любом случае, мой адвокат уже занимается этим. Она полностью владеет ситуацией.

— Чего хочет Бьянка? Что она задумала?

— Для начала, она не хочет, чтобы дети были со мной на гастролях. — Райан могла увидеть, как он взволнован. — Честно говоря, если бы Синтия не была одной из самых крутых юристов в Нью-Йорке, думаю, что их бы не было на этом рейсе в Альбукерк.

— Ты должно быть шутишь. Эти фотографии — они ничего не доказывают. Ты просто касаешься моего локтя.

— Понимаю, что это не секс-видео со звездой. — Он засмеялся, мотая головой в смятении. — Но в законе об опеке все может быть очень субъективным. Конечно, когда в дело вовлечены дети, приличия очень важны. Насколько я знаю, Бьянка может утверждать, что публикаций о нас, общественного мнения о том, что ты и я вместе, достаточно, чтобы навредить детям.

— Но ты не можешь повлиять на это.

— Это наименьшая из моих проблем, — сказал Маркус. Вдруг, он показался ей таким уставшим. — Похоже, она будет настаивать на полной опеке.

— Но ты и так практически их не видишь! — она не могла поверить, что такой шум был поднят и из-за... чего?

— Знаю. Но после развода с Бьянкой так было все время. Шаг вперед, два шага назад.

— Ох, Маркус. Это ужасно. — Она хотела обнять его, хотя, конечно, это было бы скандально и контрпродуктивно, не так ли? Что случилось с миром, если два человека не могут немного утешить один другого? — Хочешь, я приду для моральной поддержки или вообще, без разницы для чего?

— Моя прекрасная, сексуальная няня всегда наготове? Думаю, это может принести больше вреда, чем пользы, — они оба рассмеялись. — Не волнуйся, — сказал он. — Я разберусь с этим.

Он немного оживился, словно приготовился к бою.

— Я знаю, — сказала Райан. — Я знаю, ты разберешься. Просто...

— Что?

— Ты уверен, что никто не знает, что мы переспали?

— Я вполне уверен. Я имею в виду, может быть, Смитти или Серена знают, но они никогда никому не расскажут. И даже если какой-нибудь шпион появится из ниоткуда и даст показания, детей с нами не было — они были за сотни километров. И мы были двумя взрослыми, наслаждающимися друг другом в полном уединении.

— Но это не будет выглядеть хорошо.

— Честное слово, все будет хорошо. Вот увидишь.

— Не знаю...

Внезапно, Райан даже толком не поняла, что произошло. Еще мгновение назад она чувствовала себя так близко к Маркусу, так комфортно рядом с ним. Но сейчас, казалось, было эгоистично даже подумать о том, чтобы быть с ним — не их ли отношения стали причиной того, что он рисковал потерять своих детей? Он, Шарлотта и Майлз были такой милой маленькой семьей, и она гордилась, что до недавнего времени была в состоянии создать стабильную обстановку, где дети могли бы приятно и полезно провести время со своим отцом. Но теперь из-за нее Маркус рисковал потерять их на время тура или, возможно, гораздо дольше.

Сейчас она практически могла представить заголовки: *«Райан Эванс — Няня или Разлучница?»*. Маркус закрыл глаза, и она вытащила обратно свою руку и положила ее на колено. На улице было темно. Выглянув в окно, единственное, что она смогла увидеть — черное небо, ее отражение и, ниже несущегося с большой скоростью автобуса, маленькие белые черточки, летящие вдоль дороги. Те беззаботные дни на «Ранчо» казались такими же далекими, как и мечты.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ВИП

После второго выхода на бис Маркус вытерся полотенцем, а потом помчался в гримерку, чтобы принять душ и переодеться. Он вспотел в своем сценическом костюме уже после третьей песни, затем остыл и снова вспотел. Дважды. Что такого гламурного в этой работе? Это была одна из тех ночей, когда шоу-бизнес казался просто нескончаемой тяжелой работой. И теперь после того, как в течение двух с половиной часов он изливал свою душу на сцене, выкладываясь по полной перед этими пьяными денверцами, ему пришлось идти и любезничать на чертовой вечеринке.

Примерно пять лет назад, откуда ни возмись, вдруг стало обязательным для рок-звезд устраивать после шоу тусовки с особыми ВИП-фанатами. Вместо того чтобы перехватить еду в местных забегаловках или пить пиво на пару с группой, Маркус сейчас тратил свое драгоценное, раньше бывшее личным, время на людей, которые готовы отдать несколько сотен долларов только за право потусоваться с ним и сделать пару кадров, чтобы они смогли похвастаться перед своими друзьями, что «были знакомы» с Маркусом Троем.

Но прежде чем оказаться в зеленой комнате, он попытался прояснить свое отношение ко всему этому за дверью. В конце концов, Маркус любил людей, как простых смертных, так и ВИП-персон, и он не хотел кусать руки, которые его кормили. Не стоит забывать, что это были его поклонники. Он был обязан их уважать. Он не хотел быть здесь без них — здесь, не в смысле на дурацкой вечеринке, конечно же, но здесь, чтобы заниматься искусством, общаться с фанатами и обеспечивать крышу над головами своих детей.

Маркус мечтал, чтобы Райан была вместе с ним как пара. Прошлой ночью она сонная вышла из автобуса и после того, как помогла ему уложить детей, сразу пошла прямо в свою комнату. Он умирал от желания снова почувствовать ее рядом с собой, чтобы убирать волосы ей за ушко и позволить своим рукам нежно касаться ее бедер, как тогда, когда они катались на велосипедах. Он даже подумывал о том, чтобы прокрасться в ее комнату и нырнуть в кровать рядом с ней. Неужели, если он откажется провести еще одну ночь с Райан, то это решит все его проблемы?

Но он сдержался еще раз. Завтра он полетит из Денвера в Лос-Анджелес на слушание. Через двадцать четыре часа все будет закончено. Останутся с ним дети или нет, но его отношения с Райан будут развиваться своим путем, свободным от любой опасности. Он сможет подождать еще один день, не так ли?

— Привет, Алекс, — сказал Маркус, настолько погруженный в свои мысли, что уже почти прошел мимо того в сторону зеленой комнаты.

— Ох, я рад, что встретил тебя, Маркус.

— Что случилось? Все готово?

Они превратили эти ВИП-мероприятия в целую науку. Двадцать пять или тридцать человек должны были собраться в зеленой комнате, и они появились там сразу, как он покинул сцену. Это были в основном немолодые белые парни с уже наметившимися животами и их улыбающиеся жены — жертвы пластической хирургии. Он хотел пообщаться с ними, сделать несколько совместных снимков, поделиться парочкой хорошо отрепетированных шуток и возвратиться минут через сорок в отель. Тогда он смог бы

уложить детей спать и подольше отдохнуть перед утренним рейсом.

— Да, все хорошо. Но Рокки позвонил и сообщил об одном парне, у которого нет пропуска...

— Да? Ну и что? — Алекс не должен был докучать Маркусу такими мелочами. Если у парня нет бейджа с VIP-пропуском, то парень не попадет на вечеринку, и точка. — Плати и играй. Просто скажи ему, чтобы проваливал.

— Ну, он говорит, что друг Райан.

— Правда?

— Он был очень настойчив.

— Как его имя?

Алекс нажал кнопку вызова на рации.

— Рок, ты знаешь имя того парня?

Маркус услышал грубый, с помехами ответ:

— Ух-х... Ник.

Маркус на мгновение задумался.

— Спроси его фамилию.

— Как его фамилия, Рок?

Еще больше помех в рации.

— Лидхольм. Ник Лидхольм.

Фамилия незнакомая, но имя, безусловно, он вспомнил, тот пропущенный звонок в его номере в Сиэтле, оно высветилось на сотовом Райан. Может это ее бывший?

— Пропусти его.

Исходя из собственного опыта, Маркус знал, что мужчина не стоит и ломаного гроша, пока ему не исполнится тридцать, и мало кто достигнет гораздо больше после. И первый же взгляд на Ника послужил лишь дополнительным доказательством этого. Неудивительно, что этот мелкий маленький мальчишка изменил Райан; в каком-то смысле Маркусу стало почти жаль парня. Райан, такая серьезная, мудрая и нежная, была просто слишком взрослой женщиной для ребенка его возраста, чтобы справиться с ней; и убежать от отношений было легче, чем признаться, что он еще не стал мужчиной. Ник не понимал, что любая другая женщина, которую он встретит, будет огромным разочарованием после Райан. Бедный, глупый ребенок.

Следуя инструкциям, Рок создал двум парням проблемы, пока атмосфера в очереди не стала напряженной. Затем он подал за спиной сигнал Маркусу, прежде чем, наконец, «официально» отказал им. В этот момент появился Маркус, хлопая вышибалу по спине.

— Что у нас здесь, Рок?

— Парня — два, пропусков — ноль, — сказал Рок, указывая на ламинированные пропуска, необходимые для входа.

— Ух-ты! — вытаращился здоровяк. — Маркус-чертов-Трой.

Не пытаясь скрыть своего благоговения — Маркус, о чудо, существовал не только в клипах и на обложках журналов, но и в реальности, из крови и плоти — он протянул руку Маркусу.

— Джек Бок, сэр. Это большая честь.

— Приятно познакомиться, — сказал Маркус, протягивая в ответ руку для пожатия. Он обращался только к Джеку, старательно игнорируя Ника. Сопляк, как и полагается тихоне,

стоял молча. — Я слышал, что вы, парни, друзья Райан?

— Именно так! — подтвердил Джек. — Я знаю ее с четвертого класса.

— Значит, вы хорошие друзья? — спросил Маркус, кидая в сторону Ника быстрый и пытливый взгляд.

— Точно, — заверил Джек, в то время как Нику, похоже, стало немного неловко.

— Парочка парней из Калиспелла, да?

— Верно, сэр, — Джек был горд и сиял; Ник до сих пор не сказал ни слова.

— Ну, тебе повезло, Джек. Райан крутится где-то здесь.

После того, как вышибала махнул, чтобы они проходили, Маркус дал Нику и Джеку пропуск на VIP-обслуживание. Он повел их к киоску с сувенирами и загрузил их немислимым количеством рекламной продукции, — футболками, компакт-дисками, подписанными постерами и многим другим барахлом — так что они стали похожи на соучредителей местного отделения «Общества ценителей Маркуса Троя», и им пришлось неловко прижимать вещи к груди, боясь уронить все это тяжелое безобразие. Затем он повел их в бар и угостил пивом. Взбираясь на барные стулья, у парней не оставалось выбора, как неуклюже приткнуться их напитки сверху на кучу сувениров.

Маркус сосредоточил сто процентов своего внимания на Джеке, рассматривая его как давно потерянного лучшего друга, улыбаясь и смеясь над всем, что он говорил. В то же время, разумеется, он совершенно не прислушивался к Нику, игнорируя его вопросы и избегая зрительного контакта, пока скромное участие парня в разговоре совершенно не свелось к нулю. Обращаясь с Джеком так, как будто каждое слово из его уст было чрезвычайно захватывающим, Маркус был подробно посвящен в его планы в Бозмене в Монтане, где тот изучал биологию и сельское хозяйство. Джек все воспринимал с энтузиазмом, и он точно знал чертовски много о науке земледелия. Джек мог говорить хоть на хорватском, Маркус ничего из этого не понимал, но все равно хмыкал и кивал, как будто был в полном восторге. На самом деле, Джек был симпатичным парнем, скромным и порядочным, как и многие из Монтаны, кого Маркус встретил за эти годы. Маркус смог разглядеть только один недостаток: Джек, похоже, выбрал себе в друзья хорька.

— Итак, вы говорите, что вы, парни, в своего рода длительном путешествии?

— Да, сэр, — сказали они одновременно.

— Не нужно называть меня «сэр», — они оба рассмеялись, но Маркус продолжил с каменным выражением лица. — Я имел в виду Джека. Ник, а ты можешь продолжать в том же духе.

— Да, сэр, — неловко рассмеялся Джек, когда Ник, как по команде, начал бросать злобные взгляды. Но Маркус не хотел слишком раздражать молодого человека. Он не просто старался вывести из себя бывшего Райан — у него на уме была цель покрупнее.

— Мистер Трой, — сказал Джек.

— Маркус, — действительно попросил Маркус.

— Маркус, — он хихикнул, качая головой, словно просто не мог поверить, что это происходит с ним. — Я уверен, что вы слышите это все время, но ваша музыка, ну, она так много значила для меня все эти годы. Я имею в виду, Ваши песни... они просто говорили правду, коротко и ясно. Не знаю, они просто оказали такое огромное влияние на меня.

Маркус похлопал рукой по плечу Джека.

— Это очень мило с твоей стороны, Джек. Серьезно. Такие, как ты, ну что тут можно сказать, вы — причина, по которой я продолжаю делать то, что я делаю.

— Круто, спасибо.

Маркус глотнул пива и впервые повернул табурет лицом к Нику.

— А что насчет тебя, Нил?

— Это Ник.

— О, разве? Извини, мужик. — Он также хлопнул Ника по плечу, но немного сильнее, впиваясь большим пальцем в трапецевидную мышцу парня и сильно вдавливая его на краткий, но болезненный миг.

— Ник, значит. — Еще один глоток. — Итак, Джек здесь, чтобы произвести переворот в науке о сельском хозяйстве. А что ты собираешься сделать, чтобы сделать мир лучше?

— Боже, — сказал Ник. — Я не знаю.

Он стал нервным и чрезмерно подозрительным, и Маркус понял, что ему надо быть сдержаннее, прежде чем его розыгрыш пойдет слишком далеко.

— Джек, — велел он, — оставишь меня и Ника на секундочку?

— Конечно, — ответил Джек.

Маркус отвел Ника в конец бара и спросил:

— Итак, Ник, ты здесь, чтобы увидеть меня или встретиться с Райан?

Ник заявил:

— Ну, и то, и другое, полагаю.

— Ты же понимаешь, что совершил огромную ошибку, порвав с ней, верно? — Маркус мог сказать, что Ник необязательно был плохим парнем, но он был глупцом, жертвой исключительно собственной молодости.

Ника передернуло.

— Думаю, что так.

— Ты так думаешь? Ты понимаешь, что никогда больше в своей жизни не встретишь другую такую женщину, верно?

— Да, сэр.

Маркус рассмеялся.

— Теперь ты можешь перестать называть меня «сэр». — Он подал сигнал Серене, чтобы та одолжила свой телефон, и набрал номер Райан.

* * *

Наблюдая за Майлзом, носящимся по комнате, небезопасной для ребенка, и глядя, как он был готов выколоть себе глаз о каждый имеющийся в номере угол, Райан спрашивала себя, будет ли это тяжким преступлением или просто правонарушением, если подсыпать пятилетнему ребенку Эмбиен⁴⁷ в Джуси Джус⁴⁸. Но, если предположить, что Бенджамин и Усатый установили в люксе прослушку, тогда она могла только представить себе все те заголовки про злобную няню, которые могут появиться, и вместо этого решила использовать всю свою силу убеждения.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Ее телефон зазвонил. Это была Серена.

— Привет, — ответила она. — Что случилось?

— Это я, — сообщил Маркус.

— О, привет. Что я могу сделать для тебя?

— Ну, я думаю, этот вопрос может оказаться намного более важным, итак, что я могу

сделать для тебя? Представь себе, похоже, твоего бывшего парня вынесло на берег.

У Райан было предчувствие, что нечто подобное может произойти. Но, все же, это не значило, что она была к этому готова.

— Ник? Но он же не ВИП.

Она не имела в виду ничего смешного, но, как бы то ни было, Маркус рассмеялся.

— Я бы сказал, что он «Весьма Идиотская Персона».

— О, Боже. Пожалуйста, скажи мне, что он не рядом с тобой.

— Я достаточно далеко.

— Ладно, что же мне делать? Я не хочу его видеть. — Майлз задремал на другом конце дивана, и она надеялась, что на всю ночь.

— Помнишь, мы говорили о том, что надо встретиться лицом к лицу со своими страхами?

Она была совсем не готова к этому.

— Конечно.

— Почему бы мне не отправить его к тебе? Я гарантирую: всего несколько минут с этим мальчишкой — и после ты будешь чувствовать себя на миллион баксов.

Райан сомневалась в этом, но Маркус был так убедителен. Чего ей терять?

— Хорошо, — сказала она. — Пусть приходит.

* * *

— Сейчас придет твой бывший парень? — спросила Шарлотта. — Тот, кто тебя бросил?

— Шарлотта, пожалуйста, — произнесла Райан, надеясь, что ребенок не ляпнет что-нибудь подобное в то время, когда Ник мог появиться в дверях в любую секунду. — Тебе давно пора спать.

— Но я хочу с ним познакомиться, — объявила Шарлотта, как если бы она попросила дополнительную ложку мороженого.

— Ни в коем случае, — серьезно сказала Райан. Она встала и посмотрела на Шарлотту.

— Ну, пожалуйста. Я буду себя хорошо вести.

— Пойдемте, юная леди.

Но только она повела Шарлотту в ее комнату, как раздался стук в дверь.

— Да! — обрадовалась Шарлотта, убегая, чтобы ответить.

Райан кинулась за ней, но было слишком поздно. Шарлотта ринулась к распахнувшейся двери, где стояли Серена и удивленно глазающий Ник.

Серена, мгновенно оценив ситуацию, поймала Шарлотту в свои объятия. Как паучиха муху в книге «Паутина Шарлотты»⁴⁹, которую Маркус читал своей дочери в автобусе.

— У меня есть кое-что особенное для тех девочек, кто ложится спать! Пойдемте, барышня! — обратилась она к девочке. Райан восхитилась, насколько непринужденнее сейчас Серена стала с детьми, чем в начале тура. Эти новообретенные навыки наверняка пригодились.

— Спокойной ночи, Шарлотта. — Райан поцеловала ее в щеку.

— Но я хочу познакомиться.

— Шарлотта, — очень строго проговорила Райан. — В другой раз.

Повернувшись и указывая пальцем на Ника, девочка заявила:

— Ты глупый человечек! — И высунула язык. Ник был слишком удивлен, чтобы

отреагировать, но Райан виновато рассмеялась, благодарная за то, что появилось два поколения семейства Трой, готовые ее прикрыть.

Райан помахала на прощание своей маленькой защитнице и, после неловких объятий, спустилась с Ником на лифте в фойе.

— Отлично выглядишь, — сказал Ник. Она поблагодарила его, но была настроена скептически — это просто вежливость? Заглянув в бар отеля и увидев, что там очень шумно, они решили туда не ходить, а вместо этого прогуляться несколько кварталов вниз по почти безлюдным улицам Денвера.

— Итак, ты классно проводишь время? — спросил Ник.

— Конечно, — ответила Райан, ее голос звучал более уверенно, чем она чувствовала на самом деле. — У меня есть возможность увидеть такие уголки страны, которые я никогда не видела раньше, вот как этот очаровательный кусочек современного Денвера.

Она махнула рукой в сторону многоэтажной автостоянки и безликого офисного здания.

— Смотрю, у тебя еще осталось чувство юмора.

Райан попыталась вспомнить все, что собиралась сказать Нику, но ничего не придумала. Хотя, она впервые хорошо его рассмотрела, и то, что она увидела, вызвало улыбку на ее губах — Маркуса здесь не было, но его красивое лицо смотрело на нее с футболки ее бывшего, которая ему была настолько велика, что смотрелась как платье. Ник также красовался в бейсболке и жакете с символикой группы. Он нес в руке два компакт-диска и каким-то образом удерживал на сгибе локтя плакат.

— Ты настоящий супер-фанат, не так ли, Ник?

— Точно, я выгляжу немного смешно, да?

— Только чуть-чуть.

Райан никогда не понимала образ мыслей мужчин, надевающих майки со спортивной символикой или концертные футболки — зачем взрослому мужчине носить на спине имя другого человека или его образ? Это казалось старомодным и как-то по-детски.

Ник неловко передвинулся, но что он хотел, стащить «платье» с Маркусом Троем, в которое он был одет и подбросить его в воздух? Он застрял с халявными сувенирами, по крайней мере, пока он и Джек (они с Маркусом, став сейчас, несомненно, лучшими друзьями, пошли в ВИП-бар выпить по бутылке пива или по две) не вернутся туда, где они остановились. Интересно, идея этой шутки принадлежала Маркусу?

«Преодолей свои страхи», — сказал он. Ник ей причинил боль, и она все еще боялась, что он или кто-нибудь еще снова сделает ей больно. Но когда она буквально столкнулась лицом к лицу со своим экс-бойфрендом, страхи, с которыми ассоциировался этот мужчина-ребенок в бесформенном платье-футболке, украшенном гигантским логотипом «МАРКУС ТРОЙ», только заставили ее смеяться. Какой подарок преподнес ей Маркус!

— Что тут смешного? — спросил Ник.

— Ничего, — ответила она, хотя ей потребовалось еще мгновение, чтобы остановиться. Она ведь не собиралась сказать ему, что Маркус намеренно выставил его в глупом виде в качестве некоего одолжения ей? — Просто... я подумала о нас. Мы были влюблены в Монтане, не так ли? И вот мы здесь, в Колорадо, на концерте Маркуса Троя. И я понимаю, что вообще-то едва тебя знала.

— Да ладно, Райан, — сказал Ник, снимая кепку, и, наконец-то, выглядя отчасти взрослым. — Мы знали друг друга.

У Ника действительно были красивые волосы, светлые и шелковистые. Но неужели он

всегда был таким тощим? Райан предположила, что рядом с Маркусом многие парни так смотрелись. Она просто не помнила, что Ник выглядел так по-мальчишески и несерьезно. Или он изменился, или дорога и Маркус изменили ее?

— Ник, — сказала она. — Почему ты продолжаешь общаться со мной?

— Не знаю, я подумал, что мы могли бы остаться друзьями?

Они проходили мимо метро, и Райан подумала, как было странно, что этот разговор, который она много раз представляла, происходил в самой банальной обстановке из всех возможных. Хотя, он мог бы состояться где угодно.

— После того, что ты и Нат сделали? Думаешь, после этого дружба возможна?

— Я думаю... может и нет. — Он взглянул на нее, и на этот раз выглядел сокрушенным. — Райан, мне очень жаль. Я не хотел тебя обидеть.

Она выдохнула и почувствовала, как боль, которая была такой реальной, естественной вещью, теперь просто слетела с ее плеч и улетела в неизвестном направлении.

— Я знаю, — сказала она. — Ты понятия не имел, что делал, правда? Ты все еще с Нат? Ник удивленно посмотрел на нее.

— Ты не разговаривала с ней?

— О да, мы все еще лучшие подруги. — Райан убедилась, что сарказм был очевидным для него. — Неразлучные.

— В любом случае, это была просто интрижка между Нат и мной.

— Оно того стоило?

— Нет. Понимаешь, мне действительно жаль. — Второе извинение за две минуты, и это после того, как в течение нескольких месяцев не было ничего, кроме равнодушного общения? *«Я выиграла извинения в лотерею»*, — подумала Райан. Но услышанное сейчас что-нибудь значило? Она предположила, что да.

— Спасибо.

— А что насчет тебя? — спросил он. — Это правда, что говорят? О тебе и Маркусе-чертовом-Трое?

— Ни слова, — заявила она, не задумываясь. Ник когда-то был ее самым близким доверенным лицом, но он никогда больше не узнает секретов Райан. Отныне, она хранила свои секреты для того, кто их заслуживал.

Позже, когда они прощались, Ник потянулся к ней с единственным последним объятием, но Райан отстранилась.

— Знаешь, что? — сказала она. — Я думаю, у меня все хорошо. Я пережила это. Я пережила тебя. На самом деле. — И после того, как она это произнесла, то поняла, что это правда.

Райан вернулась в гостиницу в одиночестве, но чувствовала себя счастливее и свободнее, чем когда-либо помнила, она не могла перестать улыбаться. Маркус Трой был настолько полон сюрпризов, и она все еще не могла поверить, что ему удалось все это так обставить. Как он мог знать, что просто возможность увидеться с Ником позволила ей понять, что, сама не зная, она уже двинулась дальше? Как он мог знать, что встреча с ее бывшим заставит ее желать его, Маркуса, еще больше? Он не мог знать, догадалась она, он просто рискнул. Но это сработало.

Мало того, что она покончила с Ником, но она больше не боялась. У нее могут быть отношения, пока ее партнер будет уверенным и зрелым — будет мужчиной.

Таким мужчиной, как Маркус.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Поцелуй и схватка

Маркус не часто нервничал, но утром он планировал вылететь на слушание из Далласа в Лос-Анджелес и не пытался это скрывать: он был в отчаянии. К тому времени, как он трижды поцеловал детей на прощание и дважды забыл, куда положил свой бумажник, даже Майлз понял, что происходит что-то необычное.

— Что с тобой, папа?

— Ничего, дружище. Я просто буду скучать по тебе, только и всего.

Райан подхватила мальчика, растрепала его волосы и поцеловала в щеку.

— Твой отец вернется прежде, чем ты заметишь, — сказала она. — Но нам нужно позволить ему уехать.

А затем обратилась к Маркусу:

— Тебе лучше уже отправляться, хорошо? Разве твой рейс не в девять тридцать?

— В десять, на самом деле, и аэропорт в пятнадцати минутах езды. Я не волнуюсь по этому поводу.

— Ты выглядишь слишком обеспокоенным, папа, — сказала Шарлотта.

Маркус, и правда, не хотел покидать теплые объятия кокона этого номера. Не прошел и месяц, а он уже был восхищен, каким чудесным единым целым стали он, Райан и дети. У них был свой привычный ритм жизни, и даже те стороны гастрольного быта, которые раньше были обыденными и раздражали, вместе с Райан стали приятными и легкими. Не то, чтобы он позволял Райан делать всю работу по хозяйству в одиночку. На самом деле, в дороге он больше занимался воспитанием детей, чем даже находясь в Бигфорке, где у него было немного обязанностей, и он не лез в дела суровой миссис Янссен. Ее стиль ухода за детьми можно назвать каким угодно, но только не открытым для вмешательства.

Маркус понимал, что эти мгновенья их совместного семейного счастья были иллюзией — Райан собиралась покинуть их в конце лета, и, что более важно, неверные представления о ее роли в его жизни стали причиной последней попытки Бьянки отобрать у него детей, — но, как ни крути, он все равно цеплялся за них. Ему никогда не было так весело, не считая моментов, когда он находился на сцене во время гастролей; он никогда не чувствовал себя ближе к детям, и Райан... ну, Райан постоянно была у него на уме.

Накануне вечером она вернулась с прогулки с сияющим Ником. Маркус сразу же это заметил и на мгновение испугался, что, возможно, они снова были вместе. Иначе почему бы она была в таком приподнятом настроении? Она выглядела более сильной и более уверенной, чем когда-либо.

— Что с тобой? — спросил он, но только после того, как они уложили детей. — Ты выглядишь...

— Какой? — заинтересовалась она.

— Такой красивой. Такой счастливой. — Это было правдой. Свет от настольной лампы освещал ее лицо, и глаза искрились. Такое привычное возбуждение мгновенно пронзило его, а может оно и не утихало вовсе. Возможно, он единственный чувствовал этот электрический импульс, в то время как она чувствовала то же, но из-за кого-то другого.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Я действительно чувствую себя счастливой.

Маркус не хотел спрашивать — не из-за Ника ли это? Он знал, что не имел права ревновать, но такая девушка, как Райан, заслуживала гораздо большего. И коль дело дошло до этого, то если она предпочла кого-то другого, он, пожалуй, не хотел бы знать об этом вообще.

— Это здорово, Райан, — сказал он. — На самом деле. Ты это заслужила.

— Спасибо, это много значит для меня.

Он хотел схватить ее в свои объятия, поцеловать ее в шею, взять ее прямо там, в гостиной, несмотря на то, что его дети спали прямо за дверью.

— Ты великолепна, ты знаешь это? — сказал он, подходя на шаг ближе к ней.

— Да и ты не так уж плох. — Она сглотнула. — Это так здорово, что ты свел меня вместе с Ником.

— Свел вас вместе? — Рассмеялся Маркус. — Я надеялся, что все будет прямо противоположным этому.

— О, так и было, — заверила Райан. — Так и было.

Она подошла к нему и обняла, их тела прижались друг к другу, ее восхитительный запах заставлял его голову кружиться от желания.

— Ты удивительная, Райан Эванс.

— Я так хочу тебя прямо сейчас, — сказала она. — Если только...

Она отступила назад, посмотрела на него, и Маркус приблизил свои губы к ее. Не прежде чем поцелуй стал поцелуем, они замерли. Его глаза были открыты, потому что он хотел увидеть этот момент, запомнить и сохранить в памяти, подобно тому, как насладиться вкусной едой перед долгим, тяжелым путешествием. Ее глаза были большими и светились, как изумрудный океан. А дальше они одновременно глубоко вдохнули, словно водолазы перед погружением, и он со сладким стоном отведал нежный плод ее губ. Райан сначала целовала его медленно, целомудренно. Но это было первым, робким исследованием его языка, и вскоре он услышал такой же мягкий стон, слетевший с ее губ, когда он стиснул ее ноги своими руками.

Маркус слегка прикусил ее нижнюю губу, она запустила пальцы в его волосы и вздохнула. Они не могли остановиться несколько минут, терлись друг о друга, как пара подростков, танцующих медленный танец. Разрывали объятия, чтобы потрогать и почувствовать тела друг друга, а затем вновь сливались вместе, их рты и губы вдохновляли их на эту мягкую, нежную борьбу.

— Я так хочу, чтобы ты мог пойти со мной в мою комнату. — Улыбнулась ему Райан.

— Если бы не тот факт, что все места, вероятно, прослушиваются Бьянкой, — сказал Маркус.

— Или Бенджамином.

— Или ими обоими, — рассмеялся Маркус. — Не могу поверить, что весь мир имеет право голоса в том, будет ли позволено случиться чему-то подобному, чему-то такому, несомненно, хорошему.

— Знаю. Это несправедливо. Но...

— Что?

— Ну, если после слушания все закончится для тебя хорошо, тогда, возможно, это может случиться.

— Боже, это будет невероятно. И все-таки, я должен добиться положительного результата.

— Ну, если ты добьешься успеха в ЛА, тогда, может быть, ты сможешь прилететь сюда и добиться еще кое-чего.

Маркус расхохотался.

— Тс-с, — произнесла Райан, тоже смеясь, — ты разбудишь их.

— Ты действительно только что сказала это? — спросил он. — Это уж слишком.

— Я просто пытаюсь дать тебе какой-то стимул.

Он снова привлек ее к себе.

— Мне нравится ход твоих мыслей.

Теперь уже утреннее настроение стало иным. Да, поцелуи Райан дали основание Маркусу на что-то надеяться, к чему стремиться. Но сейчас, когда оставалось всего несколько часов до судебного заседания, он мог думать только о том, отнимут ли у него детей навсегда.

Стук в дверь.

— Войдите, — сказал Маркус.

Это была Серена, взволнованная и напряженная, она вошла в номер с бумагами в прозрачной папке под мышкой и с телефоном, прижатым к уху.

— Маркус, я могу минутку поговорить с вами? — Кивнула она в сторону прихожей. Серена знала его расписание и то, как важен для него сегодняшний день. Если ей потребовался конфиденциальный разговор в то время, когда он собирался ехать в аэропорт, то не жди хороших новостей.

— В чем дело? — спросил он, как только за ними закрылась дверь номера.

— Ты не будешь в восторге.

— Серена, выкладывай уже.

— Мне очень жаль, — сказала она, содрогнувшись, протягивая ему планшет. В браузере, открытом на сайте ТМЗ⁵⁰, где в передовой статье написано: *«Дочь Троя подтверждает, что он любит няню»*.

Желудок Маркуса скрутило. Его дочь? Кто-то брал интервью у Шарлотты без его ведома? Он просканировал эту «статью», которая на самом деле представляла собой несколько предложений под фотографией двух людей, держащихся за руки. Снимок был такой размытый, что Маркус с трудом, но все же через мгновение понял, что на нем действительно он и Райан держатся за руки. Это была фотография, которую Шарлотта сделала в автобусе. Это случилось до того сумасшедшего вечера, но когда именно? Он не мог вспомнить.

Он посмотрел на имя автора: это снова был Бенджамин Литтл.

— Позвони Синтии, пожалуйста, — сказал он Серене. Он чувствовал себя виноватым в том, что рывкнул на нее раньше, но если прежде он только нервничал, то сейчас был в панике. — Она набросится на этого парня с такой яростью, о которой тот даже не догадывается.

Если Бенджамин думал, что может взломать телефон дочери без серьезных последствий, его ожидал большой сюрприз.

— Набираю ее прямо сейчас, — Серена почти так же хорошо справлялась со своей работой, как и Райан со своей. — Видимо, ее рейс прибыл в ЛА четыре с половиной часа назад, и она готовится к слушанию в отеле.

Когда Маркус перечитал текст под фотографией, то понял, что произошло, и впервые

почувствовал, что испугался по-настоящему. Два дня назад Шарлотта разместила фото в Инстаграме с подписью: «*Мой папа и его новая девушка (я надеюсь), Райан*», и, хотя аккаунт Шарлотты был под вымышленным только-для-социальных-сетей именем, Бенджамин как-то смог его отследить. Фото было публичным, выставленным на всеобщее обозрение, и тот факт, что для десятилетних было незаконным даже иметь учетную запись в Инстаграм, ни черта не значил. Он и Бьянка обсуждали это несколько месяцев назад. Каждый четвероклассник в Северной Америке имел аккаунт в Инстаграме, и Бьянка, видимо, не помешала Шарлотте его создать.

Маркус чувствовал себя так глупо. Что еще хуже, он мог себе представить, что был бы таким же разгневанным, как и Бьянка, если бы она оказалась такой беспечной. Теперь она могла сказать судье на заседании, что новые свидетельства безответственности Маркуса становятся почти повседневным явлением, что личная жизнь Шарлотты была грубо нарушена, и Маркусу практически невозможно будет опровергнуть эти обвинения. Как ни парадоксально, первые пару недель тура Маркус похлопывал себя по спине за то, какую большую работу он провел с Шарлоттой и Майлзом. Но теперь всему миру будет казаться, что он не сумел обеспечить им даже самые элементарные меры безопасности.

— Ты все еще пытаешься дозвониться? — спросил Маркус Серену. Она кивнула. Какой еще клиент Синтии мог нуждаться в ней больше, чем сейчас он? — Еще две минуты, и я нанимаю другого адвоката.

Наконец, Серена протянула ему телефон.

— Синтия, — сказал он. — Скажи мне. Ты это видела, да?

— Да, — подтвердила она.

— Это катастрофа, так?

— Ну, это, конечно, усложняет дело теперь, когда Шарлотта сама стала непосредственным источником информации.

Маркус это понимал. Он никогда раньше так сильно не лажал. Увидит ли он снова когда-нибудь своих детей?

— Есть идеи? Я мог бы реально использовать одну прямо сейчас.

Адвокат помолчала.

— Привези ее, — сказала она. — Привези их обоих.

— Привести Шарлотту и Майлза? Нет, я не хочу втягивать во все это детей.

— Они уже втянуты в это. Если твои права на посещения детей значительно сократятся, то это затронет Шарлотту и Майлза больше, чем кого-либо, я права?

— Безусловно.

— Так давай включим их свидетельства.

— Я не знаю. — Они сумели избежать втягивания тогда, при первоначальном слушании дела, еще шестилетней Шарлотты, и этим решением Маркус гордился. Последнее, что он хотел сделать, это выставить обоих его детей перед судьей и заставить их выбирать одну из сторон. Такой ущерб никогда нельзя будет исправить.

— Маркус, я знаю, что я делаю. Я благоразумный человек и в любом случае не причиню ни Шарлотте, ни Майлзу неудобств.

— Но можешь ли ты сказать то же об адвокате Бьянки? Этот парень — бульдог.

— Если ты хочешь сделать все как лучше, пожалуйста, просто забронируй билеты для твоих детей и тщи свою задницу в Лос-Анджелес, тогда мы сможем начать готовиться.

— Это может привести к обратным результатам, Синтия.

— Увидимся через пару часов, Маркус.

Он и Серена вернулись в люкс, и Маркус объявил:

— Кто хочет совершить небольшое путешествие?

— Я-я-я! — воскликнул Майлз.

* * *

У Райан было пять часов, прежде чем команда сядет в «Улетный автобус» до Сан-Антонио. Получив неожиданно в распоряжение свободное время, она посчитала, что приятная, длительная пробежка — это лучшее, что она могла сделать. Если она интенсивно потренируется, то, вероятно, устанет достаточно, чтобы проспать половину пути.

После ее злоключений в лесу, Райан во время пробежки старалась держаться ближе к периметру отеля. Она чувствовала себя в безопасности в окружении возвышающихся офисных зданий даунтауна Далласа, но в безликой, я-могла-бы-оказаться-в-любом-похожем-месте, городской среде, она обнаружила, что тоскует по лесным тропам северо-западной Монтаны, которые она знала и любила. Размышляя, каким большим опытом в туре стала тщательная проверка безопасности и рисков, она впервые стремилась снова оказаться дома, вернуться к более простому существованию, где ее решения не оказывали такое влияние на ее жизнь и на жизни других тоже. Как Маркус мог так жить? Как же он мог просто дышать, зная, что все, что он делал, каждое решение, которое он принимал, влияло не только на его детей, но и на его сотрудников и его поклонников?

Она повернула направо на северную Перл-стрит, и начала наращивать скорость. Когда частота ее пульса увеличилась, она вспомнила последний раз, когда сердцебиение было таким же сильным: те невероятные, горячие поцелуи Маркуса прошлой ночью. *«Я целовалась с Маркусом Троем»*, — подумала она, часть ее до сих пор не могла перестать думать о своем работодателе, как о кумире, которого любят миллионы. — *«И я, к тому же, делала с ним и намного большее»*. Но он уже не был для нее Маркусом Троем — он стал просто Маркусом, мужчиной, которому она могла, наконец, признаться, что влюбилась в него. Она сумасшедшая? Или они оба?

Даже тот поцелуй, несмотря на уединенность люкса Маркуса, был опасной дурацкой идеей. Что, если бы Шарлотта проснулась, зашла в комнату и сделала еще один компрометирующий снимок? Что, если Бьянка или некоторые ретивые репортеры, такие, как Бенджамин Литтл, действительно прослушивали отель? Она и Маркус были слишком беспечны.

В холле, когда она возвращалась в свой номер, намереваясь посвятить себе некоторое время перед посадкой в автобус через час, к ней подошла Джейси.

— Я могу поговорить с тобой? — спросила она.

Райан делала все от нее зависящее, чтобы избегать девушку с тех пор, как произошла их мелкая стычка из-за номера в первую ночь тура. У нее не было с ней проблем, — Маркус убедил ее, что не заинтересован в Джейси, и она поверила ему — но на нее это совершенно не произвело впечатление, и она предпочитала сохранять дистанцию.

— Конечно, Джейси. Что случилось?

Джейси помедлила, не смотря ей в глаза.

— Я заметила, что ты и Маркус, кажется, хорошо поладили.

Райан позаботилась о том, чтобы не выглядеть неуверенной ни на секунду.

— Мы поладили. Я его сотрудник. Он мой начальник.

— Это не то, что я имела в виду, и ты понимаешь это.

— Джейси, извини. У меня есть работа, которую нужно делать, — она попыталась протиснуться мимо нее, но Джейси обошла и преградила ей дорогу.

— Какую работу? Благодаря тому, что Шарлотта выложила фотографию, ты заработала себе выходной.

— Слушай, автобус скоро уезжает. Мне нужно собираться.

— Пожалуйста, просто выслушай меня? — выдохнула Джейси. Райан никогда до этого не видела ее такой расстроенной. — Похоже, ты классная девчонка, хорошо?

— Ух-х-х, спасибо за это.

«*Какая странная*», — подумала Райан.

— Я действительно это и имею в виду. Поэтому, просто прими это как предупреждение, ладно? Маркус...

— Я, ей Богу, не нуждаюсь в советах от тебя о Маркусе, понятно?

— Он просто использует тебя. — Она покачала головой, не поднимая глаз. — Поверь мне, я точно знаю.

Райан перестала пытаться протиснуться мимо Джейси. Теперь девушка захватила все 100 % ее внимания.

— Ты хочешь сказать, что ты и Маркус...

— Да, — подтвердила Джейси. — Вообще-то так я и получила возможность поехать на гастроли. Пока у Маркуса был перерыв в гастролях, Алекс организовал для меня пару туров по всей стране, и он пригласил Маркуса на мой концерт в Спокане. Позже Маркус восторгался, признаваясь мне, каким грандиозным было выступление, как я была великолепна, понимаешь? Он был поражен, как я выкладывалась на сцене, сообщил мне, что ему нравится, когда женщины были в такой хорошей форме.

— Я не желаю это слушать. — Райан так сильно ненавидела болтунов. Почему все считают своим долгом раскрывать друг перед другом свои глубокие, темные, глупые секреты?

— Именно поэтому ты должна услышать это. — Джейси, явно находящаяся на грани, сделала глубокий вдох, чтобы совладать с собой. — До конца тура он был со мной. Мы проводили вместе каждую ночь по пути из Омахи в Гейнсвилл. Это было здорово.

— Это касается только тебя и Маркуса. Это не имеет ничего общего с...

— Он называет тебя «потрясающей» все время?

Райан не ответила. Маркус, на самом деле, точно так же называл ее, но кого это волновало? Только потому, что Маркус был изобретательным и оригинальным композитором не означало, что он должен был изобретать колесо каждый раз, когда хвалил девушку, которая ему нравилась.

Но Джейси приняла молчание Райан как разрешение на то, чтобы не прекращать разглашать интимные подробности.

— Он хотел видеть тебя с распущенными волосами, прежде чем поцеловать тебя первый раз?

— Ты... шпионишь за нами? — спросила Райан и тут же пожалела об этом. Она не должна была дать понять Джейси, удовлетворенно сейчас улыбающейся, что та попала в цель.

— Нет, — сказала она. — Но, похоже, мне это и не нужно. Он говорил мне то же самое.

Райан не любила конфронтации, и у нее всегда было плохо с находчивыми ответами, но она не собиралась просто сидеть и терпеть это.

— Он, вероятно, просто репетировал, — выдала она.

— О чем это ты? — Джейси прищурилась, как двенадцатилетняя девчонка.

— Может быть, ты была просто разминкой, — повторила Райан.

— Разминкой для чего?

— Разминкой для меня, — объяснила Райан. — Как ты не понимаешь? Ты на разогреве, и никогда не будешь больше, чем на разогреве. Но я — гвоздь программы. Я хедлайнер.

Джейси отшатнулась, как будто ее ударили. Ошеломленная, она повернулась на каблуках и направилась обратно по коридору.

Но Райан не упивалась победой. Она была уверена, что Джейси лгала о ее романе с Маркусом, или, по крайней мере, серьезно приукрасила правду. Маркус, конечно, мог переспать с Джейси один или пару раз. Он был парнем, таким же, как и любой другой парень, а Джейси была, бесспорно, красива. Но если бы он имел с ней связь и проводил бы с ней каждую ночь в туре, к этому времени Райан должна была бы узнать об этом. Время, когда она сама была в центре внимания, показало ей достаточно. В любом случае, это было задолго до того, как Маркус встретился с Райан, и сейчас он определенно не страдал по ней — это было совершенно очевидно.

Но что действительно беспокоило Райан, так это то, до чего Джейси удалось ее довести. Она всегда гордилась, что не опускалась до уровня таких людей, как Джейси, которым так хотелось добиться от нее реакции. Но что сделало из нее то короткое время, что она провела в мире Маркуса? Хедлайнера? Гвоздя программы? Ее насмешки звучали так, как будто они вылетели из уст Джейси, а не ее.

На нее оказали давление, это было очевидно, но это не было оправданием. Она не могла снова поступать подобным образом. Она не хотела быть такой жаждущей внимания как, Джейси, или пресыщенной и холодной, как Бьянка. Но, может быть, время, что они находились в центре внимания, сделало их такими. Возможно ли для нее или для кого бы то ни было еще быть с Маркусом и в тоже время сохранить собственную значимость? Она беспокоилась о нем, теперь она точно в этом уверена. Но она не могла влюбиться в человека, если это означало предать саму себя.

«Мне нужно вернуться к себе прежней», — подумала она. — «Снова стать старой доброй Райан Эванс».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Исполнение

Маркус вернулся в отель в девять тридцать, бережно держа на руках Майлза, в то время как Серене пришлось практически тащить через холл находящуюся в коматозном состоянии Шарлотту. Бедные дети. Ну и денек у них выдался.

— Серена, ты ведь сообщила Райан, да? — спросил он. — Они, скорее всего, сразу же заснут, но Майлз, насколько я знаю, может проснуться переполненным кипучей энергией, как только я его положу.

— Ага, она должно быть уже ждет вас в люксе, — ответила Серена.

— Замечательно. — Маркус не успел позвонить Райан и даже рассказать ей новости по смс, но она была единственная, с кем он хотел этим поделиться. Когда он наклонился, осторожно проводя карточкой-ключом по считывающему устройству, убедившись, чтобы не сдвинуть и не пошевелить Майлза, он понял, что у него не было желания ни с кем делиться новостями, хорошими или плохими, уже тысячу лет. Но сейчас, все что он хотел — увидеть ее, хлопающей в ладоши от счастья, чтобы разделить этот момент вместе с ним.

Райан распахнула дверь, прежде чем у него появился шанс сделать это самому. Их глаза встретились, но как только она увидела в каком состоянии дети, то сразу все поняла и просто произнесла одними губами «Привет!» прежде, чем взять Шарлотту из рук Серены.

— Серена, большое спасибо, — прошептал Маркус. Помощница помахала рукой Райан и ее боссу и на цыпочках пошла прочь.

Маркус вот-вот останется с Райан наедине. Надо только уложить этих двоих.

В детской комнате Маркус, придерживая голову сына, медленно положил его в постель. Мальчик коротко застонал, протестуя, но мгновенно заснул без боя. Шарлотта достаточно быстро почистила зубы и надела пижаму, Маркус уложил ее и выключил свет. После, тихонько закрыв дверь, он с нетерпением повернулся к Райан. Ему хотелось обнять ее, прижать к себе — прекрасное окончание прекрасного дня.

Они прошли в дальний конец комнаты и сели на диван.

— Итак, что там произошло? — спросила она.

Маркус начал с самого начала.

— Ну, Синтия проделала потрясающую работу, подготовив всех нас в своем номере в отеле, который находился прямо за углом здания суда.

— Суда? — уточнила Райан. — Звучит устрашающе.

— Фактически, это больше было похоже, будто мы находились в конференц-зале в офисе. Судья была без ее мантии или что там они носят. Атмосфера была очень непринужденной, и в тот момент, когда я увидел ее, судью, то почувствовал, что все будет хорошо.

— Да?

— Ну, ей где-то около шестидесяти пяти, и у нее очень честное лицо. Я не знаю... я почувствовал, что, по крайней мере, могу ей доверять. И действительно оказалось, что она хотела принять самое лучшее решение для детей.

— Они были с тобой все это время?

— Нет, слава Богу. Только в конце. Когда Бьянка уже закончила поливать все грязью...

— В смысле?

— Ну, все, как мы и ожидали: что мои отношения с тобой перешли черту и стали разрушительными...

— Ауч, — Райан поморщилась.

Он вынужден был сдерживать себя и исключил некоторые из наиболее отвратительных обвинений. Зачем причинять ей боль из-за того, что Бьянка абсолютно ложно изобразила ее «плохой няней», если такая ее позиция, так или иначе, оказала обратное воздействие?

— Синтия, конечно, тут же потребовала предоставить доказательства грязных, нездоровых отношений, бо́льших, чем просто держание за руки.

— Они ничего не представили, не так ли?

— Нет. У них ничего не было. Конечно, мы пришли к соглашению, что сообщения в Инстаграме не то, что я хотел бы допустить. Если на то пошло, то под перекрестным допросом Бьянка подтвердила, что это она разрешила Шарлотте создать аккаунт.

Маркус на мгновение дотронулся до плеча Райан. Он не мог не прикоснуться к ней, не тогда, когда наконец-то был свободен.

— Рассказывай дальше, — попросила Райан.

— Ну, адвокат Бьянки, этот парень Альберт Мосс — настоящий ублюдок — попытался превратить тот факт, что я привез своих детей на слушание, против нас, говоря, что это стало еще одним примером нарушения этических норм, в чем я был «печально известен».

— Печально известен? О, черт.

— Но у судьи не было с этим вообще никаких проблем, и она задавала вопросы Майлзу и Шарлотте поодиночке, самым милым из возможных способов.

— О чем она их спросила?

— Она спросила их обо мне и о тебе, подчеркнув, что они должны быть абсолютно честными. Она сказала, что ни у кого не будет никаких проблем. Суд просто хочет убедиться, что о них заботятся надлежащим образом, знаешь... в любом случае, они оба, но особенно Шарлотта, были очень красноречивы, искренни и непосредственны, говоря обо всем этом. Было очевидно с самого начала, что ты и я, мы оба, проделали отличную работу. Шарлотта сказала, что я никогда столько не проводил времени с ними, как в этом туре.

— Ну, это здорово. А судья спрашивала Шарлотту о тебе и обо мне? Знаешь, снимок, ну и путаемся ли мы, так сказать, или нет?

— Она точно это сделала. Она была добра с ними, но и весьма конкретна тоже. Во-первых, она хотела знать, что они видели — что мы просто держались за руки или что-то большее? Майлз, конечно, был не в курсе; он не видел ничего. А Шарлотта сказала, что она видела нас держащимися за руки, и ничего больше.

— Этого было для судьи достаточно. После того, как дети вышли из зала, она сказала, что наше поведение не было вредным или неуместным, и то, что ты мой работник — не является юридическим статусом с точки зрения опеки, если только не имеются свидетельства тлетворного или неадекватного поведения. Я думаю, что прямо там я вновь обрел почву под ногами.

— Так что, получается, мы не были полностью безответственны? — спросила Райан, улыбаясь. — Мы не причинили их жизням никакого вреда?

— Как раз наоборот — они оба сказали, что им более комфортно в дороге, и что они чувствовали себя более стабильно в этой среде, чем дома.

— Что? — удивилась Райан. — Более комфортно, как так?

— Ну, Шарлотта объяснила, как много раньше вокруг находилось разных друзей-мужчин.

— Нет!

— Да. Знаешь, Бьянке хотелось заползти под камень.

Райан сидела на краю дивана и смотрела на него.

— Маркус, ближе к делу. Ты, кажется, счастлив, но что случилось? Соглашение было достигнуто?

— Совместная опека! — Все еще не мог поверить Маркус.

— Прямо пополам?

— Точно. Пятьдесят на пятьдесят.

— Потрясающе!

Потребуется еще некоторое время, чтобы уточнить все детали. Означало ли это, что Маркусу предстоит вернуться в Лос-Анджелес, чтобы не прерывать учебу детей? Или он сможет придумать способ, как устроить детей в школу в Монтане?

— Я еще точно не знаю, как все сложится, — сказал он Райан. — Но это оказалось гораздо лучше того, что я когда-либо планировал в моих самых смелых мечтах.

— Это замечательно, Маркус, правда.

Он потянулся вперед и заправил волосы Райана за ухо, затем нежно провел пальцем по щеке.

— Спасибо, Райан. Большое тебе спасибо.

— Спасибо мне? За что? Это я втянула тебя во все эти неприятности.

— Нет. Если бы не ты — то, как ты относишься к детям, ко мне, — не думаю, что у меня когда-либо хватило мужества бороться за них.

— Маркус...

Он поцеловал ее, потерся носом о ее нос.

— Это ты показала мне, что я могу быть счастлив, и что я могу стать таким отцом, которому по силам сделать счастливыми и их тоже.

Райан поцеловала его в ответ.

— Я не знаю, что сказать. Просто я так счастлива за тебя.

— А знаешь, что действительно здорово? — Он схватил ее за талию и сцепил руки за ее спиной, глядя прямо ей в глаза.

— Нет, но у меня есть ощущение, что ты собираешься рассказать мне.

Маркус рассмеялся.

— Разве ты не понимаешь? Нам не придется больше прятаться. Мы увидели худшее из того, что Бьянка может с нами сделать, и мы победили.

— Ты уверен? Больше не надо прятаться?

— И больше никаких тайных держаний за руки.

— Но ты не думаешь, что мы не должны торопиться ради блага детей?

— Дети знают, что мы заботимся друг о друге. Они знают, что это положительные отношения. И они без ума от тебя.

Маркус подошел к двери и проверил, чтобы быть уверенным, что они плотно закрыты. Затем, прежде чем она смогла придумать еще больше причин, чтобы быть осторожными, Маркус подхватил ее на руки и поцеловал. Он думал о ней постоянно и фантазировал о том, как возьмет ее в своей кровати с тех пор, как вышел из суда. В самолете он представлял себе все, что он сделает с ней, пока его не обдало потом. После нескольких часов терпеливого

ожидания он не собирался дольше сдерживаться.

— Да, — прошептала Райан. Она поцеловала его шею и слегка прикусила его ухо. Он положил ее на кровать и медленно, не торопясь, раздел ее.

И сейчас у них было все их время.

Маркус проснулся спустя всего десять минут, но чувствовал себя отдохнувшим и абсолютно спокойным.

Райан, приподнявшись на локте, водила пальчиком по его груди.

— А-ах-х, — вздохнул он. — Какие приятные воспоминания...

— Прекрати, — сказала она, шутливо отталкивая его.

Вместо этого Маркус еще ближе придвинулся к ней. Но Райан отстранилась, чуть-чуть, он едва обратил на это внимание.

— О, я более чем в порядке. Просто...

— Что?

Райан покачала головой.

— Это не так важно, и мне неловко спрашивать.

— Нет, пожалуйста. Скажи мне.

Она глубоко вздохнула и выдохнула.

— Ты когда-нибудь спал с Джейси? — спросила она, наконец.

— Ты опять? — Маркус резко сел. Райан застгла его врасплох. Наедине с ней, в туманной безмятежности люкса, Джейси была последним человеком, о ком он думал.

— Ты не заставишь меня повторить это, так? Это твои слова, не мои.

— Боже, нет.

— Ты уверен? — она закусила губу. — Если даже это случилось, все хорошо. Я имею в виду, что это было задолго до нашей встречи.

— Райан, правда — никогда. Серьезно, она настолько далека от моего типа, насколько это возможно.

— Я верю тебе, верю. — Она нежно сжала его руку, и он почувствовал облегчение. Он представил, каково было бы потерять ее, насколько велика будет потеря. — Просто... Ты помнишь, как попросил меня распустить для тебя волосы? Перед тем, как мы поцеловались на «Ранчо»?

— Конечно, помню.

— Ну так, она сказала, что ты просил ее однажды об этом.

Маркус потер подбородок, пытаясь вспомнить. Говорил ли он что-нибудь подобное Джейси? Алекс пристал к нему чуть больше года назад, попросив его приехать в Спокан, чтобы посмотреть на горячую новую автора-исполнителя песен, которая оказалась дочкой его старого приятеля Эрла Ричардса. Маркус не хотел ехать — он был в эпицентре страшной депрессии, — но Алекс убедил его, сказав, что небольшое путешествие будет самым лучшим выходом для него. Когда он увидел Джейси и ее группу, удивительного гитариста Брэди и потрясающую ритм-группу⁵¹ он понял, что девушка обладает огромным потенциалом. У нее были сильные легкие, много хороших песен, написанных в соавторстве с Брэди, и она выглядела и работала на сцене как молодая Шанайя Твейн⁵².

— Боже мой, — сказал он, наконец. — Я вспомнил. На сцене она была с волосами, собранными в хвост, и я сказал ей, что она выглядит слишком сдержанной, слишком зажатой.

— Это похоже на тебя.

— Если ты думаешь о нашем уроке езды на велосипеде, то все было не так.

— А как это было?

— Она попросила меня высказать свои замечания о ее образе — и образе всей группы, — что я и сделал. Я сказал ей, что она отлично выглядит, но на сцене ей лучше быть с распущенными волосами. И предложил немного сменить ее стиль — она была одета в дизайнерскую одежду и выглядела просто супер. Но зрители не любят исполнителей, у которых все под абсолютным контролем. Им нравятся те, кто может показать свою дикую сторону, кто может на шоу немного расслабиться.

Маркус не мог сказать, рассеял ли он ее сомнения. И хотя он понимал, что кризис, вероятно, еще не преодолен, но на какое-то мгновение позволил вспышке гордости заполнить его душу. Он заставил хоть чуть-чуть невозмутимую Райан Эванс потерять контроль? Он действительно заставил ее ревновать?

— Хорошо, значит, ты определенно не спал с ней.

Он не мог сказать, она снова сомневается в нем, или просто его дразнит?

— Это она так сказала? — спросил он.

Райан помедлила.

— Однозначно, намекала на это. Она сказала, что ты был с ней каждую ночь.

— Конечно, на гастролях каждую ночь я был с ней. Но не в ее постели. Вот же маленькая лгунья.

Спустя мгновение Райан рассмеялась.

— Если бы в поездке было так же, как на «Ранчо Каньон», то она должна была бросаться на тебя каждые пять минут.

— Скорее, каждые пять секунд.

— А она симпатичная девушка.

— Она очень красивая, — пожал плечами Маркус. — Но она не для меня.

— Да? А я?

Маркус поднес ее руку к губам и покрыл поцелуями. Затем произнес:

— Я сейчас скажу тебе кое-что, просто чтобы ты знала, что ты значишь для меня.

Он сделал паузу для пущего эффекта. Он ничего не мог с этим поделать. Это в нем говорил артист.

— Что? — поторопила Райан. — Ну же, выкладывай!

— Ты первая, с кем я... был, после развода.

— «Был»? — ухмыльнулась она.

— Ты первая, с кем я целовался, занимался сексом, спал — называй это как хочешь.

Она посмотрела на него так, словно он только что сообщил ей, что был воспитан волками в пост-апокалиптическом будущем.

— Иди ты! — сказала она, хлопнув его по руке.

— Клянусь моими детьми. — Улыбнулся он, хотя она все еще продолжала скептически поглядывать на него. Его не волновало, верит она ему или нет. В конце концов, она поймет, что он говорил правду. Что он всегда говорил правду.

— Но ты тот, кто выставляет себя напоказ!

— А ты патологически застенчива, но кого это волнует?

Маркус наклонился, чтобы поцеловать ее, но Райан удержала его и вскрикнула в отчаянии:

— Я не могу понять, когда ты говоришь правду, а когда играешь.

— Это не спектакль. Я не хотел никого, пойми, никого, в течение четырех лет. Сначала я думал, что раз этот период моей жизни закончился, то моя главная работа на данный момент — просто быть таким хорошим родителем, каким я только смогу быть. Казалось, что романтическая часть меня просто, не знаю, умерла, что ли. Я смотрел на красивую девушку и абсолютно ничего не чувствовал, ничего. Но теперь я понимаю, что все это время я просто ждал тебя.

Все услышанное, должно быть, что-то сделало с Райан, потому что на этот раз она притянула его к себе, прижалась к нему губами, пробежалась пальцами по его волосам, пока страстно целовала этого прекрасного мужчину. Маркус был так счастлив, что она ему поверила. Он никогда ей не лгал, ни сейчас, и никогда и ни в чем.

Райан вывернувшись, оказалась сверху и оседлала его. Маркус взглянул позади нее, просто чтобы убедиться, что дверь в детскую была закрыта и заперта. Потом посмотрел на Райан, сидящую на нем, залитые мягким светом прикроватной лампы ее волосы спадали на голые плечи. Она была такой красивой.

— Ты снова уже готова, так скоро? — поддразнил он ее.

— Знаешь? — Улыбнулась она. — Думаю, да.

* * *

Райан лежала в постели уже сорок пять минут, разглядывая искусно задрапированную москитной сеткой кровать с балдахином, пока Маркус спал рядом с ней. «*Через пять минут, я пойду*», — подумала она. Неважно, насколько окончательной была победа Маркуса на слушании, она не хотела, чтобы, проснувшись, Шарлотта или Майлз, нашли ее в постели своего отца. Неважно, исчезли риски или нет, но на данный момент Райан была няней его детей. «*Я действительно больше не «просто няня»?*» — думала она. Все-таки детей следует приучить к мысли, что после окончания тура, им необходимо находиться в более стабильной обстановке: дома.

Она смотрела на гладкую, мускулистую грудь Маркуса поднимающуюся и опускающуюся при каждом вздохе, и подумала, что, если бы они жили в своем пузыре, вдали от сложностей мира музыки и СМИ, она бы, наверное, безнадежно влюбилась в него. Она осознавала, что они никогда не будут жить в пузыре. Неужели они никогда не смогут начать жизнь для самих себя? Два дня назад она бы сказала, что это невозможно. Он был рок-звездой, слишком известным, чтобы просто исчезнуть в безвестной жизни. Он жаловался на гастроли и выступления, но она могла сказать, что он любил, по крайней мере, часть этого. И у нее были собственные цели и мечты, не предполагающие возможность повсюду следовать за этим мужчиной и его детьми. И где тут золотая середина?

Но проводить время с Маркусом и детьми — это чувствовалось так хорошо и так правильно, и они только что добились невероятной победы в ситуации, которая казалась совершенно безнадежной, прежде чем Маркус полетел в Лос-Анджелес. Неожиданно оказалось, что эта связь стала будто предначертанной им. Казалось, что она и Маркус могут сделать все до тех пор, пока стремятся быть вместе. Все, что им нужно было сделать — уточнить кое-какие детали. Неужели это будет так трудно?

В пять сорок пять утра Райан поцеловала Маркуса в щеку. Он улыбнулся во сне и повернулся к ней. Осторожно, чтобы не разбудить его, она бесшумно выскользнула из-под одеяла, оделась и вернулась в свою комнату, желая его, но понимая, что если будет

терпеливой, то вернется к нему достаточно скоро.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Жить в пузыре

В какой-то момент, во время почти недельного пребывания в Техасе, Шарлотта и Майлз уже начали считать наклейки на бамперах, призывающие употреблять говядину — «Коровы — это мясо», «Мясо: вот, что нужно на обед», «Что бы ни случилось в веганах, в веганах и останется»⁵³. Сегодня они должны были пересечь границу Восточного Техаса и Луизианы и добраться до трассы 87.

В течение первых трех недель после судебного заседания, чтобы наверстать задержку, вызванную визитом на «Ранчо Каньон», им пришлось совершать безумные зигзаги по всей стране. На второй неделе августа команда вылетела из Канзас-Сити в Портленд, штат Мэн, где их встретил автобус, и они начали трехнедельный заезд вдоль всего восточного побережья.

Райан все больше думала о фразе «жить в пузыре», и насколько точно она описывала гастрольную жизнь. Конечно, ей навсегда запомнятся волшебные детали, отличающие один пейзаж от другого: скалистые берега и отвесные скалы штата Мэн, невероятно пышные холмы Вермонта, и тот момент, когда она и Майлз, пока Шарлотта завтракала с отцом, заметили на реке Чарльз в Бостоне одинокого гребца, ведущего тонкую, как карандаш, лодку по воде, которая блестела, как сталь. Но это были украденные моменты, редкие перерывы в жизни на дороге, которая в основном характеризовалась поразительным сходством: через некоторое время и театры, и стадионы выглядели одинаково, и похожие, словно копии, люксы Маркуса — кровать с шуршащими декоративными шелковыми подушками и ненужной москитной сеткой, мягкий синий диван — тоже были совершенно одинаковыми, независимо от города.

В обеденный перерыв в Силвер-Спринг, штат Мэриленд, Райан с детьми шла следом за Маркусом между рядами в Таргете⁵⁴, куда они зашли, чтобы купить детям дополнительные пижамы.

— Прямо, как в Калиспелле, — сказала Райан. — Точно так же.

— Я знаю, разве это не здорово? — согласился Маркус.

— Здорово? — И тут до нее дошло, что никто не заставлял Маркуса каждый раз останавливаться в одной и той же сети отелей в точно таком же номере с точно такой же мебелью. Маркус, должно быть, хотел именно этого.

— Вся моя жизнь была полна перемен. К девяти годам я сменил шесть школ в четырех городах. Я нормально отношусь к переменам. Но мне нужно, чтобы некоторые вещи в моей жизни оставались стабильными.

Он схватил ее за руку и улыбнулся перед тем, как побежать и догнать бредущего впереди Майлза.

Райан про себя улыбнулась. Рок-звезда, которая стремится к комфорту привычной рутины? Маркус продолжал ставить ее в тупик на каждом шагу. Но что означала его потребность в однообразии? Была ли это естественная реакция на непредсказуемость кочевой жизни? Или это подразумевало, что где-то под своим рокерским фасадом Маркус Трой хотел, если и не окончательно осесть, то хотя бы начать осваивать более размеренную, нормальную жизнь не только для своих детей, но и для себя? Если бы они могли

разобраться, стоит ли им остановиться на Монтане, Мичигане, Калифорнии или на каком-то четвертом варианте, о котором они еще не задумывались, у них бы все получилось, она знала это.

* * *

Ночь после слушания была последней, когда Райан оставалась до утра в постели Маркуса. Они оба согласились с тем, что ради детей им надо, по крайней мере, постараться дождаться окончания тура. Райан выразила свою озабоченность, сказав Маркусу, что ей не хотелось бы смущать Шарлотту и Майлза, и она ожидала его сопротивления. Но Маркус сразу же с ней согласился.

— Есть что-то довольно забавное в стратегии украденных поцелуев. Не забудь, мне тридцать четыре. Снова почувствовать себя подростком, даже с учетом всех ограничений, которые этому сопутствуют — ну, это не так уж плохо. И как мы уже говорили: *«Все хорошее...»*.

Маркус огляделся, убедился, что никто в автобусе не смотрел в их сторону и подарил ей сладкий, умопомрачительный поцелуй.

— *«...случается с теми, кто...»*...да, да, да, — сказала Райан после завершения поцелуя. Не было ни малейших сомнений, что этот мужчина точно знал, как украсть ее дыхание. И их добровольное воздержание делало каждый поцелуй, каждое прикосновение намного слаще. Откинувшись на спинку стула, с рукой Маркуса, лежащей на ее плече, она обдумывала преимущества отношений с более зрелым мужчиной, который знает, как наслаждаться маленькими радостями жизни.

Вместе с тем, хотя уже замаячил в не столь отдаленном будущем сентябрь, но никто из них не заводил разговор о том, что с ними произойдет в конце тура. Только Шарлотта, болтающая с Райан в задней части автобуса, в то время как ее отец беседовал со Смитти через десять рядов впереди от них, имела смелость задуматься об этом. Было страшно подумать, что десятилетний ребенок больше заботится о ее будущем, чем сама Райан.

Где-то между Балтимором и Филадельфией, Райан очнулась ото сна, чтобы обнаружить в паре сантиметров от своего лица Шарлотту, безжалостные глаза маленькой девочки изучали ее с отрешенным интересом ученого.

— Я хочу тебя кое о чем спросить, — заявила Шарлотта спокойно, но полная решимости.

— Как долго ты сидела здесь и наблюдала за мной? — улыбнулась Райан, хотя порой испытывающий взгляд Шарлотты ее нервировал.

— Несколько минут. — Ее глаза продолжали блуждать по лицу, от носа ко лбу и к скулам, избегая встречаться с глазами Райан. — Когда тур закончится, ты будешь жить с нами?

Чтобы выиграть некоторое время, Райан поднялась на своем месте и потянулась, протирая глаза и прогоняя сон. Было бесполезно пытаться отвлечь Шарлотту — сейчас Райан знала ее достаточно хорошо, чтобы понять, что она должна быстро что-нибудь придумать.

— Ну, насколько я знаю, вы, ребята, вернетесь к маме. — Все, что ей необходимо — это сказать правду, верно? — В сентябре вам нужно в школу, но вы также будете проводить много времени с отцом. Я не уверена, обсудили ли они все детали, но не сомневаюсь, что

скоро это сделают.

— Да, но ты будешь жить с папой в Бигфорке? Мы увидимся на День Благодарения?

Райан взяла Шарлотту за руку.

— Тебе, в самом деле, нравится школа, правда? У тебя хорошие учителя, и ты не слишком против домашних заданий?

Шарлотта энергично кивнула.

— Ну, у меня тоже начнутся осенью занятия в Мичигане, — сообщила Райан. — Я буду изучать, как выучить детей читать и писать.

Шарлотта надулась.

— Как далеко, — спросила она, — Мичиган от Монтаны?

Райан улыбнулась. Ответ был прост.

— Добраться можно только на самолете.

Шарлотта кивнула, ухмыльнулась и ускакала прочь, и легкость, с которой Райан удалось ответить на ее серьезный вопрос, была похожа на откровение. Она смогла бы просто продолжить свою жизнь, делать все, что ей хотелось, и по-прежнему видеться с Маркусом? Но отношения на расстоянии... говорят, что они никогда не работают?

И все-таки Райан почувствовала, что ей придал смелости неожиданный разговор с Шарлоттой. Она посмотрела назад, где Маркус и Смитти развалившись на заднем ряду, обменивались гитарными аккордами. Только один вид Маркуса наполнил ее сердце радостью. Неужто и впрямь все так просто? Они вдвоем доказали сами себе, что достаточно одарены в категории терпения. Смогут ли они встречаться друг с другом, находясь так далеко в течение двух-трех лет, которые потребуются Райан, чтобы закончить свое обучение, а потом действовать по ситуации? Сможет ли рок-звезда справиться с этим?

Сможет ли она?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Любовь всей моей жизни

Маркус понимал, что пока еще слишком рано использовать слова — даже если он и произносил их только мысленно — «совместное воспитание», но просто не мог удержаться. До Райан ему никогда не нравился этот термин, который звучал претенциозно и очень похоже на лозунг «помоги себе сам». Но теперь он осознал, что, скорее всего, невзлюбил его, потому что никогда не сталкивался с подобным. Теперь, когда Райан была с ним рядом, Маркус начал понимать, каким — он не хотел сказать легким, потому что, в конце концов, это были дети, то есть, по определению, требовательные и непредсказуемые — но, каким очевидным, ясным и осознанным могло быть выполнение родительских обязанностей. Он никогда не был лучшим отцом, чем за эти последние несколько недель, и он обязан всем этим Райан.

Маркус попросил Алекса включить в расписание после заключительного концерта дополнительный день в Новом Орлеане. Это был его самый любимый город в Штатах, если не во всем мире, и он хотел немного больше времени, чтобы насладиться им. Когда они прогуливались вниз по Роял-Стрит от отеля Хаятт во французском квартале к причудливой Фобур-Мариньи, мимо неуклюже проехал парень, которому на вид около двадцати лет, на хлипкого вида старинном велосипеде, за его спиной висела туба⁵⁵, привязанная всего лишь куском бечевки. Каким-то образом парню удавалось поесть сэндвич По-бой⁵⁶ и при этом не упасть, и он показался Маркусу подходящим символом этого замечательного города — куда бы ты ни посмотрел, ты всегда мог рассчитывать на отличную музыку, вкусную еду или то и другое вместе.

Маркус взглянул на Райан, которая держала Шарлотту за руку. Время, которое они провели вместе с детьми, было сказочным, но он хотел, чтобы она принадлежала только ему этим вечером, или хотя бы часть вечера. Завтра у них будет свободный день, прежде чем они отправятся в Атланту. Он попросит Серену присмотреть вечером за детьми и поведет Райан в «Воган», один из старейших клубов города. Или, может быть, они навестят его старого друга Кермита Руффинса, играющего в клубе, который тот открыл несколько лет назад в Нижнем 9-ом районе.

Когда их квартет побрел обратно в сторону отеля по Канал-стрит, Маркус купил каждому зонтик, чтобы укрыться от яркого солнца. Майлз сильно жаловался, но Маркус знал, что остановка в Café du Monde положит этому конец. И, разумеется, к тому времени как он расправился с третьим пончиком, мальчишка погрузился в блаженную пищевую кому. Райан, глядя на Маркуса, покачала головой, а он в ответ пожал плечами — это было их безмолвное соглашение, что пора завязывать со сладостями.

Время после судебного заседания стало самым счастливым и полным уверенности в своих силах в карьере Маркуса. Каждый вечер он играл перед полным залом и обнаружил, что, несмотря на протесты Алекса, конец мира не наступал, когда он в половину урезал график его пресс-конференций или иногда пропускал ВИП-мероприятия (Смитти дважды очаровывал толпу так, как мог, он учился). И с тех пор, как прошло слушание, каждый момент, который он проводил с Райан и детьми был спокойным и непринужденным.

В гостинице они завели определенный порядок. После того как они укладывали детей,

Райан возвращалась в свой номер и оставляла Маркуса одного, подарив ему горячие, но короткие поцелуи. В молодости Маркус не справился бы с такой краткостью, но теперь он понимал, что это было так сексуально, и что для него и для Райан самое лучшее было еще впереди. С этой женщиной он не чувствовал необходимости спешить. Он хотел насладиться каждой секундой.

* * *

Вернувшись в отель, Райан только что уложила Майлза, чтобы обеспечить столь необходимый ему сон. Маркус начал готовить свою сценическую одежду для вечернего концерта, Шарлотта в это время смотрела мультики.

Внезапно, с напором, какой Маркус редко у нее замечал, Райан вернулась в гостиную и выложила без каких-либо объяснений:

— Бог закрывает одну дверь, но открывает другую.

— Что?

На одно мгновение он подумал, что она выбрала этот момент, чтобы показать ему, какая она супер-верующая.

— Твоя песня «Я запираю двери». Шесть или полдюжины — один черт. Бог закрывает одну дверь, но открывает другую. Вот какие должны быть последние строчки.

Маркус секунду подозрительно посмотрел на Райан, но затем положил кожаные брюки, переброшенные через руку и открыл записную книжку, напевая про себя строчки. Кажется, сработало. Разумеется, было совершенно естественно, что результатом отдыха Райан станут новые строчки для песни, которую он продолжал петь на протяжении всего тура, несмотря на слабую реакцию зрителей. Понятное дело, она попросту сочинила для него куплет, не упоминая вообще эту песню неделями. Не то, чтобы две эти строчки имели логический смысл, но, каким-то образом, в контексте песни они работали отлично. Теперь вся песня слушалась намного лучше — какой подарок.

Он бросился к ней и страстно поцеловал прямо на глазах у удивленной Шарлотты.

— Эй, притормози, — сказала Райан, игриво его отталкивая. Он виновато посмотрел в сторону дочери, но Шарлотта практически сияла.

Чувствуя себя абсолютным дураком, Маркус, который всегда считал себя агностиком, уставился в потолок, благодаря этого типчика, которого все называют «Богом», за все то счастье, которое принесла в его жизнь женщина, стоящая рядом с ним.

Занятия в университете у Райан — теперь он точно знал, что тот располагается в Анн-Арбор, штат Мичиган — начнутся через пару недель. Что он будет делать, когда после окончания гастролей она их оставит? Сможет ли она найти какое-нибудь место для продолжения учебы ближе к Бигфорку, или, если такого не существует в ЛА? Или он должен будет переехать в Мичиган? Им придется что-нибудь придумать, так как то, что происходило между ними, было слишком хорошим, чтобы положить сейчас этому конец.

* * *

Маркус приезжал в Новый Орлеан после Катрины много раз, и с каждым годом город становился немного лучше. Всюду открывались новые бары и рестораны, музыкальная жизнь процветала, и вокруг было множество съемочных площадок, а НОЛА⁵⁷ стала похожа на

мини-Голливуд. Но недавно реконструированный стадион «Супердоум», вкупе с шикарной символикой Мерседес Бенц и поистине ослепительными световыми экранами, которые сегодня вечером были раскрашены в мерцающие золотые и зеленые оттенки, символизировал для Маркуса возрождение города лучше, чем любая другая достопримечательность. Стадион вместимостью более 70 000 однозначно будет самой большой площадкой, на которой он будет выступать в нынешнем туре, и Маркус считал за честь сделать это. В то же время, билеты полностью не распроданы, и он надеялся, что большинство из 50 000 человек, кто купили билеты, появятся там. Для рок-звезды нет ничего хуже, чем полупустая арена.

Но как только шоу началось, Маркус попал в свою зону комфорта. *«Просто получай удовольствие»*, — сказал он себе. — *«Расслабься»*. Он посмотрел на Смитти. Сегодня на его старом друге была надета древняя соломенная ковбойская шляпа, одна из тех вещей с большой вставкой из бирюзы на тулье, которая, вероятно, хранилась у него почти два десятилетия. Маркус задумался, что бы он делал здесь без Смитти — этого реального ангела. Он был не просто фундаментом группы — он был душой всего тура. Маркус был рад, что Смитти реальный и в своей воображаемой версии, сидящий на его, Маркуса, плече на протяжении большей части июня и июля и предостерегающий его от связи с «этой няней», как они оба думали о ней прежде, чем она стала надежным членом команды, казалось, одобрял его новые, перспективные отношения с Райан, реальной, из плоти и крови, Райан, в которую Маркус так сильно влюбился.

Когда группа ушла на перерыв, Маркус решил исполнить «Я запираю двери» с новым текстом, добавив новые строчки в конце песни, как переломную коду, своеобразный гимн. Что они вообще означали? *«Шесть или полдюжины — один черт/Бог закрывает одну дверь, но открывает другую»*. Для Маркуса эти слова подразумевали две вещи: признание, что он не мог контролировать все детали его жизни, или, на самом деле, не управлял ровным счетом ничем; и использование по максимуму новых начинаний, ранее скрытых возможностей, предоставленных ему жизнью и как родителю, и как... кому — любовнику? Романтическому партнеру? Бойфренду? Эти титулы не очень-то раскрывали его чувства к Райан, и его размышления, возможно, были глупыми. Но он чувствовал себя другим человеком, и песня подходила ему, как идеальное выражение его возрождения.

Когда он закончил, реакция толпы была на удивление доброжелательной. Маркус не обманывал себя — он знал, что никакая зрительская аудитория в мире не станет психовать из-за песни, которую они только что впервые услышали. Но, по крайней мере, на этот раз, никакие придурки не кричали: *«Мы хотим только хиты, Трой!»* — так, как это было во многих предыдущих городах.

— Вам нравится? — выкрикнул он. Зрители закричали громче, может быть, конечно, из вежливости, но Маркус думал, что это новая концовка помогла донести песню до зрителей. Он посмотрел налево от сцены на Райан — он хотел, чтобы она услышала новую коду — и кивнул ей. Она улыбнулась в ответ так же, как и дети. Когда концерт подошел к концу, Маркус был готов объявить «Любовь всей моей жизни» и позвать Райан и детей на сцену. Последние несколько недель он стал думать о Шарлотте, Майлзе и Райан, как о едином целом, и уже не имело смысла просто иметь детей. Конечно, сначала он все уладил с Райан, и теперь, когда дела у них шли так гладко, она, казалось, была на своем месте. Поэтому Маркус решил сделать еще один существенный шаг вперед: он представит Райан публике как свою девушку.

— Ты, должно быть, сошел с ума, — возразила она. — После всего, что мы пережили.

— Доверься мне, — стал убеждать ее Маркус. — Я знаю, как эти вещи работают. Как только мы покажем прессе, что будем просто скучной, моногамной парой, проводящей все свое свободное время с детьми, они потеряют к нам интерес. Это будет последним, что запомнят о нас, прежде чем закончится тур, и мы сможем начать строить...

— Что? Не стесняйся, наберись смелости и скажи это.

— Начать строить совместную жизнь. Что скажешь?

Ей нужно чуть больше веских доводов, но Маркус был убедительным парнем, и он знал, как работал пиар. Один безопасный короткий выход на сцену с последующим исчезновением по окончании тура — и трюк сработает. Конечно, некоторые ненавистники будут брюзжать, но это долго не продлится, и, в конце концов, его поклонники примут Райан и даже полюбят.

— Друзья, когда я исполняю эту песню, я обычно прошу подняться ко мне моих детей, — произнес он со сцены. — Но сегодня, я хочу, чтобы кое-кто присоединился к ним. Прошу вас поприветствовать на сцене Шарлотту Трой, Майлза Троя и мою подругу, Райан Эванс!

Майлз появился сразу, подойдя к отцу под одобрительный рев зрителей. Но Шарлотта и Райан задерживались. Маркус покосился в их сторону, но не смог разобрать, что там происходило. Он надеялся, что она не передумала.

Но очень скоро появилась Шарлотта с няней на буксире. Когда Райан заслонила рукой глаза от света, то выглядела немного неловко, но он сможет все исправить, очаровывая ее, как он очаровывал зрителей на протяжении большей части своей взрослой жизни: с помощью своего собственного пикантного фирменного стиля и агрессивного артистизма.

Как только она приблизилась к нему, Маркус обнял ее за плечи и поцеловал.

Пара парней впереди засвистела от изумления.

— Маркус, ты уверен? — громко проговорила она, но ему все-таки пришлось читать по губам, чтобы ее понять.

— Все закончилось — она теперь не сможет причинить нам вред! — произнес Маркус ей на ухо.

Конечно, зрители приняли это за сексуальный, интимный жест, и несколько человек, стоящих в первых рядах, начали свистеть и кричать, пока Райан краснела, как маньяк. Но Смитти уже начал вести отсчет для группы, и Маркус не успел решить эту проблему прежде, чем вступить со знакомыми строчками первого куплета.

— Я очень надеюсь, что ты прав насчет этого!

Маркус кивнул. Он знал, что прав. И запел песню.

Я пришел в этот мир испуганным маленьким мальчиком,

Даже не подозревающим, что никто не подарит мне хоть немного радости.

Но человек сможет покорить гору, если дать ему достаточно веревок,

И безнадежная душа сможет влюбиться, если дать ей надежду.

В то время как толпа заревела, Маркус закинул свою акустическую гитару за спину и вцепился в руку Райан, которая танцевала техасский тустеп⁵⁸, глазами приглашая присоединиться к нему. И, спасибо всем звездам, она пошла-таки с ним, улыбнувшись, когда публика поддержала ее. И она неплохо танцевала.

Когда влажная от пота рука Маркуса сжала ее влажную руку, он смог почувствовать ритм пульса Райан. Он посмотрел на нее и улыбнулся, и мир вокруг них, казалось, исчез. Он был просто Маркусом, а не какой-то там большой рок-звездой, и все, что он пел Райан, лилось прямо из сердца. И он мог сказать, что она наслаждалась этим.

— Народ! — прокричал он в микрофон. — Вы влюбились в эту женщину так же, как я?

Он снял микрофон со стойки и схватил его обеими руками, эффектно упав на одно колено, как делали его герои Элвис и Брюс. Когда он пел песни, они, казалось, были написаны для нее, только для нее одной.

Ты любовь всей моей жизни, и причина, по которой я

Стараюсь стать лучше и добрее.

Ни за что не хочу возвращаться к жизни, которой я жил прежде.

Хочу надеяться, что этого никогда не произойдет.

Да, она заставила его захотеть работать над собой, расти и меняться. И, к счастью, он тоже немного сломал ее защиту. Когда группа достигла финального припева, Райан вместе с детьми стала подпевать немного неуверенно, но с большим воодушевлением.

Маркус не хотел, чтобы этот момент заканчивался. Он никогда не испытывал такой радости ни на сцене, ни вне ее. Наконец-то, его жизнь снова ощущалась настоящей, правильной и полноценной. Райан вернула его самому себе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Крейн Хаус

Дверь распахнулась и захлопнулась. И как только Майлз забрался на кровать, Райан мгновенно проснулась.

— Майлз, — сказала она, натягивая простыню до шеи. — Ты меня напугал.

Она взглянула на часы. Было шесть пятнадцать.

— Ты в папиной кровати, — заметил Майлз, как будто это было обычным делом.

Слава Богу, футболка и трусики Райан находились на расстоянии вытянутой руки, и как только Майлз, быстро потерявший к ней интерес, стал бродить по комнате, она кое-как натянула их на себя. После концерта Райан в какой-то момент растерялась и позволила Маркусу уговорить себя остаться на ночь в его комнате. Какое это имело значение, спрашивается. Детям нравилась и она, и их зарождающиеся отношения. Более того, она будет няней еще только несколько дней. Вскоре они узнают ее в совершенно другом качестве.

Тем не менее, Райан хотела, чтобы они были более сдержанными. Сейчас она все еще была сотрудницей Маркуса, и, будучи схваченной с поличным, чувствовала себя ужасно.

— Ты знаешь, где твой отец, милый? — спросила Райан Майлза, глядя на свои джинсы, висевшие на стуле возле двери, добежать до которого, как она подсчитала, ей потребуется около 2,5 секунд. Она сделала мысленную заметку добавить спринт в ее тренировки.

Майлз не ответил, отвлекшись на фигурку, которую оставил на диване — Райан вспомнила, как она впивалась в ее спину, когда Маркус, вообще-то любитель авантюры, сделал эти удобные подушки первым пунктом их любовной игры после Супердоума — поэтому она рванула к стулу, пока мальчик смотрел не в ее глаза, а в глаза Человека-Паука.

— Доброе утро! — Полностью одетый Маркус вбежал в комнату, как будто солнце взошло не несколько минут, а несколько часов назад. — Не мог спать. Нас ожидает пара чашек латте.

Только Райан начала натягивать джинсы на свою пятую точку, как Майлз повернулся и уставился на нее. *Отлично, теперь оба мужчины из семейства Троев видели меня сегодня утром в нижнем белье.*

— Я не хочу латте, — сказал Майлз.

Маркус поставил поднос на журнальный столик, подхватил сына на руки, перевернул его вниз головой и осыпал поцелуями голый живот Майлза, который выгибал спину и хихикал.

— Вот поэтому только для тебя, приятель, я принес апельсиновый сок, тосты, круассаны, яйца, фруктовый салат и несколько ломтиков сочного бекона.

— Вау, у нас настоящий праздник, — сказала Райан, садясь на край кровати. — Маркус, подойдешь сюда на секундочку?

— Доброе утро, моя дорогая, — Маркус плюхнулся рядом с ней и поцеловал в щеку. Райан все еще протирала глаза, прогоняя сон, в то время как Маркус выглядел, словно он только что проглотил горсть пилуль счастья. Она не могла сдержать улыбку, но все же...

— Маркус, меня разбудил Майлз. Он увидел... ну, почти все. Лучше бы я не оставалась на ночь.

— А я рад, что ты осталась.

— Ты уверен? Это так безответственно.

— Почему? Потому что ты их няня? — Он снял туфли и бросил их на пол. — Что ж, тур закончился. Почему я не могу просто тебя уволить, а потом мы сможем делать все что захотим?

Райан рассмеялась.

— Хорошая попытка. Но тебе нужна причина, чтобы сделать это. Через сорок восемь часов мы вернемся в Бигфорк. А до тех пор я их няня.

— Точно. Всего два дня, и ты пойдешь своей дорогой, а я своей.

Это оказалось для Райан полной неожиданностью.

— Так ты этого хочешь?

— Конечно, нет. — Он заправил волосы ей за ухо. — Я хотел поговорить с тобой об этом. Ты уверена насчет Мичигана?

Маркус всегда слишком торопился. Но она начала привыкать к этому.

— Да, уверена. Ты хоть представляешь, как много мне пришлось работать, чтобы попасть туда?

— И ты знаешь, какие там суровые зимы, верно?

Райан усмехнулась.

— Ты хоть понимаешь, что я выросла в Монтане?

— Где там? — поинтересовалась Шарлотта, все еще одетая в свою пижаму, и схватила кусок бекона со стола.

— В Мичигане, милая, — ответил Маркус. — Там Райан собирается получить ФД⁵⁹.

— Что такое ФД? — спросил Майлз.

Маркус не колебался:

— Постоянное повреждение головы⁶⁰.

Райан и дети засмеялись.

Райан не знала, было ли это импровизированное семейное собрание лучшим местом для всех этих разбирательств, но, как обычно, Маркус не оставлял ей выбора.

— Да, во всяком случае, я выбрала Мичиган, потому что это лучшее место, чтобы пойти и все перевернуть в моей голове.

Маркус подошел к своей тумбочке, взял планшет и активизировал его.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он, протягивая планшет Райан.

На экране она увидела слайд-шоу, где был изображен так называемый «Крейн Хаус», модернистский дом, который в середине 20 века спроектировал архитектор Роберт С. Меткалф. Окруженный вековыми деревьями на холме, покрытом травой, он выглядел вполне современным, но не мрачным, и был наполнен красивой мебелью.

— Маркус... — сказала Райан.

— Что? Тебе не нравится? А мне — так очень, но вообще-то у меня нет предпочтений в отношении архитектуры. А что бы ты хотела?

— Что ты имеешь в виду? — произнесла она шепотом. Майлз не понимал о чем речь, но у Шарлотты всегда был натренированный слух, как будто в ее уши был встроен микрофон. — Жить вместе?

— Эй, расслабься, — успокоил он ее. — Я просто говорю, что хочу найти место рядом с тобой, чтобы мы могли видеться. Я изучил Энн-Арбор, и это место было одним из первых в списке объявлений, которые мне подготовили. Оно подходит мне, и это разумное вложение.

Но лучше всего то, что оно в двух минутах от кампуса.

— Но что насчет Бигфорка?

— Я и там буду жить, и дети тоже. Но от Калиспелла до Детройта всего лишь три часа полета. Будешь пирог?

— Ты сумасшедший. Ты собираешься купить это место? — Райан пыталась привыкнуть к возможности поддерживать отношения, находясь так далеко друг от друга, но если Маркус собирается приобрести дом всего в двух шагах от кампуса, это, конечно, облегчит возможность быть вместе. И что еще важнее, это означало, без сомнения, что он действительно серьезно настроен в отношении их двоих.

Маркус широко улыбнулся, а Шарлотта одобрительно кивнула, глядя на планшет через плечо Райан.

— Я не буду давить на тебя, обещаю, — сказал он. — Понимаешь, я просто хочу, чтобы мы могли продолжить то, что начали.

Райан снова пролистала слайды. «Крейн Хаус» был светлым и просторным, комфортным и стильным — мечта, а не дом. Трудно не быть взволнованной из-за возможности выделить под этой крышей небольшой уголок для занятий.

— Разве ты не хочешь этого?

— Шутишь? — удивилась Райан. — Конечно, хочу. Но... покупка дома.

— Эй, я сказал тебе, что это разумно, не так ли? И это просто хорошая инвестиция.

Он подмигнул ей.

— Ха. Очень смешно.

Ладно, значит, это не было желанием жить вместе, но почему-то предложение Маркуса представлялось еще более возмутительным для нее. Что скажут ее родители, если узнают, что один из самых известных мировых рок-звезд купил прекрасный дом для отдыха в штате Мичиган, просто чтобы он мог встречаться с ней?

Маркус наклонился и потерся своим носом о нее.

— Что ты думаешь?

Райан посмотрела на него и улыбнулась. Неужели она когда-нибудь еще в своей жизни сможет найти такого мужчину? Это было просто невозможно. Он был таким милым, готовым помочь и... великолепным с головы до ног. Его недостатки — это даже не недостатки. Это всего лишь обстоятельства, появившиеся вместе с большим успехом, которого он добился.

— Мне нравится, — сказала она, целуя его.

* * *

Позже Маркус читал роман на своем планшете, лениво откладывая поход в душ — так он мог насладиться утром еще несколькими драгоценными минутами. Было почти восемь. У него был заготовлен целый маршрут для них с Райан и детьми: прогулка по Гарден Дистрикт, посещение некоторых антикварных магазинов, ланч в кафе «Атчафалайа»⁶¹, затем, возможно, поход через весь город к каналу Сент-Джон. Ужин в ресторане «У Мими» в Мариньи, или в «Бутис Стрит Фуд» в Байуотере, а потом, уже без детей, напитки, рис и бобы в «Вогане». Было так много мест, которые хотелось посетить, и так мало времени, чтобы успеть все это сделать.

Райан уже помогла Шарлотте и Майлзу собраться и вернулась в свою комнату

подготовиться к выходу. Маркус понимал, что должен был и сам подключиться к сборам. С мелодраматическим вздохом он заставил себя вскочить с удобного плюшевого дивана.

Раздался стук в дверь.

— Заходи, Серена, — сказал он. Одно из двух — это могла быть и Райан, и она, так что он решил испытать судьбу.

Действительно, в дверь вошла его помощница. Она хмурилась, держа в руке айфон.

— Ничего не говори мне, — сказал Маркус. — У тебя есть что-то, что ты просто должна мне показать.

— Прости, Маркус, — бедняжка выглядела несчастной.

— Что бы это ни было, я уверен, что это не твоя вина.

— В любом случае, мне жаль.

Маркус не волновался. Слушание закончилось, и адвокаты уже составили новое соглашение об опеке. Судья не собиралась пересматривать свое тщательно продуманное решение из-за рок-баллады и поцелуя.

— Чей блог на этот раз? Давай сюда.

— Нью-Йорк Пост.

— Круто. — Нью-Йорк Пост был тем изданием, в котором Маркус всегда выяснял все вопросы. Он ввел адрес в своем браузере. — Хорошо, что мне смотреть?

— Это должно быть там, в верхней части страницы, — сказала Серена, наклонившись к нему и указывая.

Сначала Маркус отвлекся на заголовки *«Сирийские повстанцы сожалеют, что казнили не того парня»* и *«Женищина меняет обручальное кольцо на билеты на матч Лейкерс»*, но потом он нашел его: *«Мяу! Няня, нанятая Троем, делает свою карьеру через постель!»* На фотографии, сделанной в Супердоуме, раздраженная Райан, кажется, хмурилась прямо в камеру, в то время как Маркус, спиной к зрителям пел серенады, опустившись перед ней на колени. Может, фотограф просто поймал неловкое выражение, или Райан, возможно, понравилось ее появление прошлой ночью не так сильно, как ему?

Маркус прочитал: *«Два месяца назад никто в Америке не слышал о красоте из маленького городка Райан Эванс, в том числе и ее работодатель, икона рок-музыки Маркус Трой. Но после нескольких коротких недель, неизвестная няня изменила свою судьбу, вырубая себе место в сердце музыканта, который, как говорят многие его друзья, до неприличия доверяет ей.»*

«Райан умница, отдаю ей должное», — сказала подающая надежды Джейси Ричардс, выступающая на разогреве у Троя в летнем туре. — «Она сладкая, как пирог, рядом с Маркусом, и обернула его детей вокруг своего мизинца. Но когда он поворачивается спиной, выпускает когти».

Ричардс описала более чем один инцидент, в ходе которого кажущаяся невинной няня предстала довольно решительным агрессором. «В первую же ночь, когда я встретила ее, Райан угрожала напасть на меня в номере, в котором мы жили. Она была так близка к тому, чтобы ударить меня по голове настольной лампой».

Далее Ричардс утверждает, что «было очевидно, что Райан охотится за Маркусом или за собственной музыкальной карьерой, или и за тем, и за другим. Она сказала, что я была на разогреве не просто так, и что я всегда буду на разогреве. А она станет хедлайнером и, по ее словам, «гвоздем программы». Невероятно, как расчетлива эта девушка».

Но Джейси Ричардс не единственная жертва манипуляций Эванс. «Она украла у меня детей», — говорит Бьянка Трой, бывшая жена Маркуса и мать двоих детей, над которыми они делят опеку. — «Я не знаю, с кем ей пришлось переспать, — кроме моего мужа, — чтобы произошло то, что судья на слушании на этой неделе, рассматривающая нашу опеку, решила, что дети должны проводить с этой совершенно посторонней женщиной больше времени, чем с собственной матерью».

Госпожа Трой, планирующая обжаловать решение судьи, рассказала, что за девяносто минут, в течение которых они вместе ехали в лимузине в Южной Калифорнии в прошлом месяце, «Райан отказалась со мной разговаривать, и все время буквально сверлила меня взглядом. Она притворяется застенчивой, тихой и милой, но на самом деле всегда что-то замышляет и манипулирует. Как еще она могла оказаться там, где она сейчас?»

С прессой у Эванс тоже были трения. Репортер Бенджамин Литтл утверждает, что Райан сцепилась с ним и с фотографом на одном из концертов Маркуса. «На самом деле все случилось внезапно. Никто не пострадал, однако, Литтл говорит, что с ней рядом всегда существует угроза насилия».

— Ух ты, — сказал Маркус. — Джейси не могла выбрать время лучше. Она дождалась, когда закончатся гастроли, и поэтому я не могу ее уволить.

— Похоже на то, — согласилась Серена.

— В какой она комнате?

— Она выехала сегодня утром.

Маркус стоял, массируя виски, пытаясь успокоиться и понять, каким будет его следующий шаг.

— Мне нужно пойти в комнату Райан и поговорить с ней, прежде чем она увидит это. Дети уже готовы — ты можешь отвести их к автобусу, чтобы Райан и я смогли несколько минут побыть одни? Для нее это будет нелегко.

— Не вопрос.

За последнее десятилетие Маркус много времени провел, взвешивая плюсы и минусы своей профессии, но в последнее время негатива наваливалось все больше и больше. Сможет ли он и дальше делать это — совмещать музыку с личной жизнью? Он не мог себе представить, что больше не будет музыкантом, отказываясь от мечты, которая была у него с тех пор, как он себя помнил. Когда до комнаты Райан оставалось совсем немного, он задался вопросом, стоит ли вообще когда-либо иметь личные отношения. Возможно, это была цена, которую ему придется заплатить.

Каждая женщина, с которой у него были серьезные отношения с тех пор, как он стал успешным, как музыкант, должна была с криком бежать от хаоса, что создавала его карьера. Маркус знал, что мог бы подарить много любви и мог бы быть отличным партнером, если бы ему дали шанс. Но также понимал, что никто никогда не получал всего, что хотел. Он хотел Райан очень сильно, но боялся, что она сама может принять поспешное решение уйти, если он не сможет убедить ее в обратном.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Бог закрывает одну дверь...

Райан сидела на краю кровати Маркуса с планшетом на коленях. Она не могла поверить в то, что читала. Что еще хуже, она не могла поверить, что, однажды обжегшись, она позволила этому случиться во второй раз.

— Маркус, ты сказал, что теперь все будет хорошо.

Он опустился перед ней на колени и взял ее за руку.

— Да, это так, не волнуйся. Самое худшее уже позади.

— Позади? Они выставляют меня монстром.

— Я понимаю, но слушание закончилось и гастроли тоже. Суд знал, что все эти бульварные газетенки просто сплошной вздор. Они не смогут преследовать меня или детей.

Райан встала и откинула его руку.

— Ты действительно настолько эгоистичен? Тебя не волнует, что это делает со мной?

— Что ты имеешь в виду? Эту статью скоро забудут, — он тоже встал, потом снова протянул ей руку, но она ее не приняла. — Что ты теряешь?

— Я поступила в аспирантуру на программу развития ребенка. Я буду работать в реальных условиях — это означает, что я буду находиться в одной комнате с детьми, беседовать с ними, изучать их. Если бы ты был учителем или родителем, ты бы позволил своему ребенку находиться в одной комнате с девушкой, которую описали в этой статье? Я имею в виду слова «с ней рядом всегда существует угроза насилия». Не удивлюсь, если мне позвонят из приемной комиссии университета по этом поводу. Я могу представлять опасность для школы.

— Ты преувеличиваешь. Seriously. Все пройдет через пару дней.

— Не для меня. Всякий раз, когда кто-нибудь захочет меня погуглить, это первое, что он увидит.

— Райан, ты должна суметь видеть дальше этого. Люди читают всякую ложь, когда ищут информацию обо мне, но я научился не позволять этому беспокоить меня.

— Только лишь потому, что у тебя нет выбора. И потому, что ты также имеешь возможность наслаждаться всем хорошим, что дает тебе известность.

— Пожалуй, — Маркус выглядел таким же наивным и бестолковым, как и Майлз. Но он должен понять, как невыносимо было оказаться в орбите его славы.

— Да брось, ты занимаешься тем, что любишь, — сказала Райан. — И ты не можешь жить, не играя каждый вечер для нескольких тысяч людей, или не имея публику, восхищающуюся тобой. По крайней мере, признай это.

Теперь Маркус расхаживал по комнате.

— Ну и что ты просишь меня сделать, перестать исполнять музыку? Бросить все, ради чего я работал только потому, что только так я смогу продолжать отношения? Ты говоришь сейчас о деле всей моей жизни.

— Хорошо, быть может, я недостаточно стара, чтобы говорить о «деле всей моей жизни», но я тоже упорно трудилась, чтобы добиться того, что у меня есть.

— Пожалуйста, не сравнивай. Ты все еще можешь делать, что захочешь. Ты можешь все изменить — я не могу. Даже если бы я больше никогда не записал ни одну песню или не

выступил ни на одном концерте в своей жизни, я все равно известная личность. Где бы я ни находился, я всегда буду Маркусом Троем.

— Вот именно, и неужели ты не понимаешь, что это делает невозможным быть с тобой для меня? И для любого другого?

— И опять я повторяю, не надо делать сравнений. Послушай, давай остановимся только на тебе и на мне.

Он больше не пытался взять ее руку. И выглядел огорченным и злым. Но разве у него больше прав быть обиженным, чем у нее? Это не его только что опозорили на весь интернет.

— Трудно говорить только о нас с тобой, Маркус, когда так много других людей, которые всегда стараются вставать между нами.

— Ну что ж, я ничего не могу с этим поделать. И ты точно знала, кто я, прежде чем начала охотиться за мной.

— Я охотилась за тобой? Это ты приставал ко мне, — Райан не могла поверить в то, что слышала.

— Да ладно. — Покачал головой Маркус. — С той минуты, как ты подъехала к моему дому, ты не могла отвести от меня глаз.

— Только потому, что ты был почти голый! И я сбежала оттуда так быстро, как только смогла, потому что ты был таким наглым.

— Но ведь ты вернулась, не так ли? Почему? Потому что тебя привлекал не я, а моя известность, слава, как и всех остальных.

— Ты придурок. Я вернулась, потому что мне была нужна работа, и это единственная причина! — Она была так зла, что хотела закричать. — Ты просто невозможен, знаешь это? Думаешь, что весь мир крутится вокруг тебя и твоей карьеры. Может быть, поэтому...

Но Райан остановила себя. Это было сравнение, которое она не хотела делать.

— Вперед, давай, заканчивай свою мысль. Я самый эгоистичный человек в мире, верно? Моя личность слишком значительна, моя известность подавляет, и это в буквальном смысле душит тебя.

— Ну, да, иногда так кажется. Это душит меня, и, возможно, слишком давит на тебя.

— Ну, вот так же чувствовала себя каждая женщина в моей жизни, так почему ты должна быть исключением? Тебе нравилось ездить со мной, пока не получила пару ударов, а потом — адиос.

— Маркус, так кто сейчас сравнивает? Я не Бьянка.

— Ну, ты ведешь себя так же, как она — наказываешь меня за обстоятельства, которые находятся далеко за пределами моего контроля. Это сумасшествие.

— Не называй меня сумасшедшей.

— Я не называл. Я сказал...

— Я не сумасшедшая, и, возможно, Бьянка тоже.

Как только она это сказала, то захотела взять свои слова обратно. Но было слишком поздно.

— Что ж, она оставила меня. И теперь, похоже, ты тоже. Может быть, у вас обеих больше общего, чем я думал.

— Маркус, я... Я думаю, что должна уйти.

Она попыталась пройти мимо него, но он схватил ее за руку и удержал. Его глаза вспыхнули гневом.

— Это невозможно. Я уже уволил тебя!

Райан взглянула на него. И сквозь стиснутые зубы ответила:

— Прекрасно. Тогда, мне, пожалуй, пора идти.

Маркус выпустил ее руку из своих тисков, и теперь она была свободна. Девушка проскользнула мимо него к выходу и захлопнула за собой дверь.

* * *

Во время полета в Калиспелл Райан, впервые после поездки, оставшись совершенно одна, чувствовала себя так, как будто выдохнула в первый раз с июня. С тех пор, как Райан выбежала из номера Маркуса, она больше с ним не разговаривала. После быстрого прощания с детьми, когда она запаниковала и сказала только, что хотела бы увидеть их снова в ближайшее время, Райан, наконец-то, была свободна.

Хаос, последовавший за статьей в Нью-Йорк Пост, был необычайным. «Няня — рок-звезда», как сейчас называли Райан, привлекла международное внимание. Хотя Райан больше не говорила напрямую ни с одним представителем прессы, не говоря уже об издателях или двух кинопродюсерах, которые обратились к ней с просьбой предоставить право на публикацию ее истории, ей пришлось изменить свой номер телефона и удалить аккаунты в социальных сетях. Она чувствовала, будто ушла в подполье.

Родители подобрали ее в аэропорту, и она сама удивилась тому, что не разрыдалась прямо в зале получения багажа. Мать обняла ее и позволила проплакать на своем плече всю дорогу домой, пока отец вез их в полном молчании. Сможет ли Райан когда-нибудь найти такую же любовь, как у них, чтобы создать такую простую, доверительную связь, какую родители пронесли через десятилетия? После Ника и после Маркуса, она не чувствовала, что это когда-нибудь случится.

— Тише, тише, милая, — сказала мама. — У тебя впереди целая счастливая жизнь. Весь мир перед тобой.

— Спасибо, мама.

— Просто помни, милая. Все хорошие вещи...

Райан не дослушала предложение. В данный момент она не была очень терпеливой. Уткнувшись головой в плечо матери, она заплакала так сильно, как никогда не плакала, даже будучи маленькой девочкой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

...И открывает другую

В течение нескольких дней Маркус пытался представить свои отношения с Райан как опрометчивую интрижку, авантюру: им вместе было здорово, но продолжения не предполагалось. Так он объяснял это всем, кто спрашивал, и даже Смитти, который, наверное, мог сказать, что он лжет, но тому хватило ума позволить ему тосковать в уединении.

На время двухдневной поездки домой на автобусе агентством была прислана на замену другая няня, и в ее заботе о Шарлотте и Майлзе было много профессиональных навыков, но мало тепла. Дети были полностью подавлены потерей Райан, ушедшей без предупреждения, и Маркус старался изо всех сил объяснить им, что случилось. А что, собственно, он собирался им сказать — что они, вероятно, никогда не увидят ее? Что их отец не смог удержать ни одну женщину, поэтому даже к лучшему, что они не слишком сблизились?

Вернувшись в Монтану, он снова начал собирать по кусочкам свою жизнь. После того, как дети провели десять дней с их матерью, они снова были с ним, и теперь посещали государственную начальную школу в Бигфорке. Бьянка, заявив, что у нее нервное истощение после слушания, сбежала в Канкун со своим последним парнем. Полностью изменив свою позицию, она, кажется, не была заинтересована даже в совместной опеке, оставляя детей Маркусу на оставшийся учебный год, за исключением каникул.

«Если они тебе нужны, можешь их забирать», — объявила она ему по телефону, подтверждая, что их борьба изначально не имела никакого отношения к детям.

В Бигфорке Маркус и дети были совершенно одни. Смитти, обдумывающий возможность покупки дома в этом месте, заглядывал к ним каждые несколько недель, но за исключением Серены, которая осталась, она работала в головном офисе в Лос-Анджелесе, Маркус не нуждался ни в каких сотрудниках. Теперь дети были с ним постоянно, и он не жалел об этом.

С точки зрения бизнеса, лето имело безусловный успех. Успех был солидный (Маркус был излюбленной мишенью для умников от рок-критики, так что даже противоречивые отзывы были для него крупной победой), а продажи альбома подскочили на 400 %. Исполнив свой долг, Маркус рассудил, что он вполне заслужил перерыв на год, два, или, может, больше. Во всяком случае, он не заботился о рекордных продажах, и, видя свои фотографии в интернете или в журнале, у него сводило живот. Он был богаче, чем Бог, и хотел поменьше внимания от СМИ, и не более того. Он решил просто исчезнуть, как и планировал с Райан, но сделал это в одиночку.

По прошествии шести недель, Маркус и Смитти остановились в доме на долгие выходные, записали акустическую версию песни «Я закрываю дверь» и выложили его на YouTube под псевдонимом «Скорая помощь». Его фанаты догадались обо всем довольно скоро, за неделю клип посмотрели более трех миллионов раз. Многие из них до сих пор ненавидели его, но, к радости Маркуса, чисто хипстерский сайт «Питчфорк»⁶² в середине октября разместил позитивную статью о песне, назвав ее *«крупным художественным прорывом для Троя — приверженца традиционных представлений об искусстве»*. Маркус не мог поверить, что те же чванливые рок-критики, которые придирались к нему на

протяжении многих лет, теперь расточали ему похвалы. И дети, которые читали «Питчфорк», «Бруклинский веган» и много чего еще, теперь, казалось, заинтересовались изучением его прошлых работ. Один из руководителей лейбла сказал, что количество прослушиваний на Дейзи и Спотифай⁶³ взлетело до потолка. Даже без живых выступлений Маркус смог охватить новую, более молодую аудиторию, не выходя из своего дома.

Некоторое время спустя Маркус обнаружил себя размышляющим над возможностью никогда больше не гастролировать. На протяжении многих лет он старался всегда говорить «да», опасаясь, что, если он начнет отклонять предложения, то они иссякнут, пока он отвлекался на что-то другое. Кроме того, даже если он сделает это, то на него будет оказываться колоссальное давление, чтобы он продолжил вкалывать. Если Маркус не будет гастролировать, его лейбл не заработает деньги, что вполне устраивало его. Но не его группу, и не Смитти. Тем не менее, Маркус рассуждал, что у него было достаточно денег, чтобы его гитарист был сытым и довольным до конца их дней. Если им вдвоем удастся здесь в Монтане сочинять и записывать песни, нанимая местных музыкантов только тогда, когда в них будет необходимость, то вполне смогут войти в совершенно новый этап их творческого сотрудничества. Как там выражались отцы-основатели хиппи? *Включись, настройся, оторвись*⁶⁴.

Но среди этого удивительного прорыва Маркус не переставал думать о Райан, тем более, невозможно представить, что все это случилось бы без ее участия. Она была единственной, кто помог превратить «Я запираю двери» из средненькой композиции в потрясающую песню, и она была единственной, кто заставил его задуматься о способах избежать однообразия гастрольной жизни.

Воспоминания о времени, проведенном вместе, обрушивались на него как шквал: нелепый инцидент с нижним бельем в день, когда они познакомились; случайная встреча на рынке Пайк Плейс Маркет; случай с вывихом лодыжки Райан и массаж ног; все безрассудные выходки, которые он вытворял на сцене, чтобы попытаться добиться ее расположения; мимолетные мгновения страсти, которые они пережили в его номере. Маркус пытался на протяжении нескольких недель избавиться от захвативших его воспоминаний, но не смог этого сделать. Как он ни желал найти способ забыть ее, чувства, которые у него возникли, просто так никуда не ушли.

Однажды, когда дети были в школе, а он и Смитти обменивались идеями, как переделать аккорды для еще одной новой песни, его старый приятель, наконец, нарушил свое молчание.

— Давай, старик, — сказал он, протягивая Маркусу чашку свежего кофе. — Мы должны поговорить об этом. Положи гитару. В любом случае, сегодня твои идеи совсем ни к черту.

Но Маркус не знал с чего начать. Его снова оставили, и причина была очевидна — его слава съела живьем еще одну женщину. Он так и заявил своему другу.

— Ну, это довольно драматический способ так сказать, — согласился Смитти. — Но ты понимаешь ее, верно? Райан — хорошая девушка, а не какая-нибудь охотница за деньгами, как ну... Ты знаешь, что я никогда не любил Бьянку.

— Да. Ты говорил это с самого начала.

— И, брат, можешь ненавидеть меня за это, но сколько времени прошло?

— Мы не разговаривали около восьми месяцев.

Смитти рассмеялся.

— Ты не говорил со мной в течение восьми месяцев. Чувак, ты упрямый. И глупый. С

другой стороны, я такой же. Посмотри на меня сейчас, мне тридцать шесть, и я до сих пор один.

— Это не глупо, брат. Это гениально.

— Нет, это не так. Нет ничего умного в одинокой старости, или в том, чтобы отпустить лучшую женщину, которая когда-либо у тебя была.

— Ты действительно думаешь, что Райан — лучшая женщина в моей жизни?

— Ты шутишь? Даю сто очков вперед.

Старый друг Маркуса помог ему вспомнить, что причины ухода Райан не были безосновательными: невинную женщину, не привыкшую к опасности в обществе знаменитости, вывалили в грязи, ее репутация загублена только по причине ее близости к Маркусу и его музыке.

— Я понимаю, — сказал Маркус. — Но что я могу сделать?

— Ты ее любишь? — спросил Смитти. Вопрос застал Маркуса врасплох, но прежде, чем он смог ответить, его друг добавил: — Если нет, то ты еще глупее, чем я думаю.

Маркус невесело рассмеялся.

— Да, мужик. Я по уши влюблен в нее.

Смитти наклонился и ударил в Маркуса грудь тыльной стороной ладони, из-за чего кофе пролилось на его фланелевую рубашку.

— Ну тогда почему ты не боролся за нее? Позвони девушке или сядь на самолет в Мичиган. Сделай что-нибудь, ты, чертов осел!

Позже на этой неделе, Маркус позвонил ей, но номер Райан оказался заблокирован. Он написал ей на почту и даже пытался подружиться с ней на Фэйсбуке (для этого, конечно, пришлось создать аккаунт, что оказалось на удивление сложным для тридцатичетырехлетнего парня, которому было необходимо скрыть свою личность), но он не смог найти ее профиль.

К третьей неделе октября с него уже было достаточно. Он оставил детей на выходные со Смитти, сложил две перемены одежды в сумку, завел Эльдорадо и направился на восток. Четыре месяца назад он мчался по тем же дорогам на этом же великолепном образце классического мастерства из Детройта и убедил Райан отправиться с ним на гастроли.

Сейчас он попросит ее согласиться на поездку совершенно другого рода.

Ту, которая будет длиться всю жизнь.

* * *

Точно так же, как она сделала, узнав о Нике и Натали, Райан погрузилась обратно в свою одержимость бегом даже прежде, чем ознакомилась со студенческим городком Мичиганского университета. Она использовала бег как способ ориентироваться в новой обстановке, позволяя себе затеряться в природной зоне Лесли Вудс, которая примыкала к ее дому, сначала на три мили, потом на пять, потом на семь, а потом на десять. Она бегала, чтобы добиться того привычного волнения, того сладкого прилива эндорфинов, который был столь недостижимым с тех пор, как она покинула Улетный автобус. Она бегала, чтобы забыть свою поездку. Она бегала, чтобы забыть себя. И, конечно же, она бегала, чтобы забыть Маркуса и детей.

Любуясь пологими холмами и осенней листвой, которая появилась всего несколькими днями ранее, она говорила себе, что уже начала ценить природную красоту Мичигана,

настолько отличающуюся от бескрайних открытых пространств, легендарных видов и высоких горных хребтов ее родного штата. Но на самом деле ее накрыл приступ ностальгии почти такой же разрушительный, как и ее горе. В конце сентября она всерьез рассматривала возможность покупки билета на самолет домой на длинные выходные. Но потом поняла, что там она может легко нарваться на Троя. И если она увидит Маркуса, то только Бог знает, что она могла бы сделать — вероятно, бросилась бы напрямик в его объятия, напрямик в его жизнь, снова. Нет уж, лучше остаться на месте. В конце концов, она привыкла к Энн-Арбору.

Она старалась не допускать своим мыслям уноситься к Маркусу, но иногда ничего не могла с этим поделать. Это, конечно же, были конкретные, личные воспоминания: впечатляющие навыки Маркуса как фельдшера и массажиста, его обращение к ней за советом по поводу незаконченных текстов песен, их «случайные» посиделки в автобусе — но больше всего она вспоминала настроения и эмоции. Она нигде, кроме как рядом с ним, не чувствовала себя настолько живой, настолько спокойной, настолько самой собой. Она никогда не была окружена такой нежностью и лаской. Иногда она спрашивала себя, доведется ли ей встретить когда-нибудь мужчину, хоть немного похожего на Маркуса Троя.

«Признайся уже», — думала Райан. — «Ты любишь его. Ты все еще любишь его».

Райан совершенно не чувствовала себя одинокой. Она была рада, что у нее есть какое-то время для осмысления того, что произошло — она почти наслаждалась возможностью наказывать себя, снова и снова перебирая в памяти события лета — и весь сентябрь она пыталась разобраться, удалось ли спасти бы их отношения с Маркусом, если бы она поступила по-другому. Она знала, что СМИ, конечно, набросились бы в случае любого намека на отношения между Маркусом и няней — избитый сюжетный ход был слишком хорош для того, чтобы пройти мимо. Но разве она сама, в некотором смысле, не подлила масла в огонь? Маркус не был мастером самоконтроля, но Райан всегда думала, что сама она была. Почему она позволила представителям семейства Троев — двух ее поколений — затащить ее на сцену, и не один раз, а дважды? И почему она опустилась до уровня Джейси Ричардс, не говоря уже о Бенджамине Литтле? Райан никогда не была неуравновешенной личностью, и то, что она позволила этим двоим спровоцировать ее, до сих пор приводило в шок.

На третьей неделе октября Райан решила сделать пробежку за пару часов до заката. Она заканчивала третью петлю вокруг поля для гольфа парка Лесли в довольно быстром темпе — 1,609 км за восемь минут и двадцать секунд, — и собиралась уже бежать через лес. Деревья преобразались ежедневно, и ей нравилось наблюдать за изменениями. Сегодня последние зеленые листья исчезли, их заменили ослепительные желтые, оранжевые и рыжевато-коричневые, и пока она рассматривала невероятный лесной покров, сомкнутый над ней, пришлось напомнить себе о необходимости следить за случайными камнями и корнями деревьев на своем пути. Если она подвернет лодыжку здесь, в Энн-Арборе, то под рукой у нее не будет рок-звезды, чтобы позаботиться о ней.

Проверив свои результаты, Райан выбежала из леса и набрала скорость, направляясь к озеру Лаила. Она действительно улучшила свое время, бегая вокруг поля для гольфа, и была на пути к тому, чтобы побить свой личный рекорд. Завершая второй круг вокруг озера, она набирала скорость с каждым шагом. Ей не хотелось замедляться, не тогда, когда она набрала такой темп, но было件нятно, что если она продолжит бежать, то, вероятно, не сможет остановиться и опять пробежит мимо этого чертового дома.

Первый раз, когда она оказалась на Эйвон-Стрит, это вышло абсолютно случайно. Райан

видела Крейн Хаус на планшете Маркуса только один раз. Она забыла адрес и даже не собиралась искать его в Гугле. Она была не из тех, кто будет себя мучить — или она так думала.

Но как-то раз в конце сентября она пробежала около дома, спрятавшегося в самой обычной пригородной местности, и, словно увидев призрак из своих снов, остановилась как вкопанная. Сначала она подумала, что это может быть и не Крейн Хаус, но перед домом была табличка с объявлением о продаже. Не в силах сдержать себя, она шла по газону, и почти повернула обратно, когда датчик движения включил фонари и осветил каменную дорожку, ведущую к входной двери. Она продолжала идти, прикрыв глаза от яркого света и, вглядываясь в одно из окон справа от двери.

Было семь часов вечера, и внутри довольно темно, но это определенно был Крейн Хаус. Похоже, сейчас там никто не жил, но скудная обстановка, светильники, кухонный остров — все было точно таким же, как и на сайте. Она даже видела дверь в комнату, которая должна была стать ее рабочим кабинетом. Зная, что это чистый мазохизм, она вообразила себя, работающей за маленьким старинным письменным столом, который она видела на снимке, а дом в это время был бы наполнен звуками голоса Маркуса и акустической гитары.

Испытывая боль и тоску, Райан повернулась и оказалась перед брюнеткой средних лет в брючном костюме, покачивающей связку ключей с брелоком Мичиганского университета.

— Интересует? — спросила женщина.

Райан, чей легкий костюм для бега больше подходил для тренировок в бабье лето, чем для экскурсий по ретро-архитектурным достопримечательностям, поняла, какой глупый вид она, должно быть, имела в глазах агента недвижимости.

— О, нет. Просто... я когда-то читала про этот дом и узнала его, когда пробежала мимо.

— Ты, должно быть, будущий архитектор? Учишься в Мичиганском университете?

— Нет, нет. Ну, да, я студентка, но это не моя специальность.

— Тогда у тебя есть нюх на красивые дома. Это настоящая жемчужина. Дом спроектирован Дином Робертом Меткалфом в 1953 году. Это был его первый заказ в Энн-Арборе, и это один из моих любимых домов в этом районе. В продаже только месяц или около того. Хочешь посмотреть его?

— О, нет. Может, в другой раз. — Райан было очень неудобно, и она не могла дожидаться, чтобы убежать. Но ей просто необходимо спросить. — Кто-нибудь клюнул на него?

Агент посмотрела налево и направо от нее и прошептала:

— Ты поклонница рок-музыки?

— Вроде как, — сказала она. Тема была слишком сложной, чтобы влезать в нее.

— Им интересовался Маркус Трой. — Райан улыбнулась, соглашаясь, но не стала расспрашивать. — Маркус Трой.

— Вау.

Агент пожала плечами.

— Но я думаю, он просто прощупывал почву. После первого звонка я больше с ним не говорила, и он перестал отвечать на мои письма.

— Очень плохо, — сказала Райан. — Не повезло.

— И не говори, — согласилась агент.

Пока Райан преодолевала Вилоутри-Лэйн, она говорила себе, что надо все это

прекратить, вернуться домой и немного позаниматься. На сегодня все. Пора сделать вполне заслуженную передышку. Но Эйвон-Стрит была так близко, и она ничего не смогла с собой поделывать. Она продолжала бежать — ей это было просто необходимо.

Какой еще у нее был выбор? Она и Маркус зашли в тупик. В последний раз, когда она его видела, он ясно дал понять, что ни за что не перестанет заниматься любимым делом лишь для того, чтобы остаться с ней. И она никогда не помышляла просить его прекратить писать музыку — он был тем, кем он был. Но в тоже время и она не собиралась отказываться от своей мечты. Она не планировала стать домохозяйкой или просто группы — это не то, кем была она.

С тех пор, как она в первый раз наткнулась на агента по недвижимости, Райан всегда, когда находилась около Крейн Хауса, старалась перебежать на противоположную сторону улицы. И она, разумеется, не заглядывала снова в окна — не хотела, чтобы подумали, что она была какой-то маньячкой (хотя тот, кто следил за пустым домом, был, безусловно, сумасшедшим совершенно другого рода). Ее привычкой стало просто пробежаться по Эйвон-Стрит, увидеть знакомый знак «Продается» во дворе и продолжить путь дальше.

Сегодня все было как всегда, и как только Райан увидела с расстояния около ста метров табличку, то почувствовала ту же смесь жажды и облегчения и спрашивала себя в сотый раз, как получилось, что это превратилось для нее в увлекательный ритуал. Но когда она подошла ближе, то увидела, что табличка была другой. Кто-то написал поверх слов «Продается» гораздо более определенное объявление: «Продано».

Ругая себя и надеясь, что, наконец, сможет оставить Маркуса в прошлом, Райан повернула около дома назад. Она заставила себя думать о чем угодно, только не о нем — об огромном объеме работ, который ждал ее сегодня вечером, о еде, которую ей необходимо приготовить, о пробежке, на которую собиралась пойти завтра утром. Она побежала быстрее, надеясь, что любой, кто пройдет мимо нее по улице, по ошибке примет ее слезы за капли пота.

Меньше чем в двухстах метрах от нее, она заметила большой, бросающийся в глаза, автомобиль, припаркованный на стоянке возле жилого комплекса. Был вечер пятницы перед днем Колумба, и на стоянке оставалось лишь несколько машин, но даже если бы она была полностью заполнена, этот чудовищный автомобиль выделялся бы среди всего. Кричаще золотой, выцветший до броского оттенка горчицы, который был в моде за пару десятилетий до рождения Райан, кабриолет с брезентовым складным верхом кремового цвета больше напоминал лодку, чем машину. Размышляя, где она могла видеть его раньше, Райан увидела, как с места водителя поднялся мужчина. Он был одет в джинсы, ковбойские сапоги и белую рубашку, расстегнутую до середины груди.

Райан перешла на медленный темп и остановилась чуть меньше, чем в десяти метрах от Кадиллака Эльдорадо 1973, вытащила свой телефон из чехла-нарукавника и проверила статистику: 16,5 километров за восемьдесят минут. Она побила свой рекорд.

Райан положила телефон в карман шорт, отерла лоб напульсником, и как можно спокойнее пошла к машине и ее красавцу-водителю, который стоял, как всегда, самоуверенный, скрестив в лодыжках ноги, в очках-авиаторах, переливающихся в последних лучах заходящего солнца. На его лице застыла кривая улыбка мультяшного ковбоя, а его взгляд имел столько власти над ней, как никогда до этого.

На миг, когда между ними было около 5 метров, она попыталась придумать что-то резкое, какой-нибудь остроумный сценарий, который задаст тон тому, что должно было

произойти. Но ничто подходящего и саркастического не смогла себе представить. Вместо этого, она слышала только голос отца, чьи мудрые слова в кризисных ситуациях, возможно, не были полностью оригинальны, но всегда были подходящими: *«Слушай свое сердце»*.

Она подошла к нему, чеканя шаг. Он был здесь, после шести недель. Он приехал к ней, потому что не мог перестать думать о ней больше, чем она могла о нем. Она слушала свое сердце, колотящееся так сильно, как будто она бежала спринтерскую дистанцию, и оно не давало ей никаких однозначных ответов. Да, было удивительно, что он проделал такой далекий путь сюда из Монтаны, но это не значило, что все вопросы между ними были решены. Она не позволит сбить себя с ног. Но она выслушает то, что он скажет.

Маркус снял очки и натянул их на голову. Он улыбался с чувством глубокого удовлетворения, как будто вернулся после долгого, трудного путешествия в чужих, незнакомых землях домой и нашел все, что любил, нетронутыми. Когда их глаза встретились, знакомая дрожь пронзила насквозь ее позвоночник, хотя она и попыталась подавить ее.

— Так приятно видеть тебя снова, — сказал он.

— Маркус, я не уверена, что это хорошая идея.

Второй раз сегодня ей хотелось, чтобы она не вела разговор в своей мокрой одежде для бега, хотя, конечно, в присутствии Маркуса это случилось впервые.

— Пожалуйста, — попросил он. — Мне так много нужно тебе сказать.

И снова прозвучали слова ее отца: *«Просто выслушай его, Райан. Он проделал весь этот путь. Выслушай человека»*.

Маркус дал ей время принять душ и переодеться — она не собиралась вести с ним задушевные беседы, когда с ее лба лил пот, а волосы выглядели как мокрое крысиное гнездо — и через несколько минут она вышла из квартиры в ржаво-оранжевой блузке и ее любимых джинсах.

— Боже, ты великолепно выглядишь, — сказал он, пока придерживал для нее дверь машины.

— Маркус, пожалуйста, — ее сердце трепетало. Маркус был так близко, что она могла чувствовать его запах. Но все, что она сказала: — Ты пришел поговорить? Давай поговорим.

Он ездил по Геддес-Авеню, местность ему была, разумеется, незнакома. Но им не нужен был конечный пункт, не сегодня.

— Я снова и снова прокручиваю в своей голове все, что с нами произошло, — сказал он. — И ты оказалась права.

— В чем?

— Во всем, — он сделал глубокий вдох. — Во-первых, заставить тебя подняться на сцену в тот вечер было ужасной идеей.

— Полностью с тобой согласна.

— Я был в такой эйфории из-за слушаний об опеке, что перестал трезво мыслить. Я хотел поделиться со всем миром, рассказать всем, как сильно я... — он сделал паузу.

— Что?

— Ты ведь понимаешь, как сильно я забочусь о тебе, не так ли? — с мольбой в глазах он посмотрел в ее сторону.

— Следи за дорогой.

Ее тон был небрежным, но сердце стало биться быстрее. Он опять посмотрел вперед, и

Райан увидела, как на рулевом колесе сжимались и разжимались его руки.

— В Новом Орлеане я тебе сказал, что не брошу свою карьеру, чтобы быть с тобой.

— И я не хочу, чтобы ты это делал. Это было бы несправедливо. Точно также было бы несправедливо, чтобы я отказалась от своей.

— Но дело в том, что я думаю, что ни один из нас не должен. Я хочу, чтобы ты воплотила в жизнь все свои мечты. Я хочу, чтобы ты получила свой диплом, а потом обучала, или консультировала, или что там специалисты в обучении детей делают, — Райан не могла не хмыкнуть при этом, — и я хочу поддержать тебя, как это делаешь ты.

— Но что насчет музыки? Что насчет гастролей?

— Я заканчиваю с гастролями. Правда. Я уже думал о том, чтобы притормозить, полностью забыть о длительных гастролях по стране и сосредоточиться на воспитании детей, на записи музыки, и, возможно, иногда выступать в каком-нибудь маленьком клубе.

— Хорошо...

— То, что я понял после тура, так это то, что я могу закончить этот этап моей жизни, и не испытываю по этому поводу ни малейшего сожаления. Но я не могу уйти от тебя.

Райан была потрясена. Маркус Трой, с которым она познакомилась в июне, никогда не рассматривал возможность изменить всю свою жизнь ради кого-либо. Теперь, он собирался отказаться от того, что он делал в течение почти пятнадцати лет, просто чтобы быть с ней? Она не могла в это поверить.

— О, Маркус, — она взяла его руку и положила на свое колено. Автомобиль слегка вильнул. — Прости, следи за дорогой. Послушай, меня тоже убило то, что ушла от тебя. Мне не понравилось то, как мы расстались. Мне не понравилось то, что я оставила детей, не сказав им ни слова. И я тоже поняла некоторые вещи.

— Какие?

— Такие, что ты самый лучший человек, которого я знаю, хоть иногда и становишься занозой в заднице.

Он откинул голову назад и рассмеялся.

— Спасибо большое.

— И что, если необходимо, я тоже могу пойти на компромиссы. Я слишком много заботилась о том, что думают другие люди, и у меня возникла дурацкая мысль, что никто и никогда не будет смотреть на меня как раньше после того, как про меня написали в ТМЗ. Но когда я оказалась здесь, никто даже не взглянул на меня дважды.

— Ты имеешь в виду, что народ на твоём курсе «Методология диагностирования навыков овладения языком» не смотрит ТМЗ?

Райан рассмеялась.

— Точно. Эти кретины даже не знают, кто такой Маркус Трой.

Он скептически посмотрел на нее.

— Сомневаюсь я что-то.

— Маркус...

— Что?

— Я думаю, что я...

— Нет, я хочу сказать первым, — они находились на покрытой листвой улице, примыкающей к Геддес-Авеню, где вообще не было никакого движения. Он остановил машину и повернулся к ней. — Райан Эванс, я полностью, по уши влюблен в тебя.

Райан почувствовала, как ее сердце раскрывается для этого мужчины. Наконец-то, ей не

нужно сдерживаться. Он мог быть ее; она могла быть его.

Не говоря ни слова, она поцеловала его.

Ее губы встретились с его, а затем через одну мучительную секунду, она отступила назад, желая, чтобы чувство восхитительного предвкушения продлилось чуть дольше.

— Маркус Трой, я тоже полностью, по самые уши влюблена в тебя.

Его вкус был таким знакомым, таким умиротворяющим, прикосновение его пальцев было таким эротичным, и она чувствовала себя опьяненной и возбужденной, и полной жизни. На мгновение она забыла, где они были, и, с удивлением взглянув наверх, увидела над головой кроны деревьев. Солнце только начинало садиться, и, пока Маркус страстно поцеловал ее, она чувствовала, как свет играет на ее руках.

Через мгновение Маркус сказал:

— Давай, поехали. Я хочу кое-что показать тебе.

Они направились обратно в сторону университета, но как только он свернул с Геддес-Авеню, у Райан стали закрадываться подозрения.

— Что ты задумал? — спросила она его.

— Ничего, — сказал он, невинно улыбаясь. — Просто приятная поездка.

Однако, через пару кварталов, он повернул направо на Эйвон-Стрит. Райан не выдала свой секрет, — ведь Маркус не мог знать, что она несколько недель следила за этим домом, — когда он подъехал к Крейн Хаусу и остановился рядом с серым Приусом.

— Поездка с последующей экскурсией по дому? — спросила Райан.

— Возможно. Я слышал, что он продается.

Маркус припарковался, и прежде чем Райан смогла выйти со стороны пассажирского сиденья, он подбежал и открыл для нее дверь. Когда она вышла из машины, он обнял ее. Сейчас воздух был немного прохладным, но в объятиях Маркуса она чувствовала себя так тепло. Она знала, что отныне он был убежищем, в котором она нуждалась.

Вдруг неожиданно прозвучавший металлический звон удивил ее. Маркус, когда его руки обхватили ее за талию, что-то уронил.

— Что это там? — спросил он игриво.

Райан посмотрела вниз и увидела набор ключей с брелоком Мичиганского университета.

— Нет, — сказала она, по-прежнему не желая показать, что ей известно, а что нет. — Я не могу в это поверить.

Но он не ответил.

— Пойдем внутрь и посмотрим.

— Нет, ты не мог этого сделать! — вскрикнула она.

— Я сделал.

Из-за угла вышла брюнетка — та самая агент по недвижимости, с которой Райан столкнулась несколько недель назад.

— Ну, здравствуй, — сказала она, очевидно узнавая Райан.

— Райан Эванс, — представилась она, протягивая ей руку. — Приятно познакомиться.

Когда Маркус повернулся, чтобы открыть дверь, она беззвучно произнесла агенту: «Пожалуйста», надеясь, что та ее поймет.

Агент понимающе улыбнулась, и, пока Маркус продолжал бороться с замком, кивнула в его сторону, подмигнула и восторженно подняла большие пальцы вверх. Затем вытащила табличку из земли и бодрым голосом произнесла:

— Хорошо, мистер Трой, моя работа здесь окончена. Наслаждайтесь вашим новым домом! — И с этими словами села в серый Приус.

Наконец, Маркус разобрался с замком и с размаху открыл дверь, приглашая Райан войти мелодраматическим взмахом руки. В доме практически отсутствовала мебель, но, тем не менее, было уютно и тепло. Она заметила чемодан, лежащий в холле.

— Маркус, не могу поверить, что ты сделал это, — повторила она, хватая его за руку. — И все только лишь чтобы быть поближе ко мне?

— Я сделаю все, чтобы быть ближе к тебе.

Маркус повел Райан в комнату, в которой находился скромный, но красивый письменный стол. На нем лежала коробка с нераспакованным макбуком. За дверью стояла кушетка с кучей подушек. Мягкий свет от нескольких светильников дарил чувство уюта и спокойствия.

— Ты можешь писать здесь свою дипломную работу, — сказал Маркус. — Когда будешь готова.

— А что насчет тебя? Что ты будешь делать, пока я буду трудиться в поте лица?

— Я буду писать песни, играть с детьми, готовить ужин, да все, что угодно.

Он поцеловал ее, долго и глубоко, и Райан прижалась к нему. Она никогда снова не оставит Маркуса. Она не увидела даже половину дома, но ей это и не нужно. Просто вернувшись обратно в объятия Маркуса, она нашла свой дом.

В Бигфорк в дороге

— Я вижу три на одной машине! — громко закричал сидящий рядом с ней Майлз. Райан Трой ехала по шоссе Свон в сторону заброшенного фермерского дома в Полсоне, где Маркус и Смитти занимались окончательным наложением звуковых дорожек для их нового альбома.

— Три чего, Майлз? — Она положила руку на живот; этот жест стал инстинктивным.

— Это значит... — посчитал он про себя. — ...триста двадцать семь.

— Триста двадцать семь чего?

Но загадочный восьмилетний мальчишка ничего не сказал, просто указывая в качестве объяснения на ехавший перед ними Шеви 4x4. А ведь мы даже не в Техасе.

Райан, прищурившись, стала всматриваться в грузовик, но в ноябре в четыре тридцать пополудни солнечный свет уже начинал угасать, а грузовик ехал почти 130 км/ч (предельная разрешенная скорость в «Краю небесных просторов»), и она не смогла обнаружить ничего особенного. Шеви выглядел так же, как и любой другой пикап в Монтане.

— Ну же, Райан, — сказал Майлз. — На бампере? — Как будто это была самая очевидная вещь в мире.

Наконец, Райан увидела на бампере три наклейки. Грузовик, судя по всему, принадлежал одному из последних в государстве крупных скотоводов, или какому-то любителю мяса из Монтаны, потому что на этих трех наклейках можно было прочесть: «ЧБСИРБ: Что Бы Сделал Иисус Ради Бекона?» (с изображением самого Христа, грызущего аппетитный кусочек свинины), «Для всех Божьих тварей хватит места... НА МОЕЙ ПЛИТЕ!» и самое странное из всех: «Клонированное мясо: это дежа рагу!».

— Сумасшедший ребенок, — удивилась Райан. — Ты все это время продолжал их считать?

— Конечно, — подтвердил Майлз. — Мы все это делали. Шарлотта и папа тоже.

Райан не могла поверить, что подсчет наклеек продолжался все три года без ее ведома. Конечно, она жила в Мичигане и училась с тех пор, как закончились гастроли. Но Маркус проводил с ней в Энн-Арбор по крайней мере половину своего времени и, как минимум, дюжину раз привозил на каникулы детей.

— Разве не я придумала эту игру? — спросила Райан. — И я заслуживаю должное уважение, Майлз.

— Исключено. Это я увидел в Хьюстоне: «Говядина: вот, что нужно на обед». Я это сделал.

Райан рассмеялась.

— Мечтать не вредно.

Она свернула с 35 шоссе на трассу 93, интересно, это тот самый участок дороги, по которому Маркус помчался за ней, после того, как провел с ней собеседование в трусах и ботинках? Улыбаясь про себя, она задалась вопросом, когда Майлз будет достаточно взрослым, чтобы услышать эту историю.

План заключался в том, чтобы забрать Маркуса, Смитти и Шарлотту, играющую сегодня соло на гитаре для «Развилки дорог», новой песни, которая, в чем Маркус был уверен, будет первым синглом его планируемого альбома, и отправиться в новую пиццерию, где готовили

на углях, расположенную в районе горы Блектейл. После того, как завершился последний тур, — Маркус с тех пор не гастролировал и не планировал в ближайшее время, — Шарлотта взяла в руки гитару, занимаясь ни с кем иным, как со Смитти. По словам Маркуса, она была уже «хороша, как никогда» в игре на инструменте, и Шарлотта прыгала до потолка, когда Маркус сказал ей, что она примет участие в записи нового альбома.

Объехав дом по подъездной дорожке, Райан припарковала свой F-150 рядом с Эльдorado. Она собиралась посигналить — в ее нынешнем состоянии, ходьба была наименее любимым видом спорта. Но они, вероятно, все еще работали над записью альбома, поэтому она и Майлз вышли из машины и направились в сторону студии. Райан услышала громкую музыку, доносящуюся из сарая, стремительное гитарное соло, выделяющееся на фоне остальных инструментов.

— Это, наверное, Смитти, да? — спросила Райан Майлза.

— Шарлотта не настолько хороша.

Он собрался было побежать, чтобы перепроверить.

— Эй, Майлз, успокойся и дай мне руку. Ну, давай же.

Мальчик остановился как вкопанный и вернулся к ней, предлагая свою руку для поддержки.

— Прости, — сказал он. Сейчас на Майлза приходилось немного поворчать, но, в один прекрасный день, он станет таким же джентльменом, как и его отец.

Райан тихо постучала в дверь, на тот случай, если работа была в самом разгаре. В этот момент Маркус с размаху открыл дверь.

— Привет!

— Мы не помешаем? — прошептала Райан.

— Нет, заходите, — поцеловал он ее.

Трое склонились над микшерным пультом импровизированной аппаратной в углу огромного помещения сарая. Это не была роскошная, профессиональная студия, но Маркус предпочитал работать в таких кустарных условиях. Перед пультом находились два кресла, и Маркус притащил одно для своей жены.

— Я могу постоять, — сказала Райан. — Я хочу видеть.

— Райан, сажай сюда свою задницу, — потребовал он.

Она уступила, и Маркус опустился рядом с ней на колени, нежно поглаживая рукой ее живот.

— Она сегодня опять бушует?

— Да, — подтвердила Райан. — Упорная.

Роды были так близко — всего каких-то пять недель, и тогда Маркус с Райан по-настоящему встретятся со своей дочкой. Райан была так взволнована, что большую часть времени не знала, что с собой делать.

Теперь она была АБД, «все, кроме диссертации»⁶⁵, поэтому она вернулась в Монтану в сентябре сразу по окончании последнего занятия ее программы обучения в аспирантуре. Это были сложные три года, когда она жаждала проводить с Маркусом каждую секунду, не желая ничего больше, чем быть с детьми и с ним, в то время как ей приходилось сталкиваться с изнурительным графиком обучения и делать наброски тезисов к ее дипломной работе. Теперь ей осталось лишь написать эту чертову работу. И конечно, привести в мир их дочь.

Она прошептала на ухо мужу:

— Иногда я не могу поверить, что все это происходит со мной, а ты?

Он поцеловал ее.

— Ущипни меня, — попросил он. И она сделала это, скрутив небольшой кусочек кожи на его мускулистом бицепсе.

— Оу, я не имел в виду буквально, — сказал он. — Давай послушаем. Она почти закончила.

В дальнем углу комнаты Смитти с гитарой в руках репетировал с Шарлоттой, указывая на гриф ее гитары.

— Ты так прекрасна в первых восьми тактах. Почему бы тебе не попробовать плавно перейти к аккорду А в девятом такте? Это может сработать.

— Хорошо, — очень серьезно сказала Шарлотта. — Давай попробуем.

При этом Смитти обернулся и кивнул вновь прибывшим, а Маркус нажал кнопку двусторонней связи, чтобы его можно было услышать через окно из оргстекла.

— Как дела, ребята? — Райан и Майлз помахали, в то время как Шарлотта старательно их игнорировала. — Ладно, давай сделай это.

Маркус произвел пару небольших корректировок фейдера с пометкой «Шарлотта соло» и сказал:

— Хорошо, поехали.

Вскоре из мониторов аппаратной послышался голос Маркуса, поющего припев, который Райан уже давным-давно запомнила, еще когда Маркус только написал песню на выходных в Крейн Хаусе. Просто она слушала ее в различных вариантах уже сотню раз, и ей по-прежнему не надоело слушать, особенно набирающий обороты припев:

Люби Меня,

Обними Меня,

Но никогда, никогда не оставляй меня.

— Меня надо поблагодарить за эту песню, верно? — спросила Райан.

— Ты знаешь это.

— Я все еще думаю, что ты должен был оставить часть «покорми меня».

Маркус рассмеялся.

— Я пишу песни о любви, а не учебное пособие по воспитанию детей.

— Зачем ограничивать себя? Ты собираешься стать отцом троих детей. Впереди тебя могла бы ждать вторая карьера.

— Правда, — рассуждал Маркус. — И очень скоро я буду иметь в своем распоряжении Доктора Райан Трой.

— И у меня есть знаменитый муж, что в значительной степени является сейчас единственный способ получить контракт на написание такой книги.

— Тс-с, — сурово произнес Майлз. — Сейчас будет соло.

Шарлотта со стоящим перед ней, как проводник, Смитти, кивая головой в такт, начала играть соло. Ее игра не была стремительной или показушной, но была такой мелодичной, что, даже не будучи музыкантом, Райан смогла ее оценить. Она не могла поверить, сколь многого новоиспеченный подросток достиг всего за три года.

— Она так хороша, — сказала Райан.

— Она скоро обойдет в игре Смитти, — согласился Маркус.

— Я буду лучше, — возразил Майлз, который, не желая отставать от своей сестры, начал брать уроки игры на бас-гитаре в мае прошлого года.

— Все, что тебе нужно делать, это продолжать практиковаться, — заявил Маркус.

— Я знаю, знаю — ты все время говоришь мне об этом, — пожаловался Майлз, дрыгая в воздухе ногами.

Райан посмотрела на Маркуса, потом на Майлза, Шарлотту и Смитти, и ей захотелось остановить время и сохранить в памяти этот момент, всех четверых, эту встречу в старом фермерском доме в Монтане. Но чувствуя, как внутри нее растет жизнь, она понимала, что не будет этого делать. Все четверо — а очень скоро уже пятеро — будут работать без усталости, неумолимо двигаясь вперед.

— Мы все должны продолжать практиковаться, Майлз, — сказала Райан, даря Маркусу глубокий, сладкий поцелуй. Она запустила пальцы в густые, пышные волосы мужа, потом оттянула назад его голову и заглянула в его красивые голубые глаза.

— Ребята, пожалуйста, — простонал Майлз, натягивая толстовку на свое лицо. — Бросайте ваши телячьи нежности.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Заметки

[
←1

] Montana Nanny — служба по подбору нянь и сиделок

[
←2

] Swan River — река в западной части штата Монтана, США

[
←3

] Groupie — поклонница поп— или рок — группы, сопровождающая своих кумиров во время гастролей, употребляется почти исключительно в отношении молодых женщин, активно стремящихся оказывать своим кумирам сексуальные услуги

[
←4

] NERF — марка детских игрушек

[
←5

] Timberland — американский мировой производитель и продавец верхней одежды и обуви

[
←6

] Echo Lake — небольшое озеро в долине Флатхэд, Монтана

[
←7
]

Victoria's Secret — одна из наиболее известных в мире компаний по продаже женского белья

[
←8
]

35, 82, 93 — скоростные автомагистрали. В пределах континентальной части США главные межштатные автострады имеют номера меньше 100. Шоссе направлений восток — запад имеют чётные номера, а направления север — юг — нечётные

[
←9
]

Big Sky — Национальный парк в Монтане

[
←10
]

Ford Econoline — микроавтобус

[
←11
]

In 'n' Out Burger — сеть ресторанов фаст-фуда

[
←12
]

Go Fish — детская карточная игра

[
←13
]

Rattlesnake Mountain — гора Гремучей змеи — зона отдыха и туризма, расположенная в штате Вашингтон, в 50 км от Сиэтла на территории Rattlesnake Mountain Scenic Area

[
←14
]

Hyatt Regency — сеть отелей высшего класса

[
←15
]

Bozeman — город, расположенный в округе Галлатин, штат Монтана

[
←16
]

Coeur d'Alene — крупнейший и главный город округа Кутеней, штат Айдахо

[

←17

]

настройка звука перед концертом

[

←18

]

California или California King — удлиненная двухместная кровать, размер матраца 183x212 см

[

←19

]

Waterfront Park — общественный парк на центральной набережной в даунтауне, Сиэтл, штат Вашингтон

[

←20

]

Alaskan Way — мост, типа виадук, через автостраду

[

←21

]

Один из старейших фермерских рынков. Также выступает в роли своеобразной сцены для уличных актёров, клоунов и певцов, что, по — видимому, и является причиной его большой популярности у туристов со всего мира

[

←22

]

Rachael Ray — телеведущая, знаменитая шеф — повар, писательница, издательница журнала о еде

[

←23

]

(Big Fork Theatre — небольшой театр в Бризбене, организованный группой артистов, предлагающий скетч комедии, джем — вечеринки и группы обучения искусству импровизации и комедии

[

←24

]

The Martin Guitar Company производит акустические инструменты, которые считаются одними из самых лучших в мире

[

←25

]

junket-style или press-junket style — это когда актеры, музыканты или известные люди и журналисты собираются в одном месте, чаще всего это какой-нибудь ресторан. Каждому интервьюируемому выделяется отдельный столик. С ним за столиком сидят два-три

журналиста, которые могут задавать вопросы. Потом их сменяют другие журналисты и т. д. Пресс-джанкет обладает неоспоримыми преимуществами перед традиционными пресс-конференциями. Во-первых, журналисты имеют возможность узнать интересующие их вещи, не рискуя получить расплывчатые и общие ответы, а интервьюируемые в свою очередь избегают некорректных вопросов, касающихся их личной жизни и т. д.

[
←26

] ежедневная газета в Портленде, штат Орегон, основанная в 1950г

[
←27

] Cadillac Eldorado, 1973 — полноразмерный переднеприводный автомобиль, кузов с габаритами 5,68 х 2,03 м, двигатель — трехсотсильный V8 объемом 8,2 л, способный разогнать более чем двухтонного красавца до 200 км/ч и расход топлива 24–28 л на 100 км

[
←28

] crescendo (итал.) — муз. всё громче, с возрастающей силой

[
←29

] Майли Сайрус (Miley Cyrus) — американская актриса и певица, снялась в главной роли в сериале «Ханна Монтана». Любительница показывать язык и средний палец

[
←30

] Vixen (лисица, мегера) — порностудия, а также американская глэм-метал-группа

[
←31

] E! Entertainment Television — американский кабельный и спутниковый телеканал, принадлежащий компании NBCUniversal

[
←32

] Nickelodeon — детско — подростковый телевизионный канал

[
←33

] Hollywood Bowl или «Голливудская чаша» — концертный зал в виде амфитеатра под открытым небом в районе Голливуде. Используется в основном для музыкальных выступлений

[
←34

]

Commes Des Garçons — японский бренд одежды и аксессуаров, основанный женщиной — дизайнером Рей Кавакубо (Rei Kawakubo)

[

←35

]

Canyon Ranch — сеть спа-курортов и велнес-центров

[

←36

]

плавная последовательность асан, в которой движение следует за дыханием

[

←37

]

Wallyball — игра, напоминающая по правилам волейбол. В ней используется более мягкий мяч, а площадка огорожена стенами, что не позволяет мячу оказаться «вне игры»

[

←38

]

Anderson Cooper — американский журналист, писатель и телеведущий

[

←39

]

Kanye West — американский рэпер, продюсер и дизайнер

[

←40

]

Willie Nelson — американский композитор и певец, работающий в стиле кантри

[

←41

]

Ryan Seacrest — американский теле— и радиоведущий, лауреат «Эмми», продюсер, актёр, постоянный ведущий телевизионного шоу American Idol

[

←42

]

Big Sky Country — неофициальное прозвище штата Монтана, надписи на номерных знаках автомашин, зарегистрированных в этом штате

[

←43

]

(Lance Edward Armstrong — американский шоссейный велогонщик; единственный спортсмен, 7 раз финишировавший первым в общем зачёте Тур де Франс (1999–2005). В 2012 году был пожизненно дисквалифицирован за применение допинга и лишён всех спортивных титулов, полученных с 1998 года

[
←44

] индейская кастиллея, *Castilleja linariaefolia* (лат) — произрастает на западе США; по виду напоминает малярную кисть, которую обмакнули в краску. Цветок — символ штата Вайоминг

[
←45

] El Toro — сеть предприятий уличной еды

[
←46

] Usain Bolt — ямайский легкоатлет, специализировался в беге на короткие дистанции, восьмикратный олимпийский чемпион и 11-кратный чемпион мира

[
←47

] Ambien (Zolpidem) — снотворное лекарственное средство

[
←48

] Juicy Juice — торговая марка соков и концентратов соков, ориентированных на детей и продаваемых в Соединенных Штатах

[
←49

] Charlotte's Web — роман Элвина Брукса Уайта (E. B. White)

[
←50

] TMZ — сайт новостей из жизни знаменитостей. Название TMZ обозначает тридцатимильную зону, историческую «студийную зону» в радиусе 30 миль (50 км), сосредоточенном на пересечении бульвара Западный Беверли и бульвара Северный Ла — Сьенга в Лос — Анджелесе, штат Калифорния

[
←51

] (Rhythm section (ритм — секция) — часть оркестра или ансамбля, функция которой заключается в исполнении базовой ритмической фактуры музыкального произведения),

[
←52

] Shania Twain — канадская певица, одна из наиболее успешных современных исполнителей кантри и поп — музыки

[
←53

]

искаженная поговорка «Что бы ни случилось в Вегасе, в Вегасе и останется», веганы — строгие вегетарианцы, исключаяющие любую пищу животного происхождения

[
←54

]

Target — крупная сеть розничных гипермаркетов эконом—класса в США

[
←55

]

широкомензурный медный духовой музыкальный инструмент, самый низкий по регистру

[
←56

]

Po' boy (poor boy) — бедный мальчик— традиционный бутерброд из Луизианы. Он почти всегда включает мясо, обычно это ростбиф, или жареные морепродукты — креветки, раки, устрицы и крабы. Мясо подается на багетах, французском хлебе из Нового Орлеана, известном своей хрустящей корочкой и воздушной мякотью)

[
←57

]

NOLA Media Group — крупнейшая медиакомпания в Новом Орлеане

[
←58

]

two — step — американский бытовой танец двухдольного размера, быстрого темпа

[
←59

]

Ph.D, Doctor of Philosophy — степень доктора философии, докторская степень, словосочетание Philosophy в английском языке изначально имело более общее значение «наука вообще»).

[
←60

]

игра слов Ph.D — Permanent head Damage

[
←61

]

Café Atchafalaya — ресторан каджунской и креольской кухни

[
←62

]

Pitchfork — интернет — журнал, посвящённый музыкальной критике и комментариям, новостям музыки и интервью с исполнителями

[

←63

]

Daisy, Spotify — службы потокового аудио, позволяющие легально и бесплатно прослушивать музыкальные композиции

[

←64

]

Turn on, tune in, drop out — фраза скандально известного «ЛСД — гуру» Тимоти Фрэнсиса Лёри (Timothy Francis Leary), американского писателя, психолога, участника кампании по исследованиям психоделических препаратов (прежде всего ЛСД), разработчика программного обеспечения — одних из первых психологических тестов

[

←65

]

ABD — All But Dissertation — докторант, соискатель учёной степени доктора, ещё не представивший диссертацию